

МОЛИТВА
СВЯТОМУ БЛАГОВЕРНОМУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ДИМИТРИЮ ДОНСКОМУ

Святый благоверный великий княже Димитрие! Аще и не мнози быша дние земнаго жипия твоего, обаче велик жребий приял еси от Содепеля всех Господа, еже прославися в земли Российстей и блаженство вечное на Небесех получиши.

Услыши нас, молишвенниче теплый, предстателю наш пред Господем неусыпный! Во дни мира и в годину неспроений не остави нас попечением твоим, научи ны покорны быти Божественному Промышлению, вся в жипии нашем ко благу направляющему, Опечество наше молишвами твоими от нашествий вражиих, раздоров и неспроений защиты и укрепи теплым твоим предстательством.

О святче Божий! Моли, купно со святою супружницею и сподвижницею твоею благоверною княгинею Евдокиєю, да знаменается на нас свет Лица Божия, и, тем наставляеми, достигнем Царства Правды Христовой, нескончаемого и вечнаго. Аминь.

Духовный Собеседник

2019 №5(103)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Новокуйбышевский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Дмитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – зам. гл. редактора
Анна Коваленко – редактор
Анастасия Лукьянцева – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.
Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф
Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

**МОЛИТВА СЯТОМУ БЛАГОВЕРНОМУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ДИМИТРИЮ ДОНСКОМУ** 1

СЛОВО ПАТРИАРХА

Паптриарх Московский и всея Руси Кирилл
«Без помощи Божией не одолеть врага» 4

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Свяпипель Некпарий Эгинский
Тридцать пять пастырских писем
Часть III. Письма игумение Ксении и сестрам... 6

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

Мипрополип Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших» 34

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Ташьяна Горичева
Об обновленчестве, экуменизме
и «политграмотности» верующих..... 52

УРОКИ ЛЮБОМУДРИЯ

Алексей Величко
Молитва в жизни современного человека..... 88

ИЗОГРАФ

Ирина Языкова
Живое искусство Церкви..... 98

МЕЧ ДУХОВНЫЙ

Юрий Воробьевский
Мистика мировой политики 116

ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБРАЗА

Ольга Седакова
Пустота: кризис прямого продолжения..... 134

«БЕЗ ПОМОЩИ БОЖИЕЙ НЕ ОДОЛЕТЬ ВРАГА»

В истории нашего Отечества было несколько таких судьбоносных моментов, от решения которых в ту или иную сторону могла зависеть судьба Отечества на многие столетия. Одним из таких поворотных моментов было 21 сентября 1380 года.

Это тоже наш День Победы. К сожалению, если судьбоносные события совершались в глубокой древности, их значение не всегда очевидно для многих живущих сегодня людей. Для того, чтобы понять смысл происходившего в 1380 году, проникнуться глубиной и важностью того события, нужно не только в учебниках прочитать о том, что произошло, – нужно представить себе, какая колоссальная опасность нависла в то время над страной, нужно осознать, каким чудом и каким человеческим героизмом была обеспечена эта победа.

Для истории Отечества не существенно, каким оружием сражались воины, вступали ли они в единоборства, как Пересвет и Ослябя, или использовали какие-то другие виды поединка, не вводящие воюющих

в прямое соприкосновение. Очень важен результат битвы. И Куликовская битва стала победной битвой. Тогда русские полки шли не завоевывать чужие земли, русские люди мечтали не о том, чтобы покорить иные страны и народы и подчинить их себе, но в тот день и в те мгновения решалась судьба русского православного государства, которое уже прошло через многие испытания и только-только начало обретать силу. И вся эта народная сила сконцентрировалась здесь благодаря общей воле, единой вере, единому мощному целеполаганию.

Народ почувствовал необходимость победы. Никто не знает, были ли вооружение русских лучше, чем вооружение противников. В точности никто не знает, чье войско и насколько было больше и сильнее. Но победа была одержана, и потому русские люди, всегда способные во смирении преклонять свои главы пред Промыслом Божиим, благодарили Господа, Его Пречистую Матерь за чудо, которое было явлено; благодарили и старца, всероссийского, игумена Радонежского Сергия, что благословил князя Дмитрия Донского на эту сечу и дал ему в помощники двух монахов.<...>

Мы знаем, что враг был одолен. И хотя еще долгие годы Русь оставалась несвободной, но она уже почувствовала свою свободу, уже разжалась жесткая хватка врага, на протяжении столетий наносившего огромный ущерб нашему Отечеству. И мы знаем, что когда почти через 100 лет враг захотел дать последний бой, он этого сделать не посмел и отошел восвояси, и Русь обрела свободу после трехсотлетнего плена и зависимости от иноземцев.

Если мы хотим побеждать (необязательно на полях сражений, дай Бог, чтобы нам вообще не приходилось больше выступать на эти страшные поля сражений), если мы хотим побеждать как народ, если мы хотим преодолевать тяжкие последствия прошлого, если мы хотим решать проблемы, которые перед нами стоят, так же, как их решали во времена преподобного Сергия, Дмитрия Донского, Пересвета и Осляби, – соединяя свои собственные силы с помощью Божией, – мы, принося покаяние за греховное безпамятство наших отцов и дедов, должны создавать сегодня действительно иную жизнь.

Пусть же пример всех наших воинов, душу свою положивших в далеком 1380 году на Куликовом поле в день Рождества Пресвятой Богородицы, поможет и нам, современным людям, любить страну нашу, любить народ наш, хранить память о его величии, преодолевая неправду и беззакония минувшего века. И верю, что Господь преклонит Свою милость и к Церкви нашей, и к стране нашей. Аминь.

21 сентября 2009 года

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ПАСТЫРСКИХ ПИСЕМ

Часть III. Письма игумение Ксении и сестрам

Святитель Нектарий Эгинский

Письмо двадцатое

Афины, 30 апреля 1906 г.

Возлюбленная о Господе дщерь, преподобная старица Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Я получил ваше письмо, увидел вашу скорбь и уступаю вашей просьбе. Результат письма показывает уровень духовной жизни сестричества и вашу немощь. Однако я желаю, чтобы Филофея знала, что меня огорчает её образ жизни, и что я никогда не буду поддаваться желаниям, а напротив, буду использовать методы святых отцов для испытания самоотречения, отказа от своей воли и терпения каждой сестры. Полагаю, что наступило время возложить на себя иго Христово. До сих

пор вы жили как свободные. Но сейчас каждая должна понять, что она приняла иго Господне, которое обязана нести с терпением. А поскольку Бог поставил меня главой над вами, я буду давать распоряжения без объяснения причин, чтобы подвергнуть испытанию ваше самоотречение и терпение. Я не приму ни одного вопроса, ни одного «почему»,

Святой Нектарий (Кефалас) (1846 – 1908) принял монашеский постриг в Новом монастыре (г. Константинополь) с именем Лазарь в 1876 году. В 1877 г. рукоположен во иеродиакона с именем Нектарий. В 1886 году рукоположен в пресвитеры патриархом Александрийским Софронием. В январе 1889 года рукоположен во епископы и становится митрополитом Пентапольским. В марте 1894 года назначен директором Афинской Духовной школы имени братьев Ризари. В 1904 году благословил основание женского монастыря на о. Эгина, где жил с апреля по сентябрь 1908 года до своей кончины. 20 апреля 1961 года митрополит Нектарий причислен Вселенской Церковью к лику святых.

и кто может вместить, да вместит (Мф. 19, 12). Желаю вам всего наилучшего.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

В письме, которое было написано 13 мая 1906 года, святитель Нектарий после того, как дал различные распоряжения сёстрам относительно строящихся тогда зданий и храма и сообщил, что послал монахиням деньги, добавил следующее увещевание¹: «Я очень рад, что между сёстрами воцарилась великая любовь, которой, как мне стало известно, лишена Филофея, не отвечающая взаимностью сёстрам. Однако считаю своим долгом сказать вам, что вы обязаны быть очень внимательными в ваших отношениях и благоговеть перед собой и друг другом как перед священными лицами, божественной собственностью и образами Божиими, и никогда не должны воспринимать тело и его красоту, но только душу; ваша мысль не должна замедляться на пристальном рассмотрении особенностей тела и различных его частей. Будьте внимательны к тому, как развивается ваше чувство любви: существует опасность, что, когда сердце не утверждается в чистой молитве, возгревающей любовь, она вырождается в любовь плотскую, неестественную, помрачит мысль и сожжёт сердце; желаю, чтобы этого не случилось с вами. Будьте внимательны к чувству любви, любите друг друга как святых сестёр, и пусть только общая любовь к Господу соединяет вас; избегайте рукопожатий и лобызаний, потому что воюете против весьма лукавого обольстителя».

Игуменья Ксения

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Афины, 15 января 1907 г.

Преподобная о Господе дочь Ксения, желаю тебе и всем сёстрам здоровья и терпения в искушениях.

¹ Справка приведена в греческом издании о. Феоклита.

Мама Евфимии рассказала мне, что вам тяжело: одни болеют, другие страдают от холода. Если бы погода позволяла, я бы приехал, чтобы немного вас утешить, но, к сожалению, очень холодно: в Афинах температура опустилась до восьми градусов ниже нуля, поэтому приехать не могу. Особенно бы мне хотелось приехать ради Акакии, чтобы утешить её и благословить частицей Честного Креста и святыми мощами, которые я вам оставил. Хочу, чтобы ты перекрестила её по моему благословию всеми святыми мощами по очереди и призвала со всеми сёстрами благодать святых исцелить её. К сожалению, я не могу приехать, чтобы помолиться о ней. Желаю ей совершенно поправиться и избавиться от этого испытания. Её состояние – от холода и влажности. Да дарует ей совершенное исцеление благодать Владычицы Богородицы.

Узнал я, что Мария простыла и кашляет. Сегодня я распоряжусь купить четыре склянки лекарства Коромиласа. Две из них дайте Марии, которой желаю полностью избавиться от кашля. Холод ей не вредит, если она хорошо одета; пусть выходит немного подышать свежим воздухом, это даже ей принесёт пользу. Также я узнал, что Маргарита очень ослабла – дайте ей другие две склянки в качестве укрепляющего средства; пусть она, как и Мария, питается яйцами, молоком и любой другой пищей. Желаю Маргарите, чтобы её организм окреп. Хочу, чтобы вы все регулярно питались нутом¹, чесноком и луком, пили немного вина, а утром после литургии – по чуть-чуть раки², чтобы сейчас, в зимнее время восполнить потерю тепла из организма. Также мне сообщили, что у Амалии из-за простуды болит горло. Советую ей намочить как следует кусок белой ткани прохладной водой, отжать его, положить на горло и повязать платком. Это нужно сделать вечером перед сном и так лечь спать до утра, никуда не выходя до наступления следующего дня. Когда она утром встанет, её горло будет здоровым. Советую поющим не выходить из храма сразу после службы, а подождать, пока голосовые связки не придут в свою обычную температуру. И выходя из церкви пусть не разговаривают, а сразу идут в келью и минут через пятнадцать или попозже пусть выпьют стаканчик прохладной водички. Ещё и зимой и летом им надо делать так: поскольку у поющих горло имеет особую чувствительность и ночью потеет, то, когда они просыпаются утром на службу, пусть влажной рукой смочат горло два-три раза, затем его вытрут досуха, а потом, когда пройдёт его излишняя разгорячённость, выходят на службу. Ещё можно полоскать горло

¹ Разновидность бобовых.

² Виноградная 20-градусная водка.

небольшим количеством воды комнатной температуры. Полоскание горла раствором борной кислоты или слабосолёным раствором сохранит их от простуды. Всё это и я делаю. Я пришлю Амалии¹ коробку очень полезных пастилок для горла. Пусть выздоравливает. Мне стало известно, что ты и сама мучаешься головной болью. Напиши мне о своём здоровье. Желаю тебе поправиться, пусть Владычица Богородица возложит Свою руку на твою голову, чтобы отошла от тебя боль. Также мне сказали, что и твоя мама простыла, и старица Анастасия тоже занемогла. Желаю им здоровья и полного выздоровления. Наконец, знаю и то, что остальные, хотя сами здоровы, но страдают больным сёстрам и оттого печальны. И вновь желаю всем здоровья и терпения. Я попросил Госпожу Богородицу, чтобы Она всех вас утешала и пообещал с сегодняшнего дня отдать в печать Феотокарион в знак своей благодарности.

Молюсь за вас, остаюсь перед Богом молитвенник

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Афины, 24 января 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь, преподобная старица Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Моя духовная дочь Амалия задалась вопросом, возможно ли обитать душевному миру в преисполненном страстями сердце. Отвечая этим письмом на её вопрос, пишу нижеследующее.

О душевном мире

Мир душевный, как мне кажется, – это тихие воды, о которых пишет Псалмопевец²; это дар Божий тем, кто пребывает с Ним в мире и творит повеления Его.

Господь наш Иисус Христос, беседуя перед Своими Страстями со святыми учениками и апостолами, преподал им мир, говоря: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам*³. Итак, мир учеников Господних – это дар Божий, Богом мира Господь именуется в Священном Писании⁴. Божественный Иаков, брат Божий, в своём Соборном послании говорит, *что плод... правды в мире сеется у тех, которые хранят мир*⁵.

¹ В тексте имя отсутствует, предположительно мысль Святителя здесь возвращается к последней упоминавшейся больной. – *Прим. пер.*

² См. Пс. 22, 2.

³ Ин. 14, 27.

⁴ См. 2 Кор. 13, 11.

⁵ Иак. 3, 18.

Из сказанного мы учимся тому, что Бог мира награждает Своих учеников Своим миром, и что плод правды, то есть дело Евангелия или слово Божие, в мире сеется теми, кто трудится ради мира, то есть сынами мира, или сынами мира, призванными ко спасению. Про них *написано: как прекрасны ноги благовестующих мир, благовестующих благое!*¹. Значит, мир, как дар Божий, пребывает среди учеников Господних. Мир, как дар Божий, – это свет, и он пребывает с просвещёнными. Мир, как свет, бежит от тьмы, а тьма – это грех; значит, мир бежит греха. Значит, грешный человек никогда не пребывает в мире. Сделанный из сказанного вывод бесспорен, но возникает вопрос: всегда ли действующие в нас страсти являются грехами, противостоящими божественному миру, который даётся тем, кто просвещён светом богопознания? Отвечая на этот вопрос, говорим: не все страсти, действующие в нас, просвещённых, являются греховными: страсти врождённые, душевные и телесные, будучи заложены в нас Богом, безгрешны. Ведь Бог сотворил всё *хорошо весьма*², и страсти нам даны с определённой и запланированной конечной целью. Действуя сообразно с божественным законом и с причиной своего возникновения для достижения божественного замысла, они становятся нравственными силами, не имеющими ничего злого и грешного, потому они могут пребывать вместе с душевным миром, не отнимая его от душ, обладающих такими страстями – раз они действуют сообразно с божественным законом. Если же эти страсти, действуя вопреки предначертанному и разумному замыслу, ради которого они были созданы, требуют своего удовлетворения без причины, то они проявляют себя противозаконно и неразумно, неся в себе озлобление и греховность; в таком случае их действие вменяется во грех, а возбуждающий их человек в любом случае согрешает перед Богом. Но кроме этих врождённых страстей, насаждённых в душе для возделывания добродетели и для нашего совершенствования, в нас присутствуют и некие другие унаследованные душевные страсти, которые Бог в нас не вложил; они-то и являются действующим в нас *законом греха*³, проявляющегося как тяга ко злу. Эта тяга стремится возобладать над нашей волей и управлять ею по собственным прихотям. Эта тяга претендует на то, чтобы господствовать в нас, домогается властвовать над находящимися в нас силами души и тела и пытается их сделать рабскими, греховными и демоноподобными страстями. Когда эта тяга победит нас, то мир исчезает, и поработённый страстями от этой тяги, как раб греха, никакого мира иметь не может.

¹ Рим. 10, 15.

² Быт. 1, 31.

³ Рим. 7, 23, 25.

Ещё надо разобратить, служат ли греху страсти, заложенные в нас Богом? Если закон греха победил нашу свободу, то есть непрерывное стремление и работу на исполнение закона Божественного¹ и руководство нашими душевными и духовными силами на достижение разумного и запланированного божественного замысла, если он пограл нашу нравственную свободу и свободную волю, тогда наши страсти работают греху, и мира нет в нас. А если действующий в нас закон божественный, закон добра противостоит и борется за то, чтобы подчинить себе закон греха, за обуздание порывов тяги ко греху, за утверждение и господство находящейся в нас нравственной свободы, когда у нас есть осознание того, что мы подвигаемся за нашу нравственную свободу, тогда божественный мир наполняет наши сердца, страсти греховного закона постепенно отступают и изгоняются, тогда и великая наша брань почти прекращается, и на смену ей воцаряется мир. Мы только должны бодрствовать и не дремать, потому что не дремлет живущий в нас закон греха, а дьявол разжигает его, как огонь.

Вывод таков: будьте целомудренными и ведите брань против закона греха, и пусть вас не смущает восстание ваших страстей. Мир покидает нас не из-за страстей, а из-за того качества, которое они обретут в результате поражения в битве. Если ты выступишь в брани, то восстание страстей станет причиной новой радости и мира, а если потерпишь поражение, то тогда зарождается скорбь и смятение. Если же во время борьбы подвижник претерпит что-то человеческое, и на некоторое время воцарится закон греха, а затем подвижник возобновит брань и устоит в ней, то он побеждает, и мир возвращается. Вот что касается ответа Амалии.

Молюсь за вас, остаюсь перед Богом молитвенник.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ

Афины, 2 февраля 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Двадцать четвёртого января я отправил вам под номером пять своё письмо, в котором раскрыл для вас некоторые предметы, касающиеся душевного мира, о которых меня спрашивала Амалия; думаю, вы его уже получили. Настоящим письмом сообщаю, что получил ваше письмо под номером три от двадцать шестого января. Отвечая на него, во-первых,

¹ См. Рим. 7, 22.

благодарю вас за ваши молитвы к Всеблагому Богу – Подателю многих благ, во-вторых, хочу сказать, что и сам я стал с нетерпением ждать весны, чтобы приехать и преподать вам утешение к удовольствию ваших сердец, подвергшихся такому испытанию с приходом столь суровой зимы, которая принесла множество скорбей всем сёстрам. Желаю вам заступничества свыше, чтобы вы с легкостью переносили тяготы печалей, которые уготовляют вам Царствие Небесное. И действительно – всякая скорбь, переносимая благодушно, делается ступенькой, возводящей к совершенству. Молюсь Святому Богу, чтобы Он богато вознаградил ваш подвиг. Желаю, чтобы Всеблагий Бог скоро посетил Своей милостью возлюбленную вашу маму и исполнил её прошения. И тебе самой желаю радости и здоровья, желаю также и сёстрам всего наилучшего.

О бдениях моё сердце пока меня не извещает; когда потеплеет, тогда и совершайте, а сейчас вы на пределе сил и устанете, если начнёте их творить. Пришли две наши знакомые, которые были у вас, от них я узнал о ваших делах. Хотелось бы узнать, написали ли вы монахиням, отправившим вам траханас¹, что получили его.

Елена приедет на следующей неделе, с ней я отправлю вам свечи и несколько красивых икон; их ты отдашь Амалии и Елисавете, чтобы они срисовали их в качестве упражнения, а затем раздайте их сёстрам каждой по одной. Также отправляю вам копии крестов, которые Марика может исправить, помести один у себя в келье, и по одному – в домах для паломников. Отправляю вам очень красивую большую икону Пресвятой Богородицы, подобную той, какую вы мне подарили, её я поместил в красивую рамку, чтобы вы повесили её в храме. Думаю, что будет готов и крест на купол, и я смогу дать его Елене. Это впечатляющее зрелище! Не буду его описывать, чтобы у вас не сложилось какого-то представления, и вы сполна смогли бы насладиться увиденным. Вы представить не можете, как я его сделал, мне хотелось, чтобы он был прекрасен, и таким образом было исполнено моё желание воздвигнуть крест на священной кровле святого алтаря в честь Триипостасного Божества. Думаю, что это желание будет исполнено.

Молюсь за вас, остаюсь перед Богом молитвенник,
отец ваш по духу

† *Пентапольский Нектарий*

P.S. Я составил несколько гимнов в честь Пресвятой Троицы и отдам их Елене, чтобы она передала Елене Зервулаку для переписывания,

¹ Траханас – греческий пищевой продукт, изделие в форме крупы или комков из муки или манки. Эти крупы добавляются в кислое или свежее козье, овечьё или коровье молоко, а после высушиваются. Используется для изготовления супов, вторых блюд и гарниров.

полученную копию отправлю вам; рассчитываю на то, что вы отнесётесь к ним благосклонно.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Афины, 3 марта 1907 г.

В м. Ксантос

Возлюбленная о Господе дочь, преподобная Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Получил твоё письмо под номером семь и радуюсь, что вы здоровы. Слава Богу, по Его благодати я тоже здоров.

По поводу Великого поста: хочу, чтобы вы провели его разумно и рассудительно, устраивая ваш пост, правила и молитвы на принципах умеренности, сообразуясь с вашей выносливостью и горением.

Молю Бога, чтобы Он укрепил, просветил вас и руководил вами в период святого и Великого поста, благословил ваши духовные труды, чтобы они принесли множество благодатных плодов. Бог да будет помощником и вам, и мне.

Молюсь за вас, остаюсь перед Богом молитвенник,
ваш духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Афины, 13 марта 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь преподобная Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Получил восьмого марта ваше письмо под номером восемь и внимательно его прочитал, но одного так и не понял: как у каждой из вас со здоровьем? Желая узнать новости об этом. Как себя чувствует Ирина, чем она болеет, не поправилась ли? Как самочувствие у Марии и Маргариты, как они провели зиму, окрепла ли хотя бы немного Маргарита; может быть, ей требуется лекарство? Если нужно, напишите мне, я вам его пришлю. А как чувствует себя Акакия? Ты мне ничего не пишешь о них, но, хуже того, ты не пишешь ничего и о себе самой. Я желаю узнать о твоём здоровье, в каком оно состоянии, не окрепло ли оно, прошли ли приступы головной боли, не начала ли ты чувствовать изнеможение и беспокойство.

Я написал тебе, чтобы вы провели Великий пост рассудительно; это распоряжение возлагает на тебя составление распорядка и для чтения молитв, и правил питания; но всё это ты должна установить прежде

всего для себя самой. Пишу тебе об этом, имея в виду, что именно ты в первую очередь имеешь нужду в правильном питании, но почему-то об этом тебе постоянно должны говорить другие. Недоумеваю, как такое возможно, что ты прельщаешься только в отношении самой себя, не зная, каково твоё состояние и что с тобой происходит; в этих вопросах тебя всё время нужно наставлять и давать тебе распоряжения. Итак, хочу, чтобы ты поступила так: даю тебе благословение спросить всех сестёр о том, что происходит с твоим здоровьем и что они думают по поводу того, как тебе нужно питаться: нужно ли тебе самой соблюдать тот порядок питания, который тобой разработан для болящих, или нет? И если сёстры, которые тебя видят и понимают, каково должно быть твоё питание, скажут тебе, что тебе и самой нужно соблюдать диету для болящих, подчинись суду сестёр, к которому присоединяюсь и я; а если опять-таки они скажут, что тебе нет нужды питаться с болящими, то даю тебе благословение питаться как здравствующие. Вообще же тебе нужно знать, что когда ты здорова, поправляются и те сёстры, которые пока ещё болеют, а когда ты болеешь, то начинают болеть даже здоровые. Я настаиваю, чтобы ты это как следует осознала. И не только это. Знай, что твоя весёлость просветляет лица сестёр и превращает монастырь в рай, а дурное расположение твоего духа и угрюмость передаются сёстрам, и радость из рая уходит. Знай, что от тебя зависит радость и веселье сестёр, и ты обязана хранить его в их сердцах. Ты должна поступать так, часто даже принуждая себя. Советую тебе не предаваться духу печали, поскольку это очень сильно ранит сердца сестёр; твоя награда будет весьма велика, если ты станешь для них источником радости. Даю я тебе этот совет потому, что и сам им руководствуюсь как принципом своей жизни; желаю, чтобы он стал жизненным принципом и для моих учениц. Когда ты радуешь сердце своего ближнего, а тем более сестры, лишённой всего и получающей только от тебя духовную радость, будь уверена, что ты угождаешь Богу, причём гораздо больше, чем если бы ты долго молилась и сурово постилась. Пойми, что твоё нынешнее положение – это положение духовной матери. Ты уже не Хрисанфа, которая могла делать всё, что пожелает; теперь, если ты в точности не исполняешь всех своих нравственных обязательств по отношению к сёстрам, пренебрегая ими якобы для исполнения обязанностей перед Богом, то знай, что эти последние Бог тоже не примет.

Настоятельница монастыря живёт не для себя, а для сестричества, и живя ради сестричества, она живёт ради Бога, а Бог принимает её жизнь как жертву благоприятную.

Кажется, что об этом я написал тебе, повинуюсь некоему таинственному голосу, который водил моей рукой; я собирался написать тебе пару слов о других предметах – и уже исписал четыре страницы.

Закончив эту часть, написанную, как мне кажется, будто под диктовку, перехожу теперь к ответу на твоё письмо. Богослужения – хорошее дело, и я желаю, чтобы Господь Вас укрепил, но может быть, сёстры устают? Может быть, они изнемогают? Если ты увидишь, что вы снова стали болеть, сократите что-нибудь. Если кто-нибудь из молодых сестёр хочет есть по вечерам, пусть берут немного хлеба и воды, потому что их организм ещё развивается, и они не должны быть лишены необходимого питания и всего остального, что требует развивающееся тело, чтобы оно не повредилось. Когда пройдёт период развития, тогда они смогут поститься и питаться единожды в день. Женский организм создан более требовательным, поскольку он предназначен для большего истощения, а потому женщины, желающие подражать мужчинам в воздержании, вскоре изнемогают. Женщина по природе своей имеет нужду в большем питании и большем сне. Помните, что вы женщины, и не соревнуйтесь с мужчинами. Всегда подражайте только святым женам, но и здесь не следует сразу брать за образец их образ жизни целиком, потому что нужно различать, что в их жизни есть результат подвига, а что – плод нравственного совершенства. Когда вы видите великое подвижничество, знайте, что здесь присутствует великая духовная добродетель, которая служит опорой телесному подвигу, потому что важно хорошо понимать, что сила души подкрепляет и поддерживает тело в его подвигах. Без душевной крепости великие подвиги невозможны, и если кто-нибудь по дерзости возьмёт на себя великие подвиги прежде, чем окрепнет его душа с помощью нравственных добродетелей, – то он впадёт в прелесть и падёт. Потому я настаиваю, желаю, жду с нетерпением, чтобы вы во всём шли путём благоразумия, устраивая свой образ жизни сообразно с требованиями вашего звания и с вашими телесными потребностями, с вашим здоровьем, стремясь к вашему душевному совершенству. Желаю, чтобы вы укрепились в добродетели настолько, что могли бы так говорить и чувствовать: *уже не я живу, но живёт во мне Христос*¹. Когда вы достигнете нравственной добродетели, то стремитесь приобрести и другие, а пока сяжайте эту, потому что без неё у вас ничего не получится. И пусть ни одна из вас не прельщается, думая, что молитвы и моления возведут её к совершенству, – это самообман, потому что к совершенству ведёт обитающий в нас Господь, волю Которого мы творим.

¹ Гал. 2, 20.

Он говорит, что живёт и ходит в нас, когда мы творим Его повеления¹, и первое из этих повелений – чтобы в нас была не наша воля, но Божия, причём в такой совершенной степени, как она совершается святыми Ангелами на небесах, чтобы и мы могли сказать: Господи! *Не как Я хочу, но как Ты²! да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли³*. А без пребывающего в нас Христа все наши молитвы и моления прельщают нас.

Говорю так, чтобы показать, к Кому вам нужно обращаться и к чему стремиться, чтобы с уверенностью достигнуть возжеленного конца. Прежде всего подвизайтесь в смирении своего эгоизма. Это начало нашего самоотречения и пребывания в нас божественной воли.

Желаю, чтобы вы все преуспели в борьбе против эгоизма, борьбе ожесточённой: эгоизм подобен многоглавой гидре, у которой, когда отрезают одну голову, вырастает другая – другой формы и другого вида. Поэтому, несмотря на то, что мы оставляем мир и мирские привязанности, отвергаем всякое телесное удовольствие и удручаем наше тело, чтобы не исполнять его желаний, вдруг видим, что эгоизм проявляется как душевный недуг, – чаще всего как неподчинение, непослушание, под видом рассудительности, здравомыслия и осмотрительности, как самодовольство, брюзжание – даже не знаю, с чего начать это перечисление, – во всех этих формах может скрываться безобразие эгоизма. Присмотритесь хоть немного к каждой из них – и вы откроете безобразную его суть. Реже он проявляется как требовательность, настойчивость, преследование своих прав, похоть, и очень редко – в тщеславии, славолубии и в других чертах. Всё это – различные формы эгоизма. Сейчас пусть каждая из вас исследует саму себя и, если увидит, что имеет что-то из перечисленного, пусть позаботится исторгнуть это из себя, не давая развиться до степени большой страсти, да не погубит она её трудов и не сделает напрасным её делание. Хочу, чтобы ты иногда специально испытывала сестёр, наблюдая степень их самоотречения и степень их победы в борьбе с эгоизмом. Желаю, чтобы сёстры знали, что борьба с эгоизмом – это первая ступень добродетели и без неё не бывает никакого блага. Без победы над эгоизмом никто не получает венец. Надеюсь узнать, что все сёстры получили в борьбе такой венец победы. Это написал я для того, чтобы ваш подвиг принёс добрый плод. <...>

Вы мне не пишете, принесла ли вам Елена Зервулаку мои гимны в честь Пресвятой Троицы. Я отправил их ей в достаточном количестве,

¹ Ср.: 2 Кор. 6, 16; Иез. 11, 20; Лев. 26, 11, 12 и др.

² Мф. 26, 39.

³ Мф. 6, 10.

мне самому очень нравится их петь. Каноны Октоиха: воскресные, в честь Честного Креста и умиленные я сложил в форме стихов, и они стали прекрасными, мало кто их теперь узнаёт. Мне самому они кажутся очень красивыми, также они понравились господину Карвунису, которому я их вечером прочитал. Написал Елене, чтобы, когда она их перепишет, переслала их вам, и у вас они тоже были. О них я писал и в предыдущем письме¹, но вы никак не откликнулись. Завершая письмо, желаю вам всего наилучшего.

Ваш духовный отец

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Афины, 26 марта 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Получил оба ваших письма под номерами девять и десять, датированные двадцать третьим и двадцать четвёртым марта, и прославляю Бога, не попустившего испытаний превыше ваших сил. Да будет благословенно Его имя, да будет воля Его яко на небеси и на земли. Да дарует Бог душевное и телесное здравие всем вам. Передай Ирине мои молитвенные пожелания о её здоровье, их я возношу от всего сердца к Богу. Утешь её и поддержи. Вижу, что брань становится крепкой, но враг будет совершенно побеждён. Дорогой Акакии также передай мои наилучшие пожелания и скажи ей, что я горячо прошу Бога исцелить её во славу Его божественного имени. Скажи ей, пусть она надеется, крепится и ожидает милости Божией. Моей дорогой духовной дочери Маргарите скажи от моего имени, пусть она мужается; как сказал мне врач, у неё болен желудок, и когда пройдёт зимняя влажность, она станет совершенно здорова. Чувство подавленности происходит от искушения, я настаиваю, чтобы она крепилась и уповала на Господа. Призывайте на помощь Господа и моих святых покровительниц: святую Параскеву, святую Феодосию, а также святую Евфимию. Пусть некоторые из сестёр выберут какую-нибудь субботу или воскресенье и сходят для совершения Литургии и чтения молебного канона святой Кириакии. Сердечно желаю Маргарите здравия и исцеления. Также и Марии желаю здоровья и внимания.

Отправляю Маргарите стебель травы, которая растёт на Эгине, – ведь мы такую собирали – пусть она собирает её и варит, а лучше

¹ Это письмо не опубликовано в издании о. Феоклита.

добавляет в кипяток и в чай и пьёт этот настой много раз в течение дня и даже ночью, когда он холодный. Скажи ей, что я очень буду рад, когда узнаю, что она верит вашим словам и подчиняется им. Я отправлял вам крещенскую воду; давайте её больным, потому что именно для этого я вам её послал. Желая, чтобы Господь избавил её от искушения, потому что её состояние – в любом случае от искушения, нам она нужна даже и больная. <...>

Феотокарион в печати, уже печатают второй типографский лист. Сегодня посылаю вам своё новое сочинение, уже изданное, называется оно «Руководство священнику», и из него вы узнаете замечательные вещи. Я его нарочито писал таким образом, чтобы при чтении вслух оно воспринималось благозвучно и удобно. Господа преподаватели сказали мне, что оно подобно по форме риторическим исследованиям; посмотрим теперь, понравится ли его стиль вам.

Сердечно желаю всем сёстрам телесного и душевного здоровья, чтобы вы были здоровы и в том и в другом смысле и писали мне радостные вести.

Молюсь за вас и остаюсь пред Богом ваш молитвенник,
ваш духовный отец

† Пентапольский Нектарий

P.S. Передайте мои поздравления в связи с успехами сестре, изобразившей Божию Матерь; рука Христа вышла неудачно.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Афины, 13 апреля 1907 г.

В Ксантос

Преподобная дочь о Господе Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Получил ваше письмо без номера, написанное седьмого числа текущего месяца, и желаю вам всего наилучшего. По Божией благодати я в плане здоровья чувствую себя хорошо. Вчера я был по приглашению в Пирее в доме гг. Николая Папаиоанну и Фокиона Вамвы. Их родные были воодушевлены. Они приняли меня с благоговением, и я пробыл у них пять с половиной часов – с десяти утра до трёх с половиной пополудни. В этом доме находится под попечением и Зоя, она показала мне ваше письмо и попросила моего разрешения приехать, которое и получила. От неё вы узнаете подробности о моём визите. Это благочестивое семейство желает приехать и соорудить за пределами монастыря жилище, чтобы благочестиво прове-

сти остаток своих дней, и они испрашивают на это моё согласие. Они будут проживать вне монастыря, но хотят ходить на службу в монастырский храм и питаться при монастыре, предоставив монастырю все необходимые средства на их содержание, а также всё свое имущество, которое после их смерти станет неотъемлемой монастырской собственностью.

На эту их просьбу я дал согласие, потому что считаю это семейство по многим причинам нужным и полезным обители: во-первых, за благочестие и почтенную старость этих лиц; во-вторых, за ту моральную поддержку и ободрение, которые вы от них получите; в-третьих, они наши товарищи; в-четвёртых, оба старичка знают церковную службу и прекрасно поют, они смогут подменять поющих сестёр; в-пятых, со временем, если Богу будет угодно, одного из них я смогу представить к священному сану, в-шестых, они пользуются всеобщим уважением, и это уважение распространится и на обитель; в-седьмых, монастырь после этого прирастёт новым зданием, которое мы сможем использовать для приёма гостей, и, в-последних, их имущество поможет монастырю, и они сами будут полезны обители в лёгких полевых работах, а также будут вместе с Богом стражами монастырских владений.

Всё это подвигло меня дать своё согласие. Желаю, чтобы ты прочитала моё письмо сёстрам, и желаю, чтобы ты написала своё мнение или, если сейчас не успеете ответить, то, когда я приеду в Светлый вторник, вы мне скажете, что вы об этом думаете.

Господин Папаиоанну попросил разрешения приехать и провести здесь Страстную седмицу, но я ему сказал, что у монастыря нет возможности для приёма гостей!

По поводу священника. Я попросил Митрополита через его дьякона, ученика нашей школы, чтобы он дал распоряжение приходить ему в назначенные вами дни.

Передай мои поздравления Амалии за крест – он очень красивый, я желаю ей всего наилучшего. Верю, что увижу успехи, когда приеду – так мне говорит какое-то предчувствие – и что буду доволен и ею самой. Желаю вам провести святые дни Господних Страстей в духовном общении с Господом и с духовной радостью отпраздновать Его святое тридневное Воскресение. Аминь.

Если приехал Стилиан, то я пришлю некоторые материалы для церкви, чтобы началась работа. Хочу, чтобы Елена сказала господину мэру, что я приму штукатура, которого он порекомендовал, и, когда приеду, поговорю с ним. Только пусть он скажет, чтобы тот поднялся в монастырь

установить крест на куполе, чтобы сейчас на праздники и в день Пасхи он был воздвигнут и сиял над куполом. Через одного из полицейских отправлю вам свечи и книги.

Молюсь за вас

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Афины, 17 сентября 1907 г.

Дщерь о Господе, возлюбленная Ксения, по-отечески благословляю тебя.

По прошествии половины текущего месяца я получил два ваши письма, от 10 и от 14 сентября, на которые и отвечаю сейчас.

Госпоже Катинго господина Никиты передайте мое благословение и скажите ей, что попасть на бюджетное место ученик Ризарийской школы может только по конкурсу. В этом году конкурс прошел, надеюсь, на следующий год будет объявлен новый. Её сын должен предоставить в Министерство образования аттестат об окончании неполной средней школы, метрическое свидетельство, что он не старше шестнадцати лет, удостоверение от врача и своего духовного отца, что он здоров телесно и душевно. Эти документы он должен предоставить своевременно для получения одобрения, которое выдаётся министерством; все эти документы министерство отправляет в Совет школы, а тот, после проверки – нам. Потом мы через объявление в газете приглашаем учащихся к участию в конкурсе. Если он пройдет по конкурсу, то он зачисляется на бюджетное место. Единственным способом попасть в школу является участие в конкурсе и успешное его прохождение. Я сам для своего племянника добровольно оплатил бы половину требуемого взноса, но теперь даже его включить не разрешается по решению школьного совета¹. Так что мы ничем не можем быть ей полезны. <...>

Что касается здоровья, то по Божественной благодати, чувствую себя хорошо, желаю и вам всего наилучшего.

Молюсь за вас и остаюсь пред Богом молитвенник,
ваш духовный отец

† Пентапольский Нектарий

P.S. Отправляю вам несколько гимнов.

¹ Речь идёт о Елевферии Ставридисе, сыне одной из сестёр святителя Нектария. Он поступал в Ризарийскую школу в 1907 г. по рекомендательному письму митрополита Силиврийского, но первоначально Управляющий совет Ризарийской школы отказал ему в приёме. Только после писем святителя Нектария Управляющий совет согласился принять его как своекоштного студента. В следующем, 1908 г., Елевферий был принят на бюджетное место. Он проучился в школе до 1910 г. – См.: *Клеона (Стронгилис), архимандрит. Святитель Нектарий Пентапольский и Ризарийская церковная школа*, С. 433 – 438.

ГИМН ТВОРЦУ И СОЗДАТЕЛЮ МОЕМУ

Создавший мя из праха прежде, Человеколюбче,
Образом Своим почте мя и человека сотвори,
Сладкий дарова ми иже во Едеме рай,
Вечное блаженство и радость нескончаемую.
Прельщена быша снедию и преклоньшася тлению,
Паки, Христе, воздвигл еси, Сам смертен содеявыйся
От исления избавляй и от бед свободяяй,
И к вечней жизни абие призываяй.
И раздрав рукописание, от греха свободи,
И вражды средостение, яко Благ, разруши.
На Кресте распныйся по милости неизчетней
И по крайнему снизождению воистину непостижиму.
Творче мой, Боже и Избавителю мой, слава Тебе!¹
*(Создавший некогда меня из праха, Благодетель мой,
Ты образом меня Своим почтил и человечеством,
Ты сад Эдемский дал мне в дар, источник наслаждения,
На вечное веселие, на радость безконечную.
Когда ж я пищей был прельщён и преклонился тлению,
Ты вновь, Христе, воздвиг меня, Сам смертным за нас соделавшись,
Спасая от исления, от бедствий избавляя нас
И к вечной жизни тотчас же, как прежде, призывая нас.
Ты разрешил нас от греха, раздрав рукописание,
И средостение вражды разрушил Своей благодатью,
Когда распялся на Кресте по безконечной милости
И снизожденью крайнему, творенью непонятному.
Творец мой, Бог, Избавитель – прими же славу вечную.)*

ГИМН ГОСПОЖЕ БОГОРОДИЦЕ

Ум и душу и смешение плоти восприяв
Слово Бога Отца от Твоего Пречистаго чрева,
Богородительнице Владычице, человек воистину явился
И причастника мя естества Божия содея ясно.
*(Ум, душу и смешение плотское взяв, явилось нам
Из Твоего Святого чрева, – Слово Бога и Отца –
И человеком сделавшись, Владычица Пречистая,
Почтило нас причастием Божественного естества.)*

¹ Сначала даётся буквальный славянский перевод, затем – русский, где по возможности сохраняется ритм и размер.

ГИМН БОГУ СЛОВУ

Слове Божий, Иже силою море изсушивый
И именем Твоим его запечатствовавый,
Утверди силою народ просвещен
Светом боговедения и Тя, Бога, воспевающий.
*(О, Слове Божий! силой
Дно моря осушивший,
И именем Преславным
Водам путь преградивший,
Поддерживай, Всесильный,
Народ свой просвещенный
Лучами боговедения,
Тебе поющий песни.)*

ПЕСНЬ ГОСПОЖЕ БОГОРОДИЦЕ

Яко на руно в безмолвии сниде
Дождь Божественный во чреве Твоем, Дево.
И естество тленное бездождем изсушаемое
Небесным дождем орошаемым содела.
*(Словно на руно сошёл, не создавая шума,
Дождь Божественный в Твоей святой утробе.
И природу, без дождей засохшую угрюмо,
Напоил дождём с небес, всё оживляя доле.)*

ПРЕПОДОБНОЙ КСЕНИИ¹

В твоём честном успении ужасошася зрящии
Совершенное тобою чудо, воистину преславное.
Венец бо из звезд небесных явися
Твоя честныя мощи величая, Ксение преподобная.
Жених бо твой, Егоже прославила еси в житии,
Возжелав прославить ты, звезды с небесе
Тебе со славою являет, и спутник твоих ангел
Святых низпосылает горнего восхождения твоего ради.
О безпредельныя любви Всеблагаго Жениха!
Сей и душу, и тело твое вкупе освящены
И единому желанию совершенно Того посвящены
Твои прослави, Ксение, и осия славою.
Темже и вси согласно Тя чтущии, преподобная,

¹ Поется на гласы 2 и 6, и 3 и 7 по мотиву «Владычице, Владычице Мати».

Славословим песни Тя прославльшаго Бога
В день честныя твоея памяти и воспеваем в пениих
Спаса твоего и Жениха, Емуже о нас помолися.
*(В твоём честном успении пришли все в изумление
Увидев чудо славное, тобою совершенное:
Венец из звезд на небесах воочию стал видимым –
Так мощи были почтены твои, святая Ксения.
Ибо Жених твой, Которого ты прославила в жизни,
Славой венчая тебя, венец со звездного неба
С честью великой являет, и Пренебесные Силы
Сопровождают посылает твое к Себе восхождение.
Как безгранична любовь у Жениха Преплагого!
Ведь Он и душу, и тело – всё целиком освящает,
Когда лишь Ему всё желанье своё человек посвящает,
Так Он прославил тебя и озарил Своей славой.
Ныне же вместе тебя почитаем, святая,
Прославим мы в песнях тебя превознесишего Бога.
В день твоей памяти мы воспеваем в молитвах
Спасителя мира, пред Которым и ты о нас помолися.)*

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ

Афины, 21 октября 1907 г.

Дщери о Господе возлюбленные, радуйтесь о Господе.

Это письмо пишу вам тотчас после пробуждения, чтобы описать вам сон, который очень впечатлил меня. Сон был такой. Я увидел, будто нахожусь у подножия гробницы, где лежат честные мощи святителя Николая, и наблюдаю за ними, мне представляется, будто святитель спит. Между тем я вижу, как он шевелится и через некоторое время открывает глаза. Затем святитель поднялся, сел и протянул руки ко мне; я наклонился к нему из почтения, чтобы поцеловать его. А он сам меня обнял и трижды поцеловал в уста; я его тоже облобызал. После лобызания он... сказал мне: «Я вознесу тебя высоко-высоко; но и сам хочу, чтобы ты мне воздвиг серебряный трон». Это он сказал мне и тотчас лег обратно и уснул, а я проснулся. А проснувшись, тотчас вспомнил, что этот сон я видел несколько дней назад и забыл о нём. Тогда же я вспомнил, что в первый раз святитель меня только облобызал, но ничего не сказал. Во второй раз имело место поручение или просьба. Вот что я видел, и сейчас вам его описываю как сон, произведший на меня впечатление из-за того, что он имеет характер откровения, потому что он повторился и из-за просьбы, которая в нём прозвучала. Посмотрим, истинен ли этот сон. Кажется, что

у него есть признаки истинности, но мы пребываем в безстрастном состоянии относительно него, Бог да управит нас на творение блага. Каирский храм, который я украсил, вычистил до блеска и привёл из запущенного состояния в восхитительный вид, освящён в честь святителя Николая. Первый раз вижу святителя Николая во сне, да ещё чтобы он облобызал меня и разговаривал со мной. Буди благословенно имя Господне!

Деньги за носки отправлю вам через Елену Зервулаку, потому что она мне их до сих пор не дала, и мне самому не хватает даже на билеты приехать к вам, потому что кроме повседневных расходов у меня появились незапланированные. Из Силиврии¹ приехал один мой племянник, сын сестры, и привёз с собой племянника своего брата, чтобы я оставил того учиться, а денег у него нет. Мальчишка мне понравился, и я его оставил учиться в школе за мой счёт, потому что Управляющий совет не принял его на казённое место, поэтому он учится как своекоштный студент, а старшего я отправил обратно, израсходовав около семидесяти драхм. Когда я получу деньги, я пришлю их вам для винограда и для оплаты мастеру за прокладку труб.

Вы пишете, чтобы я приехал; мне и самому очень захотелось вас увидеть, но мы ещё не отправили программу в министерство, потому что пока не назначен преподаватель после смерти Мильтиада Пандазиса², кроме того, ожидается созыв Попечительского совета для назначения нового преподавателя музыки, а из-за некоторых препятствий это заседание переносится со дня на день, а вместе с ним – и назначение преподавателей. Пока не назначены преподаватели и не утверждены часы преподавательской нагрузки, пока программа не отправлена в министерство, приехать не могу.

Очень рад тому, что Кириакия пошла на поправку, сердечно ей желаю полнейшего выздоровления. Также желаю Синклитикии здоровья телесного и душевного. Бумажные кресты пусть она не делает – может быть, народ отнесётся к ним с предубеждением и брать их не будет. Пусть она делает маленькие изображения на кипарисовой доске, потом покрывает их лаком с одной стороны и какой-нибудь краской – с обратной; так совесть всех будет в любом случае оставаться спокойной. Если у меня всё будет благополучно, я приеду с вами повидаться, напишите мне, что вы думаете о моём сне.

¹ Родное селение святителя Нектария, ныне Силиври в Восточной Фракии, в 30 км от Стамбула.

² Мильтиад Пандазис (1850 – 1907) – профессор Афинского университета, известный специалист в области древнегреческой литературы и языка. Комментатор Платона, философа Деметрия Фалерского и др. Особенно известен как исследователь творчества ритора Исократ. В Ризарийской школе преподавал одну из филологических дисциплин.

Благословляю Вас и остаюсь пред Богом молитвенник,
ваш духовный отец

† *Пентапольский Нектарий*

P.S. Напишите мне о впечатлениях Митрополита

P.P.S. От 22 октября.

Отправляю вам почтой избыток за октябрь месяц – 50 драм за виноград и за установку труб для господина Зервулакиса.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Афины, 15 ноября 1907 г.

Дщерь о Господе возлюбленная Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Вчера, совершив литургию в храме святителя Николая в Пирее, я сказал проповедь о добродетели, взяв тему из апостольского отрывка, в котором Павел, увещевая Тимофея, пишет: *Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом*¹ и т.д. Сначала в немногих словах я раскрыл весь смысл апостольского чтения, но далее полчаса говорил, анализируя предложение или, лучше сказать, божественное изречение: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться*².

Встав с утра, я, прежде чем приступить к другой работе, счёл нужным сначала кратко записать эту проповедь, чтобы отправить её вам, будучи уверен, что вы получите от этого пользу. Итак, вот что я сказал.

Страшно, братья, подвизаться – и не быть увенчанным, потому что и подвиги наши, в которых мы подвигаемся, не завершаются ничем, и надежды тщетны, и труды, которые мы подъяли для борьбы, остались без вознаграждения, и наш путь на стадионе мы преодолели напрасно, понесённые скорби и злострадания не засчитаны, время проведено бесплодно, жизнь потрачена без всякой пользы, и в конце концов мы оказались последними и посрамлёнными. Да, страшно, потому что и состязание окончено, и стадион закрыт для закончивших поприще.

Какова же причина такого великого бедствия? Незаконное подвижничество. Так что требуется не просто подвижничество, а законное подвижничество. Что же это такое – законное подвижничество, которое и венцы дарует, и борьбу награждает, и труды оправдывает, и надежды исполняет, и скорби претворяет в радость, и имеет почётный конец, и затраченное время превращает в драгоценные камни, и показывает тех, кто являются истинными воинами Христовыми? Поистине этот вопрос и знание

¹ 2 Тим. 2, 1 – 10.

² 2 Тим. 2,5.

о том, что же такое истинное подвижничество, является наиважнейшим и самым необходимым, ведь от понимания ответа на него зависит наше спасение, исполнение сердечных наших желаний, осуществление наших надежд и награда наших трудов.

Законное подвижничество – это такое подвижничество, которое имеет своим основанием добродетель, а своим концом – нравственное совершенство. Термин этот заимствован из атлетических состязаний, поскольку, как говорит блаженный Феофилакт¹, толкуя этот отрывок: «Недостаточно... сойтись с противником, если человек не соблюдает спортивные предписания о приёме пищи и питья и о соблюдении целомудрия, а также правила, относящиеся к самому состязанию. Потому что каждый должен бороться не просто как ему вздумается, но в соответствии с правилами состязания»². Также и Феодорит³ пишет: «И атлетика имеет свои правила, по которым должны состязаться атлеты, а тот, кто во время состязания ими пренебрегает, лишается венцов»⁴. Значит, раз человек подвизается за своё нравственное совершенство и получает награду, когда его достигает, то подвизаться ему нужно согласно нравственным законам христианской этики.

Нравственные законы христианской этики мы все знаем. Первый закон – это любовь к Богу от всей души, от всего сердца, от всей крепости, и от всего помышления⁵, а также любовь к ближнему как к брату. А от

¹ Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский (1040 – ок. 1127) – известный толкователь книг Священного Писания Нового и Ветхого Завета, автор ряда других сочинений. Ученик философа Михаила Пселла, архидиакон и проповедник собора Святой Софии в Константинополе, был назначен воспитателем сына Михаила VII Дуки и других членов императорской семьи. По просьбе супруги императора Марии составил толкование на Священное Писание. В правление Алексия Комнина около 1088 г. был возведён на Охридскую кафедру в Болгарию, которую занимал не далее чем до 1108 года. Дальнейший период его жизни неизвестен. Почитается как местночтимый святой Сербской Православной Церковью.

² См.: *Феофилакт, архиепископ Охридский*. Толкования на Послания святого апостола Павла. Книга 2. М.: Афон, 2000. С. 383. Оригинальный текст фрагмента приводится в PG, vol. 125, col. 104. Этим источником, вероятно, и пользовался Святитель.

³ Блаженный Феодорит Кирский (393 – 457), один из известнейших Отцов Церкви V века, активный участник IV Вселенского Собора. Воспитанник антиохийской богословской школы, в тридцатилетнем возрасте был рукоположен в город Кир на берегу р. Евфрат, где проявил себя как энергичный и ревностный пастырь. Оставил большое письменное наследие, включающее, в частности, толкования на Послания апостола Павла. Хотя претерпел гонение от монофизитов, не был признан святым, так как в своё время написал несколько работ свт. Кириллу Александрийскому в защиту ересиарха Нестория, которые были осуждены на V Вселенском Соборе.

⁴ См.: *Блаженный Феодорит, епископ Кирский*. Толкования на Послания святого апостола Павла. М.: Сибирская благовозвница, 2013. С. 664. Оригинальный текст см. в PG, vol. 82, col. 840.

⁵ Ср.: Мф. 22, 37; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27.

любви к Богу и от любви к ближнему происходят законы любви к прекрасному, доброму, истинному и справедливому. Насколько мы любим Бога, Который есть Сама Любовь и единственное вожделенное благо, и нашего ближнего, как сотворённого по подобию Божию, настолько мы должны любить и прекрасное за то, что оно имеет духовно-нравственный характер, благое – за то, что оно является благом, истинное – потому что оно есть истина, справедливое – ради справедливости. Любовь этих законов укоренена в наших сердцах, потому что, как было уже сказано, они имеют источником божественную любовь, а божественная любовь – это закон, написанный в человеческом сердце; она создана, чтобы познавать Бога, чувствовать Его присутствие, любить Его и поклоняться Ему. Любовь к Божеству является врождённой, потому что человек создан как существо разумное и наделённое свободой воли, существо нравственное и нравственно свободное, и ему как образу Божию подобало любить Того, Кого он отображает, чтобы эта любовь непрестанно влекла его к своему Божественному Творцу. Итак, если любовь Божия с самого начала произрастает в сердце человека, а прекрасное, благое, истинное и справедливое в качестве закона имеют источником первоначальный закон божественной любви, которая в нас является врождённой из-за того, что мы сотворены по образу Божию, то и производные от закона божественной любви законы сами являются врождёнными в нас. Потому что, как мы любим Бога инстинктивно, так мы любим и прекрасное, истинное, благое и справедливое инстинктивно, по причине их нравственного характера.

Эта прирождённая любовь, врождённое горячее стремление к нравственному закону свидетельствуют, что божественный закон – божественная воля – начертан в нас как наша собственная воля, потому что в нас врождено желание того, что хочет Бог. Потому что божественная воля – это красота, благо, истина, справедливость. Значит, Бог заложил внутри нашего сердца Свою собственную волю как волю нашу – ведь мы любим то, что желает Бог. И воистину именно так Божественная благодать создала человека, раз сотворила его по Своему образу для того, чтобы он стал причастником этой благодати и блаженства. Потому человек, чтобы стать совершенным и сделаться причастником Божественной благодати и блаженства, которые и являются венком награды, должен соблюсти закон Божий, начертанный в его сердце, и стремиться уподобиться Богу, соревнуясь в подвиге добродетели по указаниям нравственного закона, борясь, нанося удары и противостоя закону плоти, закону греха.

Во время этой борьбы и состязания он должен не покидать пределов нравственного закона и не обманывать себя своими страстями. Нрав-

ственные законы должны иметь в нас абсолютный авторитет. Не будем сражаться с помощью лжи против обмана и с помощью коварства против несправедливости для того, чтобы приобрести себе что-либо тленное в этой жизни. Жизнь каждого из нас – это состязание, и мы все спешим, чтобы быть увенчанными Господом. Итак, ради Бога, ни в коем случае пусть не прельстит нас действие отца лжи, не совратит нас с прямой дороги, чтобы мы не лишились венца, ради которого все мы несём скорби, и ради которого мы подвигаемся. Эта потеря невосполнима, и лишившийся награды будет безответен перед Богом, потому что действовал вопреки вложенному в него стремлению к истине и к справедливости, вопреки протестующей в нём совести, вопреки своему подлинному желанию; он поработился злу, обманувшись относительно истинной природы добра из-за помрачения своего рассудка, отдалившегося от Бога.

Изгоним прочь от нас совершение зла, изгоним прочь борьбу с добрыми делами, изгоним прочь ложь, являющуюся различным образом, под различными видами и наименованиями, изгоним прочь несправедливость к ближнему, к брату, к человеку. Обида и ложь возмущают общество, потрясают мир и приносят самые разные великие беды. Христианам, подвигающимся по-настоящему добрым подвигом, апостол Павел пишет: *Наконец, братия мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, – и Бог мира будет с вами*¹.

Аминь!

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Афины, 5 декабря 1907 г.

Дщери о Господе возлюбленные, желаю вам всего наилучшего.

Получил ваше письмо от тридцатого числа минувшего месяца и, увидев ваше сострадание к Синклитикии, принимаю вашу просьбу.

К Синклитикии душа моя охладела настолько, что я становлюсь к ней совершенно равнодушен. Причина тому – её душевное состояние. Ведь я, возлюбленные, люблю вас не за то, что вы любите меня, а за то, что вы любите Господа нашего Иисуса Христа. Любовь ко Господу, будучи любовью общей, согревает моё сердце и в отношении к вам, а когда кто-либо из вас отрывает своё сердце от Господа и предаёт его мирской суете и своим душевным страстям, тогда моя любовь к такой сестре прекра-

¹ Фил. 4, 8 – 9.

щается из-за того, что она, забрав своё сердце у Господа, прервала союз любви между нами – ведь соединяющее нас звено – это общая любовь ко Христу. Поэтому моё охлаждение к ней является следствием её удаления от Христа. Её любовь ко мне, как любовь человеческая, не согревает моё сердце, потому что она чужда любви Христовой, а я не могу иметь в своём сердце две любви – одну божественную, а другую человеческую. Потому что никому невозможно *служить двум господам*¹, т.е. любить их, ведь любовь – это служба тому, кого ты любишь, а служащий не имеет свободы работать и кому-то другому. Поэтому, из-за того, что союз любви – это Господь, господствующий нашим сердцем, всякая сестра, имеющая Христа в своём сердце, любезна и мне, а всякая, оторвавшая Христа от своего сердца – чего да не будет! – даже если станет любить меня до самозабвения, мною совершенно не любима. Мерой моей любви к вам является ваша любовь ко Господу. Чем больше вы любите Господа, тем больше и я люблю вас, чем меньше вы Его любите, тем меньше и я люблю вас. Так что те, кто хочет, чтобы я их любил, должны заботиться только об одном: как возлюбить Господа, а любовь к Господу привлекает к себе и мою любовь, потому что мы связываемся Господом.

Обо мне же они совершенно не должны беспокоиться, пусть даже не думают по-человечески, что они должны меня любить: любовь ко мне – это не результат мысли и причина моей любви к вам, а избыток любви Господней, т.е. она проистекает из общего союза любви. Такая любовь чиста, это любовь в духе, которую лукавый не в состоянии извратить и попытаться незаметно, шаг за шагом превратить её в любовь человеческую и обычную. Если такая человеческая любовь возникнет только у одного лица, то в другом возлюбленном она порождает ненависть. Если она растёт в обоих, то порождает страсть. Поэтому в случае любви к ближним, своего ли, или противоположного пола, особенно к лицам, восприимчивым к страсти, мы обязаны ежедневно исследовать, точно ли она происходит из источника союза любви Христовой и является преизбытком любви к Нему?

Тот, кто бдит над своей любовью и хранит её чистой, не смешанной с человеческим чувством, остаётся не пойманным в сети лукавого, пытающегося внушить человеческую любовь любящим друг друга и довести их до состояния страсти, обольщая тех, кто связан человеческой любовью, сновидениями. И хотя то лицо, которое соединено с любовью Господа, ненавидит того, кто его по-человечески любит, лукавый представляет любящему дело так, будто у любимого тоже разрывается сердце

¹ Мф. 6, 24.

от страсти к нему. Потому будьте предельно внимательны и друг ко другу, и ко мне самому в вашей любви, да и к любому другому, чтобы вас не уловил лукавый в свои сети.

Отсюда вы можете понять, с какой целью я так строго написал Синклитикии. Я хотел привести её в чувство, так как ощутил, что её сердце охладело к Господу, что она начала развивать в своём сердце какую-то человеческую любовь, которая могла бы дойти до страсти, если бы я стал попустительствовать или благоволить ей. Лукавый начал обольщать её в сонных видениях.

Предыдущим письмом¹ я хотел вывести её из прелести, пробудить её внимательность и вернуть её к любви Господней. Потому Вы, матушка игумения Ксения, то моё письмо Синклитикии не давайте, а из этого письма прочитайте другим сёстрам отрывок о любви, если сочтёте нужным. Скажите Синклитикии, что я получил её письмо, и что я руководствовался его текстом при составлении этого письма; скажите, что моя душа холодеет к ней, когда слышу, что она желает мира, когда ощущаю, что её сердце удалилось от Христа, и когда вижу гордыню, высокомерие, отсутствие смиренномудрия, растущую ненависть к сёстрам и прочее. Если она хочет, чтобы я любил её как невесту Христову, пусть сперва позаботится сама возлюбить Христа, как Жениха. А поскольку её небольшое имущество даёт ей дерзость считать, что она сможет жить в миру со своими родителями, то, чтобы лишить её всякой надежды вернуться в свою семью, пусть она напишет своим, чтобы продали её часть имущества, деньги прислали сюда, и я на них построю ей келью, где упокоится её дух и её сердце. Так она избавится от охватившего её искушения, внушающего ей желание убежать.

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Афины, 21 декабря 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Специально для тебя отправляю письмо через Февронию, пусть она прочитает его тебе. Я начал задумываться о необходимости моего присутствия в монастыре. Мы основали монастырь с молодыми неопытными монахинями, уже прошедшими первоначальный искушение, имеющими желание и любовь к монашескому жителюству, но ещё не знающими, что такое самоотречение ради совершенства в добродетели, что такое борьба

¹ Данное письмо в сборнике монаха Феоклита Дионисиатского не приводится.

с самим собой – борьба с эгоизмом и с душевными и телесными страстями, что такое борьба с миром, т.е. с мирскими представлениями, и что такое борьба с супостатом, с древним врагом. Они колеблются от всякого ветра и волнуются бурями житейского моря, их судно качает из стороны в сторону, а потому их объемят ужас, они лишены опытных кормчих, их оставляет дерзновение, и у них нет вдохновляющих примеров для подражания тем, кто победно прошел этот путь.

Это наводит меня на размышления. Я хотел бы быть с вами, чтобы ободрять и учить вас, и, как говорит мне мой помысел, этого остаётся ждать недолго; тогда я смогу жить с вами продолжительное время и предоставлять каждой из вас необходимую поддержку и наставление. Когда я прибыл на Эгину, чтобы разместить вас в монастыре, то ещё не понимал, что принимаю на себя обязательства, которые и меня самого приведут сюда же. Мой ум и моё желание находятся в другом месте, в монастыре святого Иоанна Предтечи на острове Скопелос¹, но некий внутренний голос мне говорит: «Ты взял на себя обязательства на Эгине, и обязан исполнить их, проживая там». Молитесь, чтобы Господь просветил меня поступить по Его воле.

Феврония написала, что у вас были какие-то огорчения. Нельзя ли мне узнать, какого рода огорчения вас постигли? Из ваших искушений и скорбей, а также из ситуации в целом я делаю вывод, что Богу угодно, чтобы обитель стала образцом для женских монастырей, приводя монахинь к совершенству. А поскольку все они новоначальные и преисполнены недостатков, Господь их постоянно бичует, чтобы они пришли в себя и поняли, что они пришли жить только для Него, а не для себя. Вот что понял лично я, и что обязаны хорошо понять все, пришедшие в монастырь: отречься от себя и вверить себя воле Божией с полным смирением и покорностью. Потому что только так они станут благоиспытанными. Советую также не отчаиваться во время подвига, потому что Божественная благодать, знающая их благое произволение, не позволит им быть испытанными сверх силы. Искушение всегда будет соразмерно силам.

Уповайте на Господа, мужайтесь, и пусть крепится ваше сердце, потому что с вами Бог. Аминь.

¹ Монастырь в честь Рождества честного Предтечи Иоанна был основан 1612 г. иеромонахом Симеоном на небольшом острове Скопелос, располагающемся приблизительно в двадцати километрах к северо-востоку от острова Эвбея, где святитель Нектарий был штатным проповедником с 1891 по 1893 гг. Монастырь обладал ставропигией, вход женщинам был запрещён. Братия монастыря сохраняли приверженность т.н. «коливадам» – сторонникам строгого хранения монастырского богослужебного устава и внимания к внутренней духовной жизни. С 1920 года монастырь стал женским.

Желаю всем вам всего наилучшего. Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди с вами. Аминь. Также желаю вам в радости отпраздновать Рождество нашего Спасителя. Аминь.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТОЕ

Афины, 26 декабря 1907 г.

Возлюбленная о Господе дочь Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Шестнадцать дней назад мы вам отправили два мешка муки, а неделю назад – ослицу, и до сих пор не знаем, получили ли вы их. <...>

Желаю вам всего наилучшего, пусть царствует среди вас мир Господа нашего Иисуса Христа. Остаюсь вашим перед Богом молитвенником.

У меня милостью Божией всё хорошо. Некое предчувствие мне говорит, что наши дела в наступающем году изменятся, возможно, что ошибаюсь. Я начал думать о поиске подходящего места не очень далеко от монастыря – от получаса до трёх четвертей часа ходьбы в сторону города – для основания богословской школы, откуда бы выпускались проповедники Слова Божия, преисполненные ревности и Божественной любви, обладающие совершенным самоотречением, готовые трудиться для Церкви Христовой и принести себя в жертву на божественный жертвенник любви. Молитесь Богу, чтобы Он исполнил мои желания во славу Божию и на благо человечества.

Вновь вас благословляю и остаюсь вашим перед Богом молитвенником

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Афины, 15 февраля 1908 г.

Возлюбленная о Господе дочь Ксения, по-отечески благословляю тебя.

Получил ваше письмо, очень рад, что вы здоровы; я, по благодати Божией, также здоров.

Сообщаю вам, что Совет школы постановил выплачивать мне ежемесячную пенсию в триста драхм, т.к. я поставил его в известность о невозможности далее управлять школой по причине утомления. Я ещё

проживаю в ректорской квартире, пока не найдут мне преемника. Вот та новость, о которой я сказал, что она станет для вас радостным сюрпризом.

Если они до Пасхи назначат нового ректора, я приеду и буду жить до сентября: во-первых, митрополит попросил меня проживать в Пирее для противостояния еретическим учениям, а во-вторых, ещё не решён вопрос с Константином¹, который без меня не может жить нигде, но и со мной рядом с вами жить ему нельзя. Помолитесь, чтобы Бог меня просветил, что мне с ним делать. К слову, любопытно, что Константин не желает отправлять наши вещи на Эгину, потому что считает, что ещё до того, как мы их отправим, нас пригласят в Египет². С этой мечтой он ложится и пробуждается. Сам я об этом перестал мечтать уже много лет назад, а Константин не расстаётся с этой мечтой. Когда приеду, то мы подумаем о проживании вместе с Константином, и как одновременно я смогу жить и рядом с вами. <...>

Молюсь о вас

† Пентапольский Нектарий

Перевод с греческого иеромонаха Антония (Подоровского)

Иеромонах Антоний (Подоровский) родился в 1984 г. в Ташкенте в семье служащих. В 1993 г. семья переехала в Самару. В 2000 г. поступил в Самарскую духовную семинарию, по окончании которой продолжил духовное образование на богословском отделении Московской духовной академии, которую закончил экстерном в 2010 г. С 2005 г. по 2009 г. учился в Высшей церковной школе Крита (Греция), где изучал греческий язык. В 2006 г. был пострижен в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня в мантию, в мае 2007 года рукоположен в сан иеродиакона, в августе – в сан иеромонаха. Является насельником этого монастыря, а с 2010 г. – его благочинным. Регент монастырского хора. В 2012 г. окончил аспирантуру философского факультета Самарской государственной академии Наевой. В настоящее время является преподавателем Самарской православной духовной семинарии (Новый Завет и новогреческий язык), к.филос.н.

¹ Константин Саккопулос († 1948), помощник святителя Нектария в Ризарийской школе, всю свою последующую жизнь помогал Святителю и основанному им монастырю. Их знакомство состоялось во времена проповеднической деятельности святителя Нектария во Фтиотидо-Фокийской епархии (1893 г.). После переселения святителя Нектария на Эгину К. Саккопулос остался жить в Афинах, работая сотрудником банка.

² Из Египта – центра Александрийской Православной Церкви – святитель Нектарий был несправедливо изгнан в 1890 г.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕСHEВСКОГО)

ЮРОДИВАЯ ВАРВАРА

Юродивая Варвара из Параскево-Вознесенского монастыря Пензенской губернии, Саранского уезда. Приветливая, незлобливая. Одевалась очень плохо. Обычно звали ее Варенькой. Говорила загадками и притчами. Спросили ее про одну монашенку: «Ставить ли ее на клирос?» Варенька и говорит: «Ох! На клиросе гробов много-много! А на груди Крестов больше!» Однажды сказала: «Хлебца поедим, а кашка сгорит!» Через некоторое время dranka¹ сгорела, а в ней была крупа, а хлеб остался. Одной монашенке часто говорила: «Ты – лук, я – сахар, ты – горчица, я – мед».

Сообщила м. Херувима 13 ноября 1932 года

ЮРОДИВАЯ МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна жила в 17 верстах от Шуйского женского монастыря². Пока была со средствами, ездила в Шуйский монастырь. Ее привыкли видеть хорошо одетую. Через какое-то время сказали, что она помещалась. В это же почти время умерли ее родители. Она вышла из своего дома и поселилась в нетопленной баньке с кошечкой. В этой баньке почти все время она проводила в молитве, начала юродствовать. Появилась однажды в монастыре оборванная, грязная, прошла к священнику и говорит: «Вот я приобрела кошечку, потом петуха, потом козелка. Кого теперь приобрести нужно? Мой ум хорош, а ваш – царь-ум». И много говорила непонятного. Всегда носила коробочку спичек. Если кто спрашивал, она вынимала спички и бросала их: как спички лягут, так то и будет. То есть, какая мысль первая у нее появится, то и исполнится. Когда еще никто не знал о том, что умер блаженный Максим Афанасьевич, Мария Васильевна сказала его матери, что он умер.

Сообщила монахиня Манефа 13 ноября 1932 года

¹ Дранка – мельница для обдирки, выделки круп.

² В 1870-х гг. в Шуе при Всехсвятской единоверческой церкви была устроена женская богадельня, в 1886 преобразованная в общину. Всехсвятский единоверческий женский монастырь создан в 1889. Закрыт не позже 1920-х. В 1930 – 1950-х гг. большинство построек снесено.

Свято-Успенская Почаевская лавра. Гравюра М. Рашевского

ЮРОДИВАЯ НАДЕЖДА

Юродивая Наденька была лет сорока. Худенькая, лицом красивая, румяная. Первый раз встретились мы с ней в Почаеве. Когда мы шли с матушкой, она подошла, ухватила за ее руку и сказала: «Дорогая матушка! Я никуда от тебя не уйду. Буду с тобою до смерти». Этим она выразила мои помыслы. А матушка обернулась ко мне и сказала: «Слышишь, Параскева?!» А я всегда думала, что я плохая келейница, и что матушка возьмет другую. Но вот сбылись Надины слова: я матушку и похоронила. Часто видала я Надю в Киеве. Однажды болело у меня горло, да так сильно, что думала, что умру скоро. И вот я встретила в один день в церкви с Надей, она и говорит: «Я уже воскресла, слава Тебе, Господи!» Она сказала это потому, что я во сне видала икону Воскресения Христова. У меня от боли не раскрывался рот, а когда причастилась, то исцелилась. И когда бы я ни подумала, что увижу ее, то всегда встречала. Однажды иду в Лавру и думаю: «Хорошо бы чаю попить», – но идти в гостиницу стесняюсь. Вдруг бежит Надя, достает из-за пазухи горячий хлеб и говорит: «Пойдем в гостиницу чай пить». Когда мы пришли, она заказала чаю, да еще привела какого-то иерусалимского монаха. Была она очень смиренна. Иногда для испытания матушка Таисия ей говорила:

«Что ты, Надя, всех учишь? Тебе самой еще жить надо под старческим руководством». А она только и скажет: «Благословите, матушка». Одевалась Надя во что придется, а когда приходила в церковь причащаться, то на амвоне перед причащением снимала пальто и сапоги и причащалась босиком.

Сообщила Параскева

ЮРОДИВАЯ ПАША НОВО-ИЕРУСАЛИМСКАЯ

Ее видели сестры Анна Кузьминична и Александра в холодную погоду, когда она босая стояла на паперти храма. Не видав их никогда ранее, юродивая назвала сестер по именам: «Анюткой» и «Сашкой». Была она молодая. Ей о. Роман говорил: «Что ты здесь ходишь, все монахов слушаешь, мы тебя прогоним». «Чем я слушаю? Нет, я не слушаю. И никогда не уйду отсюда», – ответила она, и жила там все время.

Сообщила Анна Кузьминична 20 ноября 1932 года

ЮРОДИВАЯ ЕЛИЗАВЕТА АФАНАСЬЕВНА

Елизавета Афанасьевна жила в Старом Осколе и была дочерью богатого купца. Когда ей было 18 лет, родители хотели выдать ее замуж и дали ей приданое в 3000 рублей. Однажды приходит к ней юродивая Мавра и говорит: «Лиза! Дай руку!» Та дала. Блаженная взяла тряпку и завязала ей палец. На следующий день у Лизы заболела рука и потом девять лет болели все кости. Родители все имение потратили на лечение дочери и стали нищими. Тогда опять пришла к Лизе блаженная Мавра, развязала палец, и вся ее болезнь прошла. С тех пор Елизавета стала ходить по домам и побираться. Евдокия Васильевна часто ее видела, давала продукты и бывала у нее на квартире. Прозорливость Лизы обнаружилась за много лет до революции. Евдокии Васильевне она однажды сказала: «Ах, барыня моя, вы живете на вокзале!» И верно, в революцию приходилось Евдокии Васильевне ночевать даже на вокзале, когда отобрали дом. За несколько дней до смерти Лизы Евдокия Васильевна поехала навестить блаженную и привезла с собой баночку сардин. Она лежала больная. «Мне подарки теперь не нужны», – сказала Елизавета. – «Я могу умереть, а молитвенник ушел». Тогда Евдокия Васильевна скорее поехала к о. Феодору Костницкому. Стучится, а матушка ей говорит, что батюшка ушел. Она оставила ему денег и попросила помолиться за Елизавету, и та на следующий день во время обедни умерла (до 1917 г.). Погребена в Старом Осколе.

Сообщила Евдокия Васильевна в октябре 1932 года

ЮРОДИВАЯ МАРИЯ

Юродивая Мария Петрова была дочерью генерала. Ходила в черных очках с черным зонтиком, которым и грозила многим, и била. Умерла в Петрограде в 1917 году. Похоронена недалеко от блаженного Матвея в Александро-Невской Лавре.

СЛЕПЕНЬКАЯ ЛИЗА

Благочестивая девушка, слепая отроду. Жила около Шуйского женского монастыря. Ее считали прозорливой. Предсказала однажды, что на другой день придет монах-страдалец Стефан, что и исполнилось.

Сообщила монахиня Манефа 13 ноября 1932 года

ИМПЕРАТОР ПАВЕЛ

Особенно помогает в делах судебных и тяжёбных при нанесении обид сильными мира сего слабым. Паломничество к его могиле усилилось в 1911 году. Верующие замечают, что Император Павел особенно помогает не в телесных недугах, а в душевных скорбях и болезнях.

БЛАЖЕННЫЙ ВОИН МАКСИМ АФАНАСЬЕВИЧ ИВАНОВ

Юродствовать Максим Афанасьевич начал с двадцати лет. Родом был из Владимирской губернии, Ковровского уезда. День Ангела блаженного – 13 августа¹. Отца звали Афанасий, мать – Феврония. Старый николаевский солдат, ходил он бритым, в заправку. Роста среднего, седой, раньше был белокурый. Заберется, бывало, в лес, начистит удильников (удочек) целый узел и ходит с ними по лесу, пока не оставит где-нибудь. Дети увидят его и кричат: «Максим Афанасьевич! Максим Афанасьевич!», – а он улыбается им. Очень детей любил. Когда ходил, все что-то про себя бормотал. Все ему знаемо было, духом все знал. Ходил, обычно, около Шуи, бывал у благочестивых людей. Много предсказывал.

Когда в поместье Александры Шубиной устроили монастырь², блаженный часто там бывал. Любил монашенок. Когда еще никто и подумать не мог, что там будет монастырь, Максим Афанасьевич радовался: «Вот какую часовню мы построим деревянную!» Говорил даже, какие

¹ По старому стилю 13 августа празднуется обретение мощей блаженного Максима, Христа ради юродивого, Московского (1547 г.).

² Воскресенский-Феодоровский общежительный женский монастырь в 11 километрах от г. Шуи при селе Воскресенском-Сергееве. Учрежден в 1889 году из существовавшей с 1881 года женской общины. При монастыре школа, иконописная мастерская, богадельня. Основательница монастыря – помещица этого села дворянка Александра Николаевна Шубина. Монастырь закрыт в 1929 г. 9 апреля 1998 г. по решению Священного Синода был открыт Воскресенско-Феодоровский мужской монастырь.

Вокресенско-Феодоровский мужской монастырь в селе Сергеево

колокола будут. Все это казалось несбыточным до 1889 года, когда архиепископ Феогност Владимирский благословил основание монастыря.

За некоторое время до свержения самодержавия Максим Афанасьевич приказывал, чтобы все убрали фотокарточки царей, или сам снимал их. А на себя нашивал красные тряпки. Перед войной он ходил с ружьем и с камнями и стрелял во все стороны. Перед своей кончиной просил прощения у Царя: «Папенька, прости! Не я виноват, а сынки!» Каждому блаженный давал свое имя. Если человек был в чем-нибудь виноват, обличал. Так, одна монашенка

на что-то рассердилась, а он и говорит: «Оленька! Не надо сердиться!» Другую монашенку встретил и приветствует: «Со свиданьем вас!» – и к ней неожиданно приехал отец.

Матушка игумения хотела переезжать, но никому об этом не говорила. Максим Афанасьевич встретился с ней и спрашивает: «Сашенька! Где изволите жить?» По ночам блаженный все ходил и молился. Любил водить с собою собак и привязывал к ним колокольчики. Другой раз, бывало, сам не спит и другим покоя не дает. Если он кого жалел, ласкал, то сестры знали –это к терпению. Иногда обличал тайные грехи, но мягко, не причиняя боли. Причащался часто – каждую неделю. Иногда шумел, таскал палку, юродствовал. Если предстояло пожертвование на монастырь, то он приходил к матушке игумении и вымалывал у нее деньги.

Перед стройкой монастыря он точно сказал инженеру, сколько потребуется кирпича. Бывало, поисповедуется Максим Афанасьевич, да после утрени отправится в трапезную ужинать с сестрами. Ему говорят, что нельзя, а он ладит свое: «Я есть хочу, ничего, ничего...» Старших звал мамашами, средних – сестрами, а младших – по именам, которые сам выдумывал. Нищий он был, нестяжательный совершенно. Накануне Рождества Христова он сказал одной монашке: «Оленька! Нам надо идти с Крестным ходом вон туда». Оказалось, что в этом месте замерзла женщина. Пришел однажды к матушке Манефе и говорит: «Сшей мне

полукафтанье!» – «Не знаю, как сшить тебе», – ответила она. На следующий день к ней пришли с этой же просьбой – сшить полукафтанье для утопленницы. Строили в монастыре трапезу. Максим Афанасьевич приходит и говорит: «Не знаю, что строят. Совсем не знаю. Может быть, церковь, может быть, костел – не знаю». Сестры так и ахнули. Они знали, что его слова не напрасны. Действительно, когда монастырь закрыли, в трапезной открыли кинозал.

Когда строили колодец, блаженный резко возражал: шумел, бунтил, и колодец, действительно, оказался неудачным. Родители матушки казначеи Таисии всегда принимали его и очень любили. А он им предсказывал, что вдова и дочь в монастырь пойдут, что и исполнилось. Жил там еще и старец, монах Серафим. Его Максим Афанасьевич очень любил и называл «дедушка Федот». Говорил о нем, что таких «Бог слушает». Одной монашенке врачи сказали, что она скоро умрет. Услышав это, блаженный предрек: «Мы с тобой рядом жить будем, наши домики рядом будут». И действительно, похоронили их рядом. Много предсказывал священнику отцу Василию. Блаженный называл его «хромой». И скорую смерть, и что после смерти о. Василия на его месте будет «красивый, румяный». Так и вышло. После смерти о. Василия приехал другой батюшка, очень хороший, да еще красивый и румяный.

Однажды сидел блаженный и пил чай. Вдруг всполошился и говорит: «Мамашенька! Вот аналой, вот и покойник!» В это самое время скончался диакон в Шуе: читал Евангелие на литургии, прочел, упал у аналая и умер. Одна монашенка шила кофточку. Приходит Максим Афанасьевич и спрашивает: «Что вы шьете, сак-пальто? А рукавички правильно ли сшиты?» Оказалось, что рукава сшиты неправильно, и монашенка в сердцах сказала: «От тебя, старик, и это не утаится!» Блаженный приходил и целовал сестер в церкви. Матушка игуменья ему и говорит: «Что это ты монашенок целуешь?» – «Мамаша! Я к ним, как к иконам, прикладываюсь!»

Читал Максим Афанасьевич и мысли человеческие. Одна [монахиня] сидела и думала о вечности, а он подходит к ней и говорит: «Ах, как там хорошо, мамаша!» Если девушка должна была идти в монастырь и Максим Афанасьевич видел в этом Божий Промысл, то он говорил: «Замуж тебя надо отдать!» Один человек ехал по лесу, услышал пение и свернул с дороги. Максим Афанасьевич стоял с воздетыми руками, молился и пел, на дереве перед ним висела иконочка, горела свечка. Одна монашенка спросила блаженного, сколько ему лет. Он ответил, семнадцать, а потом сказал, что около ста.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Перед своей смертью он посылал мать Дорофею к знакомой помещице: «Настя! Сходи, принеси облачение для меня!» Никто не знал, что у нее лежало одеяние, приготовленное на смерть мужа, который умер и был похоронен в другом месте, а облачение-то и пригодилось теперь Максиму Афанасьевичу. Перед смертью он был в деревне, но велел привезти себя в Шуйский монастырь. Умер около 1918 года, погребен в селе Сергееве, в Шуйском женском монастыре.

Сообщила монахиня Манефа 13 ноября 1932 года

Блаженный НИКОЛАЙ ОСКАРОВИЧ в ЛАВРЕ

Горит солнышко, жжет лучами. И хорошо в тиши зеленых деревьев. Что-то таинственное там впереди, светом манит душу, что-то такое дорогое. И вот мы у раки преподобного Сергия! Монашество... Монашество – дорогое, любимое, незабвенное дитя преподобного Сергия. Дорогая мантия дорогого Подвижника. Четки. Здесь лежит он, осуществивший идеал, любимый на земле. Здесь его останки. Здесь все напоминает о том, что всякая душа приглашается на святые подвиги преподобных. «...И не забуди, яко же обещался еси, посещая чад твоих, Сергие преподобней, отче наш...» – молится всякая душа. «Укрепи, укрепи» – молится и моя душа. Голубой день! Светлый, радостный!

Сестры идут в келию старца Зосимы. Жутковато, сама не знаю почему. Только что причастились. С тихой молитвой и миром переступаю порог. Худенькая фигура, длинная, клинообразная борода. Белый

балахон. Не успела очнуться, как губы старца коснулись моей руки. С низким поклоном склонилась седая голова. «Фу! Я думал игуменья пришла, а это ты!» Он улыбается, смотрит на меня и снова улыбается. Куда деться? В дверь обратно – неудобно бежать! Ведь я в форме нашей общины. Здесь стоять? Жгучий стыд. На меня смотрят сестры. Спряталась в угол. «Иди к Николаю Оскаровичу, – слышу я, – и духовнику скажи, что это я тебя послал». Прощанье. И опять он целует руку. Больше ничего не говорит, а молча под руку сводит вниз.

«Нет, не прозорливый он, – думаю я. – Как же он не видит грехов моих и так ведет меня под руку?!» И добавляю вслух: «Вот как по этой лестнице, батюшка, спускаемся, так я спускаюсь по лестнице духовной жизни». – «Будет время, чадо, и будешь подниматься вверх.

И всем, всем я скажу, что им сказал Николай Оскарович, а тебе не объясню», – говорит старец и смеется. Исчезла из глаз келья. Не виден старец. Матерь Божия! Спаси старца Зосиму и его молитвами нас помилуй!

Богадельня при монастыре. Сколько стариков здесь – не знаю. Пахнет табаком. Душно, грязно. Здесь сорок лет лежит вон тот старик с длинным интеллигентным лицом. Подхожу. Целую его руку, он – мою. Все время свертывает папироски. Подставили табуретку, а кругом меня сестры. Ах, какие у него руки! Пальцы загибаются, желтые от табака. Но хорошо около него... «Какой тебе дом приготовлен! Ах, какой дом дивный! Ты землянику за три рубля купила, а дворец дивный получила! Ах, какой дворец!» Слезы капают на платье, на косынку. Мне представляется дом, там, в небесном вертограде у Владыки Христа. Вот бы мне туда, в уголочек, шепчу я ему тихонько. А он не унимается, все дворец описывает. Он много говорит, но мы ничего не понимаем. Деревянная кровать скрипит. Он все подтягивается вверх. Ноги уже сорок лет не ходят.

*Старец Зосима (в схиме Захария).
Схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры*

Затем я наклоняюсь к нему и говорю, чтобы меня не поняли: «Je veux quitter la maison» (домом назвала общину), а он быстро-быстро на французском языке отвечает: «Отец великий вам сказал, но нельзя, нельзя, не надо!» – и сильно волнуется (как он узнал?!). «Поздравляю, – говорит он вдруг, – Вы назначены сестрой милосердия в Николаевск-на-Амуре». У меня помысл: «Господи! Господи! Под святым Покровом Твоим и со святою Милостию Твоею, что для меня Николаевск-на-Амуре!» Прощаемся. Со всеми прощается обычно. Подхожу и я. И снова мы целуем руки друг у друга. Мне как-то стыдно и неловко. А он пронзительно смотрит и взглядом провожает до двери. Сестре Поле Котенко он дал свою папиросу, а В. С. велел передать, чтобы принимала капли от кашля. Что значит все, что он говорил? Знает только он сам. Царство ему Небесное! Упокой, Господи, душу юродивого страдальца Николая.

Записано в 1931 году

Блаженный Николай

Блаженный Николай бывал в Лукине, в монастыре¹, когда в гостинице, когда на скотном дворе, когда в сенях у одной старушки-монахини, жившей в избушке за монастырской оградой. Ходил он всегда с палкой и мешком за плечами. Заходил к монахиням в кельи. Когда приходил, то всегда умывался и молился. А потом возьмет и все подушки палкой побросает на пол. К одной монахине пришел, лег на стол и сказал: «Вот тебе пример!» И она скоро скончалась. Одна девица гостила в монастыре, и Николай ей сказал, что ее положат в больницу и порежут. Так и случилось. Другой женщине много говорил о ее домашних, которых никогда не видел. Перед закрытием монастыря он достал губную гармошку, бегал по монастырю и без перерыва свистел в нее. Такой треск стоял! Игуменья приказала не пускать его в монастырь, а он говорил: «Я вас скоро проиграю, и все здесь закроют». Блаженный Николай был сослан и находился в ссылке с лукинскими монахинями, где и скончался.

Записано в 1931 году

Блаженный Михаил Модин, Миша

Родом Миша из Шуйских мещан. Роста был невысокого, миниатюрный, всегда ходил грязный. Обладал чудным голосом и пел на клиросе.

¹ Крестовоздвиженский Иерусалимский женский монастырь в селе Лукино г.о. Домодедово Московской области. Основан в 1837 г. при женской богадельне церкви свв. мчч. Флора и Лавра села Старый Ям Подольского уезда. В 1870 г. община была переведена в имение Александры Петровны Головиной сельца Лукино В начале 1920-х гг. монастырь был закрыт. Возрожден в марте 1992 г.

Имел дар исцелений. Считался прозорливым. Был у него свой дом, свои братья и сестры, но он ходил из дома в дом с большими сумами. Туда складывал он все, что подавали ему. Мальчишки бегали за ним и кидали в него камнями, но он все переносил. Кончина его была тихая и мирная. Погребен в Шуе.

Сообщила м. Манефа 13 ноября 1932 года

Блаженный Михаил

Блаженный Михаил из г. Пскова. Великой жизни. Юродствовал. Ходил босиком зимой, а летом – в валенках. Лет ему было около тридцати пяти. Роста среднего. Еще в 1908 году предсказал революцию и часто говорил: «Слушайте церковный звон – не будет скоро звона...»

Сообщено м. Евгенией в декабре 1932 г.

Блаженный Михаил Петроградский

Блаженный Михаил жил в г. Петрограде и умер там же около 1926 года. Знал наизусть Слово Божие. Был как блаженный. Тридцать пять лет не ходил в баню. Много предсказывал приходившим к нему людям, и все предсказания сбывались. Матушке Евгении, когда она еще и не думала строить церковь, сказал: «А ведь ты в Сибири храм выстроишь, и еще игуменией-строительницей будешь».

Сообщено м. Евгенией в декабре 1932 года

Блаженный Михаил Иванович

Блаженный Михаил Иванович был баринком, орловским помещиком. С благословения старца женился, имел сына. Впоследствии с женой жили как брат и сестра. Считался прозорливым. У него был Крест, иконы Божией Матери и Иоанна Богослова. Лет ему было около сорока. Одевался, как барин, но в душе был истинный смиренный раб Христов, построил церковь. К нему много ходило народа за наставлениями и советами. Матушке Серафиме он сказал: «Ты от Креста, а Крест за тобой. Не надо Креста бояться». Его сослали в Соловки, где он принял тайную схиму. Там же он умер и погребен.

Сообщено м. Серафимой 20 июля 1933 года

Блаженный Михаил Красноярский

Блаженный Михаил Красноярский был простой крестьянин, но много предсказывал и по жизни своей был подвижник. За несколько лет предсказал Паше то, что она сейчас переживает. Юродствовал. Умер

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

в 1932 году Великим постом. Погребен в Минусинске.

*Сообщено м. Евгенией
в декабре 1932 года*

БЛАЖЕННЫЙ МИХАИЛ КРОНШТАДТСКИЙ

Когда м. Евгения ездила в Кронштадт к о. Иоанну Кронштадтскому и шла от него по улице, к ней подбежала молодая девица и позвала в дом. Там ее ждал блаженный Михаил. Он сказал: «Матерь Божия указала мне сегодня во сне, что будет у меня послушница, и велела накормить ее обедом». Он накормил м. Евгению, обласкал, поздравил с принятием Святых

Тайн (он не мог знать, что она причащалась). Блаженный Михаил жил при Андреевском соборе и служил псаломщиком в Кронштадтском Морском Никольском соборе. Приехал из Сибири, привез оттуда вдову с дочерью. Эта вдова оставила все свое имущество в Сибири и по благословию блаженного приехала в Кронштадт.

Сообщено м. Евгенией в декабре 1932 года

БЛАЖЕННЫЙ МАКСИМ

Блаженный Максим был странником. Лет ему было около пятидесяти семи. Роста невысокого, худощавый, с бородой, на боку у него всегда висела бисерная сумочка. Когда Максим был маленьким, у него сильно болели ноги, и он не мог ходить. Его исцелила от этого недуга Божия Матерь.

Одевался просто, великий был подвижник и постник. Матушка Евгения знала его еще по Москве. «Ты что, думаешь, я тебя не найду?» – как-то спросил он ее, когда она была уже в г. Пензе. Приходит он в монастырь и спрашивает: «А где здесь живет Елена?» Ее вызвали, и она узнала в нем московского странника. Он много обличал сестер и даже мать благочинную: «Ты готова за кусок пирога сестру продать», – говорил он ей. Однажды он сказал на ухо м. Евгении такое тайное дело, о котором не мог знать ни один человек... Много известно случаев его прозорливости.

Сообщено м. Евгенией в декабре 1932 года

Морской Никольский собор в Кронштадте

ПОСЛУШНИЦА ФЕОДОСИЯ

Послушница Никитского монастыря¹ Феодосия умерла приблизительно в 1910 году 80 лет от роду. Погребена в Покровском монастыре.

Незлобивая, кроткая, смиренная, по смирению своему она отказывалась принять постриг. Кончина ее была благодатная. Сама игуменья Таисия пришла к ней перед ее смертью и сказала: «Матушка, дорогая, благословите меня!» Смирение ее было необычайное...

Сообщено В. Д. 4 октября 1932 года

СЕСТРА ЕВФРОСИНИЯ (ЧУРИЛО)

Блаженная Татьяна Ивановна говорила, что сестра Марфо-Мариинской обители Евфросиния видела Божию Матерь в алтаре. Около Нее была надпись: «Покайтесь все». Две недели после этого сестра Евфросиния не могла принимать пищи.

БЛАЖЕННАЯ МАРИЯ (МАТРОНА)

Блаженная Мария жила в Вологде. Ночевала на кладбищах какая бы ни была погода. На ногах калоши, еле прикрыта одеждой. Во время

¹ Александровский Никитский женский монастырь в Кашире. Основан в 1884 году, закрыт в 1920-х годах. С 2015 года по благословению митрополита Ювеналия (Пояркова) ведутся работы по восстановлению Преображенского и Никитского храмов монастыря.

службы в храме почти все время плакала. К вечеру приходила в церковную сторожку, где пила горячую воду с хлебцем. Юродствовала. Бранилась, но не сердито.

БЛАЖЕННАЯ МАРИОНИЛЛА ТРОИЦКАЯ

Прозорливая. Много предсказывала. Бесноватые исцелялись по ее молитвам. Оптинский старец Анатолий был о ней очень высокого мнения. Он всегда посылал народ к ней и к блаженному Михаилу Ульяновскому. Умерла в 1915 году. Похоронена в Троицком¹ монастыре в Пензе.

Сообщено м. Евгенией 22 декабря 1932 года

БЛАЖЕННАЯ ДОМНА ГАТЧИНСКАЯ

Спала двадцать дней летаргическим сном. Видела большой корабль во флагах, просила свт. Николая его защитить, но он ответил: «Я бы и хотел, чтобы корабль спасся, но не могу сделать ничего».

Сообщил Николай Як (овлевич) 19 ноября 1932 года, Ленинград

БЛАЖЕННАЯ НАТАЛЬЮШКА

В одной из глухих деревушек далекого Севера родилась около 1880 года и выросла великая юродивая Натальюшка. С юных лет отличалась она умом и необыкновенной любознательностью. Первые проблески ее прозорливости начались с девичьих лет. Родители решили просватать ее и выдать Наталью замуж за хорошего человека по имени Семен. И вот когда жених остался наедине с невестой, Наталья сказала: «Семка, Семка! Замуж за тебя выйду, а женой тебе не буду». Жених удивился ее словам, рассказал отцу, считая ее за дурочку. «Ты не обращай внимания на ее слова, она нарочно тебе это говорит, а умнее ее никого не найдешь», – сказал отец. Семен навел справки о будущей своей жене у соседей и получил ответ: «Умнее ее никого нет». Вскоре молодые обвенчались, и у Натальи родились две дочери.

Но не удовлетворяла молодую женщину семейная жизнь: ни любовь к детям, ни любовь к мужу не могли заменить ей стремление к уединению, молитве, подвигам, посту и бдению. Горячие слезы возносила она к небу, умоляя Пречистую взять к себе ее дочек. Мужа решила она бросить и удалиться от мира. Господь услышал ее горячую просьбу. Вскоре умирают её дочери. После их кончины Наталья поехала к о. Иоанну Кронштадтскому получить благословение и совет на то, как лучше ей освободиться от мужа и стать на тесный иноческий путь.

¹ Троицкий женский монастырь в г. Пенза. Основан был в 1691 г. При нем училище для девиц духовного звания и больница.

Никитский женский монастырь в Кашире

«Поезжай домой. Бей окна в избе, посуду, ломай, колоти, и муж тебя выгонит из дома», – сказал ей о. Иоанн Кронштадтский. Он благословил ее на подвиг юродства. Получив благословение от батюшки, Наталья вернулась домой и начала юродствовать. Укрылась блаженная в сибирских лесах. Тридцать два года скиталась она в дремучей тайге, питаясь и живя, как птицы небесные. Суровый пост, постоянное бдение и молитва были ее всегдашними спутниками. Дремучий лес скрыл ее надолго от людских глаз. Вместе с птицами славословила она Бога, вместе со всей природой встречала и провожала утреннюю и вечернюю зарю, сливалась с нею в один радостный торжествующий хвалебный гимн Богу, и никакие мирские печали не омрачали ее.

Но вскоре Господь послал свою избранницу к людям. И полились из ее уст слова утешения и обличения людских пороков. Снова появилась она в родной деревушке, но уже совсем непонятная односельчанам. Смелая и правдивая речь ее не понравилась многим, и вскоре ее забрали и увезли в другие края. Несколько раз появлялась она, как метеор, на свободе и опять попадала в тюрьму. В последнее время она находилась во Владимирской психиатрической больнице и удивляла всех своей прозорливостью и точностью предсказаний. Она была худенькая, бледненькая, все больше сидела. Лет ей было около шестидесяти. У кого брала приношения, а у кого и нет, а иногда и на пол бросит. Матушка

О. просила передать ей чай. Натальюшка взяла его, долго прижимала к груди: рада была очень и сказала: «Дала мне на пять рублей, а ей на двадцать пять привезут!» И что же? Вскоре приехала к м. О. знакомая и привезла чаю ровно на двадцать пять рублей. О матушке О. Наталья сказала: «Стара, слаба, властям не нужна, а вот свои уберегут ли ее?» Врач в больнице спрашивала ее о себе, Наталья сказала: «Гроб стоит! Гроб стоит!» Врач пришла домой и узнала, что у нее умер отец. К ней обращались во Владимире многие начальники (знали о ее прозорливости). Один ответственный работник решил испытать ее и пришел к ней. Он только что вернулся из командировки. «Ну Натальюшка! Что ты мне скажешь?» – спросил он. «Что скажу, что скажу... Приехал и опять уедешь». – «Ну уж это вряд ли», – усомнился тот. Приходит домой, а там лежит телеграмма: сын умер. И он опять уехал. И таких случаев было много. Блаженную Натальюшку очень чтили во Владимире.

Записано 18 октября 1938 года со слов монахинь О. и Р.

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Лет за 30 до революции блаженный, имя которого неизвестно, сидел всегда около Ивановского монастыря¹. Солнце печет, жара, а он сидит, покрытый вшами. Носил тяжелые вериги. Снимет их, а под ними вши так и кишат... А он все терпел ради Христа.

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

НЕИЗВЕСТНАЯ

Неизвестная блаженная жила с матерью. В церкви стояла и смеялась, ходила рваная, одевалась по-монашески. Обвешается котелками, так и ходит, или изрежет себе лицо и руки, подойдет к церкви и скажет: «У меня руки все потрескались, купи вазелинчику». Всегда приговаривала: «Нехай! Нехай!» Часто уходила в лес молиться.

Записано 22 сентября 1931 года

БЛАЖЕННАЯ ИГУМЕНΙΑ ЭСФИРЬ

Игуменья Эсфирь была из Рождественского монастыря². Она имела дар исцеления, так что многие бесноватые исцелялись от нее. У казначеи

¹ Ивановский (Иоанно-Предтеченский) женский общежительный монастырь располагался в Москве близ улицы Солянки. В 1918 году монастырь закрыли, на его территории устроили тюрьму. В 1992 году монастырь был передан Православной Церкви.

² Рождественский женский монастырь на ул. Рождественке основан был в 1386 году матерью князя Владимира Храброго, кн. Мариею. При монастыре существовал приют для малолетних девочек.

Вознесенского монастыря болели ноги, она пошла на могилку м. Эсфири, отслужила панихиду и исцелилась. Когда игуменья Эсфирь умерла – неизвестно, похоронена на Ваганьковском кладбище.

Записано со слов схимонахини Алексии 19 ноября 1931 года

Блаженная монахиня Клавдия

Блаженная Клавдия была монахиней Дивеевского монастыря. Лет ей сейчас около сорока. С виду очень молодая, волосы черные. Когда Лиза вошла к ней в келью с Варей, которая вскоре умерла, то м. Клавдия легла на кровать, завязала себе голову и стала тянуться: «Вот умираю-умираю, никак не умру», – приговаривала она при этом. Варю заставила взяться за ноги и потянуть за них... Потом выгнала всех из своей кельи.

Записано со слов Лизы Р(емешевой) в ноябре 1931 года

Блаженная послушница Евгения («Иерусалимка»)

Блаженная послушница Евгения жила в московском Алексеевском монастыре. Прозвали ее «Иерусалимка», так как она десять раз ходила в Старый Иерусалим¹. Роста она была маленького, худенькая, одевалась просто: ходила в ряске, на голове – черный платочек. Всех называла «голубеночек» – так приговаривала в разговоре. Сестры называли ее «голубенчик». Простенькая она была, нестяжательная. Деньги звала «парижки». Жила в келье рясофорной монахини Надежды. Ездилась с ней в Старый Иерусалим. Умерла на Благовещенье в 1916 году. Смерть знала заранее: «Михаил Архангел ко мне идет», – сказала она перед смертью. Схоронена на Алексеевском кладбище. Имела она дар Иисусовой молитвы и всегда поминала Спасителя во всяком деле. В 1929 году при разборке кладбища открывали могилу блаженной и тело ее нашли нетленным.

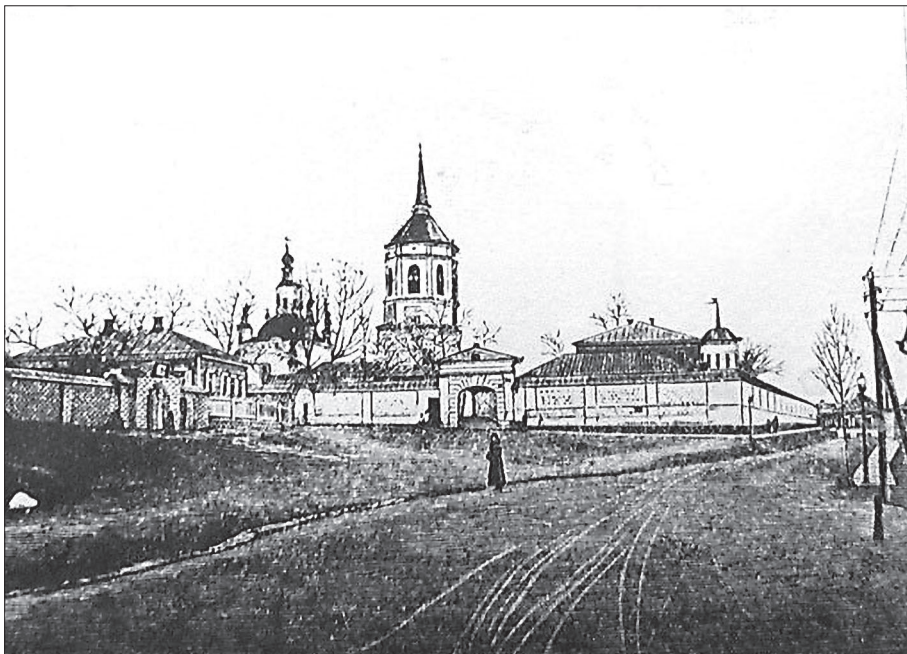
Записано 27 сентября 1931 года

Блаженная Пелагеюшка «Косорокая»

Блаженная Пелагеюшка была странница. Бегала она всегда босиком, прозвали ее «Косорокая». Как только бабы прослышат о ее подвижнической жизни, пойдут к ней за советом, она сейчас же велит им колбаски себе купить, да чтобы и винца принесли ей... Таким способом старалась она отвратить от себя славу человеческую, чтобы быть последней на земле ничтожной тварью...

Записано со слов странницы Анны 22 сентября 1931 года

¹ Старый Иерусалим – часть г. Иерусалима, где находится храм Воскресения Христова, более известный как храм Гроба Господня.

Белокопытовский Казанский Боголюбивый женский монастырь

БЛАЖЕННАЯ МОНАХИНЯ ХАРИТИНА

Блаженная монахиня Харитина была из Белокопытовского монастыря¹. Умерла семидесяти лет. Худая она была, маленькая, насквозь человека видела. Считалась прозорливицей, творила Иисусову молитву. С людьми, обращавшимися к ней за советом и утешением, была не одинакова в обращении: каждому говорила то, в чем он нуждался. Когда инокия Александра рассказала ей всю свою жизнь, она оставила ее сначала в своем монастыре, потом в Шамордино, но та не согласилась и поехала к о. Михаилу.

Записано со слов инокини Александры 27 сентября 1931 года

БЛАЖЕННАЯ СОФИЯ

Блаженная София или София Никитична родом была дворянка, родилась она в г. Ельце Тамбовской губернии. Благословила м. Дионисию идти в монастырь. «Ты поди в купеческом доме поживи,

¹ Белокопытовский Казанский Боголюбивый женский монастырь учрежден в 1892 году на средства Александры Евгеньевны Белокопытовой. При нем находилась больница и школа. Монастырь действующий, адрес: Калужская область, Куйбышевский район, д. Новодяглево.

а потом в монастырь – здесь тебе места нет». Действительно, предсказания ее сбылись. Казанский Головинский монастырь был ранее общиной в доме купца Сидорова. Когда уезжала из монастыря, созвала всех сестер, простилась и сказала: «Приеду, встретьте со звоном». Перед смертью повторяла: «Мамочка, дорогая! Сейчас конец, конец...» И действительно, когда привезли ее тело в монастырь, то зазвонили на колокольне. Умерла она около сорока лет. Похоронили ее в Сезеновом монастыре¹.

Тамбовская губерния, г. Лебедянь, Сезеновский монастырь.

Рассказ м. Дионисии

Блаженная Еленушка, СТРАННИЦА

Блаженная Еленушка была из Вологодской губернии. Часто ходила она в Новодевичий монастырь. Была она девица, лет пятидесяти, маленькая, с глазами, всегда красными от слез. Ходила по святым местам. В городе Мира Ликийская видела в источнике святителя Николая улыбающегося и его ручки. Бывала в Старом Иерусалиме не один раз. Видела она еще преподобного Серафима, как он на камушке молится.

Записано со слов м. Евпраксии 1 октября 1931 года

Блаженная Евдокия

Блаженная Евдокия была духовной дочерью о. Михаила Польского. «Я не дождусь тебя», – как-то сказала она ему, и верно, умерла не дождавшись его из ссылки летом 1931 года. Была она уже старая, горбатая. Часто всех ругала. Любила принимать странников. Имела разные видения. Говорила не раз она о. Михаилу: «Молись, да не хвались!» Он ее очень любил. Ходила блаженная Евдокия к Матреше. Матушка была больна. «Ты порченая», – говорила Евдокия. – «Может быть, тебе придется в храме умереть». Всегда чувствовала, где ей не рады, и не ходила к таким. Сказала одной женщине, которая умерла на Пасху: «Тебя хоронить будут с красным яичком».

Сообщила Елизавета Рем. 1 декабря 1931 года

¹ Сезеновский Иоанно-Казанский женский монастырь Елецкой епархии, расположен в с. Сезеново Лебедянского района Липецкой области. Основатель обители – затворник Иоанн Сезеновский.

ОБ ОБНОВЛЕНЧЕСТВЕ, ЭКУМЕНИЗМЕ И «ПОЛИТГРАМОТНОСТИ» ВЕРУЮЩИХ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ АВТОРЕ

Имя и труды Татьяны Михайловны Горичевой, замечательного, глубоко верующего православного человека, гораздо известнее на Западе, чем в России. Так судил Господь, чтобы ее талант христианского писателя, философа и общественного деятеля наиболее ярко раскрылся и послужил людям вдали от Родины.

Если попытаться охарактеризовать жизнь Татьяны Михайловны в последние два десятилетия, на ум вдруг приходят необычные слова – «православное миссионерство». Да-да, именно православное миссионерство на Западе, как парадоксально это не звучит, Благовестие, построенное в соответствии с православной духовной традицией.

Не правда ли, сама постановка вопроса о проповедничестве русского человека на Западе многих может удивить, ведь о взаимоотношениях с западным миром у нас обычно принято думать и говорить в двух смыслах: либо Россия – духовная падчерица Запада, неудачный слепок с западной цивилизации, либо она – беззащитная жертва западной духовной агрессии, мишень тайных интриг, направленных на разрушение всего русского и православного.

Жизненный путь Татьяны Михайловны начисто опровергает эти представления. На Западе люди тоже нуждаются в пище духовной, и нуждаются ничуть не менее, а даже более, чем в России, а потому Православие способно стать спасительной соломинкой, ухватившись за которую, можно «остаться на плаву» в том безбрежном океане неверия, страстей и цинизма, в который превратился «цивилизованный» мир.

В своем развитии миссия Горичевой совершенно не похожа на те сценарии, по которым в России действуют самозванные протестантские проповедники. Главное в ней – ненарочитость, ненадуманность всего сделанного и сказанного. Даже обстоятельства появления Татьяны Горичевой на За-

Печатается по: Горичева Т. М. Об обновленчестве, экуменизме и «политграмотности» верующих. Взгляд русского человека, живущего на Западе. Санкт-Петербург: Сатисъ, 1997.

паде были для нее совершенно неожиданными: в 1980 г. вместе с двумя другими активными участницами «Христианского женского движения» она была выслана из СССР и прибыла в Вену. Протест против коммунистической системы в то время вообще был делом опасным, протест же христианский – вдвойне. Члены движения подвергались постоянным преследованиям, неоднократно сидели в тюрьмах, помещались в психушки. Но, несмотря на это, деятельность не прекращалась и была по-настоящему отчаянной: демонстрации в защиту политзаключенных, против войны в Афганистане, религиозные собрания и православный детский сад, нелегальные журналы: «37» – журнал христианской культуры, и «Мария» – женский православный журнал. Тиражи этих изданий были почти полностью конфискованы КГБ, однако отдельные экземпляры все же попали за рубеж, из-за чего имя Татьяны Горичевой стало известным на Западе.

Татьяна Михайловна Горичева

Первым сильным потрясением на «свободном» Западе стало для нее вопиющее безразличие общества к христианскому призыву. Политическая цензура, тяготевшая над свободной мыслью в Советском Союзе, не шла ни в какое сравнение с той негласной духовной цензурой Запада, которая не пропускала на страницы печати и телевизионные экраны никаких религиозных заявлений «русской диссидентки», ограничивая все одной политикой. Но одновременно с этим произошло и другое: встречаясь со многими людьми, Татьяна Горичева убедилась в том, насколько велик в среде западных христиан интерес к русской духовности. Поэтому ее общественная деятельность началась как бы сама собой, по долгу сострадания к людям, которых довелось повстречать и полюбить душой.

И вот чудо Божие! Лекции Татьяны Михайловны об истории духовной культуры России и православном мировоззрении нашли своих благодарных слушателей, их популярность стала быстро расти, хотя для такого успеха, казалось бы, не было никаких видимых предпосылок: ни шумной рекламной поддержки, ни мощных финансовых вливаний. Постепенно

вокруг нее сложилось целое общественное движение, так называемый «секретариат Татьяны Горичевой», с началом реформ в СССР поставивший своей задачей укрепление духовных связей с православными и оказание им помощи.

Ныне Татьяна Михайловна Горичева – автор более 10 книг, переведенных примерно на 30 европейских и азиатских языков. В последнее время она живет в России, считая необходимым быть вместе со своей страной и своим народом, продолжает вести широкую общественную работу, выступает в средствах массовой информации.

При подготовке настоящего текста были использованы фрагменты публичных выступлений Татьяны Михайловны в России в марте – апреле 1997 г., а также интервью, данные Санкт-Петербургскому православному издательству «Сатисъ» в мае и августе 1997 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Диалог, случайно услышанный на одном из православных собраний: МОСКВИЧ (обращаясь к своему собеседнику, приехавшему из провинциального города N):

– А у вас в N кто из духовенства относится к консервативному крылу? ПРОВИНЦИАЛ (в раздумии, с некоторой робостью и смущением):

– К консервативному крылу? Не совсем понимаю, что Вы имеете в виду?

МОСКВИЧ (с назидательностью в голосе):

– Ну, это такие батюшки, которые вместе защищают чистоту традиции, борются против нововведений в богослужении, против экуменизма...

ПРОВИНЦИАЛ (слегка оправившись от конфуза):

– А нет у нас никаких крыльев. И экуменизма тоже нет. У нас в N народ простой: кто-то с кем-то дружит, кто-то – нет, а вот чтобы создавать крылья и бороться...

Надо сказать, что с каждым новым приездом в Россию я нахожу все больше и больше православных людей, говорящих и спорящих об экуменизме и обновленчестве. С прискорбием замечаешь, что дискуссия, бывшая прежде сугубо частной и богословской, из кулуаров, как говорится, «выплеснулась в массы». И хотя пока что преобладают отрицательные оценки, все-таки нужно задуматься, как оценить этот факт и с чем можно связать столь очевидный прогресс либеральной церковной идеи в России, ведь втягивание в спор рядовых верующих нельзя расценить иначе, как ее явный прогресс. Конечно, можно сослаться

на трудности времени, на оскудение веры, происки католиков и мирового масонства и т. п. – факторы, которые неизбежно склоняют чашу весов к дальнейшей секуляризации Церкви. Со многими подобными доводами невозможно не согласиться, ибо время ныне действительно трудное, но все же это не избавляет нас от необходимости здраво анализировать происходящее и видеть в нынешних проблемах не одни только происки темных сил, но и многочисленные собственные ошибки, тем более, что их, этих ошибок, приверженцами чистоты православной традиции за последние годы допущено, увы, более чем предостаточно.

Говорить об этом непросто. Необходима определенная смелость, чтобы рассуждать о судьбах Церкви Божией в мире, и еще большая смелость предавать свое мнение широкой огласке. Но еще сложнее – видеть и молчать, тем более, что многие события в Русской Церкви мне, как человеку, часто бывающему и на Западе, и в России, глубоко понятны в их тесной связи с тем, что происходит в последние десятилетия в религиозной жизни Европы.

Дерзаю приступить к этой теме еще и потому, что не буду касаться высокой церковной политики или апеллировать к конкретным именам и фактам церковной жизни России. Скажу лишь о том, что касается меня лично как рядовой православной христианки и человека, не чуждого общественной и церковной деятельности. <...>

Первое, что бросается в глаза при взгляде на экуменические и реформистские споры – это вопиющая замкнутость православных в России на самих себе, граничащая с самым настоящим провинциализмом. Наши внутривославные дискуссии зачастую происходят так, как будто всего остального мира не существует. Нельзя сказать, что спорящие стороны проявляют себя поверхностно и некомпетентно, скорее напротив – богословский и исторический аппарат, привлекаемый для аргументации своих позиций многими, весьма уважаемыми в Церкви людьми, очень серьезен, даже слишком глубок и серьезен. С богословско-научной точки зрения это делает честь его авторам, но невозможно свести все к одним только теоретическим дискуссиям, в которых с первых шагов вязнет и перестает что-либо понимать абсолютное большинство верующих. Мы вступаем в споры о богословских тонкостях и тем самым уже отдаем определенную дань прогрессистскому духу. Но ведь экуменизм это все же не чисто внутренняя проблема Русского Православия. Экуменическая идея в том и состоит, чтобы объединяться с кем-то извне. Так давайте прежде рассматривать именно эти внешние практические аспекты.

Для начала уясним, зачем объединять все на свете? Что это, простите, за интеграционный зуд? Чем практически может быть полезно

для православных экуменическое единство с католиками и протестантами? Что за ценности, в случае объединения, будет содержать в себе «общая копилка»? Именно с этих вопросов необходимо начинать любой разговор об экуменизме. Только на первый взгляд может казаться, будто объединение всего и вся знаменует собой некий безусловный прогресс. Да, действительно, в современном секулярном мире вещи представляются именно таким образом, но на то мы и христиане, чтобы беречь трезвость ума, оценивать все мирское с известной осторожностью и с особенной опаской подходить к тем идеям, которые мир силится внушить Церкви.

Так, в самом деле, зачем объединяться? Очевидно, затем, чтобы создать нечто новое и лучшее – в данном случае, некую новую, более совершенную Церковь, в которой всем христианам станет жить лучше, чем раньше. Никакого другого смысла в объединении найти невозможно. Интеграция необходима и положительна тогда, когда приносит благие плоды, и совершенно бессмысленна, если таковых плодов не приносит или приносит их в ущерб чему-либо или кому-либо. (Это условие, пожалуй, наиболее важное, очень важное, сходное по своему смыслу и значению со знаменитым гиппократовским «не навреди». Оно предостерегает от искушения духовными компромиссами и соглашательством.)

Рассмотрение экуменической проблемы еще более упрощается, перестает быть «темой для посвященных», будучи представленным в виде трех простых тем, которых мы и будем стараться придерживаться далее:

1. Кто те, с кем нам предлагают объединиться?
2. Чем они могут с нами поделиться?
3. Нуждаемся ли мы в том, чем они с нами могут поделиться?

Но, к сожалению, в наших дискуссиях эти вопросы чаще всего остаются как бы «за кадром». Весь сыр-бор происходит таким образом, будто нам предлагают объединиться не с реально существующими людьми, а с некими абстрактными, чуть ли не мифическими персонажами, о которых известно только то, что они «тоже христиане». В России нет почти никакой информации о том, каковы сегодня западные христианские конфессии. Но ведь если обратиться именно к этой стороне вопроса и подробнее рассмотреть события последних десятилетий в церковной жизни Запада, то для большинства интересующихся экуменической проблемой наверняка многое прояснится. Откроются очень интересные вещи, которые, я уверена, сегодня убеждают в несостоятельности прогрессистских фантазий куда лучше, чем самые глубокие теоретические аргументы.

Тот же подход применим и к обновленческим спорам. В вопросе о либеральных реформах Русское Православие также не является

первопроходцем. Российскими либералами сегодня не изобретается ничего нового, используется только старый протестантский и католический реформаторский багаж. Минуло уже несколько десятилетий с тех пор, как христиане на Западе объявили «движение навстречу современности» своей официальной доктриной. Известны и горькие плоды такого решения. А потому мы допускаем принципиальную ошибку, когда начинаем теоретизировать то, что хорошо известно из практики. Именно здесь скрыта ахиллесова пята российского обновленчества, и потому нам обязательно необходимо знать о практических сторонах западных реформ, так сказать, уметь «шагать в ногу со временем». Разумеется, это соответствие времени для нас должно иметь свой, отличный от либерального, смысл: православному необходимо быть современным прежде всего затем, чтобы четко сознавать, чему и как противостоять в борьбе за чистоту Православия.

Без этого совершенно невозможно поддерживать православную позицию на достаточно компетентном и аргументированном уровне. Необходимо, если можно так сказать, непрерывное «повышение квалификации» православной апологетики, ее корректировка с учетом происходящих перемен. К примеру, многие богословские аргументы, которые православные по старинке предъявляют католикам и протестантам в доказательство их неправоты, уже давно перестали иметь какое-либо значение. Они основаны на добротных, но, увы, полностью устаревших источниках и потому для всякого, кто знаком с современной ситуацией в католичестве и протестантизме, выглядят совершенно нелепо. Во многих случаях мы беремся полемизировать по несуществующим проблемам, учим по учебникам сравнительного богословия конца XIX – начала XX века, хотя тех, «хрестоматийных», протестантизма и католичества уже просто нет на свете. Необходимо осознать: попытка строить апологию по инерции непременно приводит в тупик, делает богословские споры похожими на войну с ветряными мельницами. Не замечать изменений и не меняться в подходах к защите своих позиций сегодня означает самим дать в руки господам либералам немалые козыри для критики традиционализма, истолкования на свой манер событий и процессов, которыми захвачен христианский Запад.

Какие же изменения произошли на Западе за последнее время? Еще 20 лет назад в богословских трудах де Любака, других католических богословов были полностью разгромлены догмат о непогрешимости Папы, филиокве и другие традиционные компоненты католического учения. (Отделение католиков формально произошло в XI веке после принятия Римом текста Символа веры, включавшего в себя «филиокве» – догмат

об исхождении Святого Духа, третьего лица Святой Троицы, как от Бога Отца, так и от Сына Божия. Впоследствии различия Православия и Католицизма еще более углубились вследствие принятия католиками ряда новых догматов: о непогрешимости Папы, о непорочном зачатии Девы Марии и др.)

Нельзя всерьез спорить и с учением Лютера, поскольку лютеранская церковь более не является его носителем. Да и вообще, что такое лютеранская церковь, не возьмется ответить сегодня никто. Все больше «дезертиров» уходит из нее. Кто примыкает к католикам, кто к новомодному харизматическому движению, во главу угла ставящему даже не личное благочестие, как у «классических» протестантов, но харизмы – «дары Святого Духа». Является ли человек подлинным учеником Христовым или нет, судится исключительно по его видимым харизмам.

Даже самые либеральные из православных имеют в виду под церковностью что-то гораздо более стройное и целостное, чем теперешние протестанты на Западе, где начисто отсутствуют иерархия, преемственность, общее учение, духовные авторитеты, на которые можно было бы хоть как-то ориентироваться простым верующим, какие-либо общепринятые нормы приходской жизни, наконец, общее понимание содержания и смысла богослужений – все это перестало быть нужным, перестало интересовать. Даже споров по этим вопросам нет. Вдумайтесь, ситуация, которая нас так беспокоит в России: консервативный и либеральный лагеря с борьбой между ними – даже это для них уже невозможно! Никого не волнует, как мыслит другой, что делается в соседней общине – это их дело, это их право жить и думать по-своему. Ну, конечно, есть определенные дискуссии среди богословов, но это, так сказать, профессиональные ценности и профессиональные споры. К реальной жизни они, как правило, непосредственного отношения не имеют. Во всяком случае, каждый протестант всегда может выбрать для себя то или иное течение или богословскую школу, с которой он более-менее согласен, и считать себя ее приверженцем, нимало не интересуясь другими течениями и школами и не смущаясь их отличиями и противоречиями. Каждый сам по себе, в свободном полете. Полное индивидуальное творчество.

Если знать обо всем этом, становится совершенно непонятным, с кем же мы, простите, ведем богословский диалог? С кем предполагается объединяться? С теми, кто не имеет единства между собой? Нелепость этой идеи очевидна. А коль так, давайте не будем вступать в прения по несуществующей проблеме. Давайте не будем увязать по уши в экуменистических спорах, ведя себя таким образом, будто, когда речь заходит об экуменизме, все одинаково понимают, о чем говорят. Если объединяться,

то уж решать задачи по порядку. Поначалу нужно дождаться объединения многочисленных протестантских деноминаций, выработки ими более-менее общих взглядов и целостного учения, далее приступить к устранению разделения между протестантами и католиками, а уже потом добратся и до более сложной проблемы – воссоединения восточного и западного христианства. Но ведь всякий понимает, насколько невыполнима эта задача. Начиная с эпохи Возрождения вся история христианства на Западе представляет собой поступательный и непрерывный распад церковности, продолжающийся уже несколько веков. Утраченное единство не вернуть никакими формальными решениями, никакими богословскими конференциями. Поэтому к реальному единomyслию никто даже не стремится, и вполне понятно почему: переделывать самих себя – занятие для современного общества скучное и безынтересное. Гораздо веселее заниматься совершенно иным – «создавать базу» для объединения с другими христианами. Сегодняшний мир интересуется только глобальными масштабами и глобальными проблемами. Ничем иным современный человек неспособен увлечься в принципе. В этом-то и состоит основной трюк экуменизма – не устранять разделение, а нивелировать любые различия как несущественные. Поэтому экуменизм давно перестал быть церковным делом, давно утратил свое религиозное звучание. Это чисто политическая конъюнктурная идея, давно вошедшая вместе с другими штампами, вроде «общеевропейского дома», «мира без войн и насилия», «общества равных свобод и возможностей» в разряд «общечеловеческих ценностей». Может показаться странным, но подлинно религиозный смысл экуменизму, пожалуй, придется только в России, в Православии, то есть там, где с ним официально борются.

Конечно, здесь не рассматривается деятельность суперэкуменистов, исповедующих по сути даже не христианство, а новую сверхрелигию, в которой все должно быть слито воедино, составлено общее богослужение и т. п. Назначение и важность этой «миссии» для ближайшего будущего не вызывает сомнений – идет подготовка к принятию единого всемирного антихристианского культа, и все же, говоря об экуменизме, мы вряд ли должны отождествлять с ним деятельность такого странного органа, как Всемирный Совет Церквей, поскольку даже у западных христиан его работа вызывает скептическую улыбку. На этот факт нужно обратить внимание как на серьезную ошибку нашей антиэкуменической пропаганды. Всемирный Совет Церквей – это ложная мишень. Было бы неверным сводить критику экуменизма к критике работы ВСЦ, о котором почему-то в России известно как о фламане экуменического движения. Если увлечься пересказом побасенок о симпатиях ВСЦ к сексуальным меньшинствам

и прочими жареными подробностями, можно проморгать по-настоящему важные события, посредством которых либеральные веяния действительно могут войти в нашу Церковь.

В западном мире ВСЦ не пользуется поддержкой ни у одной из крупных христианских деноминаций, и в этом необходимо отдавать себе отчет. Этот орган – приманка для тех, кто окончательно поверил в «христианство без границ», кто, называя себя христианином, вместе с тем вышел из рамок какой-либо церковной традиции. С течением времени работа ВСЦ принимает все более и более несерьезные формы. Появляются элементы самого неприкрытого синкретизма, ставящего христианство на одну ступеньку с исламом, иудаизмом и восточными религиями. На конгрессе в Канаде, к примеру, вообще творилось что-то неопишное. На «общей литургии» участников конференции плясали самые настоящие индейские шаманы с бубнами...

Западное общество все больше и больше оправдывает определение общества постхристианского, в сознании которого тесно переплетены и мирно сосуществуют элементы христианские, языческие и откровенно демонические. Этот мир, получив в свое время изрядную «инъекцию» христианства, теперь обладает абсолютно непробиваемым иммунитетом против всех его призывов и предостережений. Как удар колокола, как сигнал-предупреждение прозвучало для западных христиан решение местных властей Баварии запретить помещать Святой Крест в общественных заведениях. По мысли творцов нового закона крестное изображение должно быть изъято из употребления, поскольку «ущемляет свободу совести представителей иных вероисповеданий». Имеются свидетельства, что самое непосредственное отношение к принятию такого закона имели представители немецких теософских обществ.

«Нью-эйдж»¹ («новая эпоха») – это название синкретической секты, получающей в кругах западной интеллигенции все большее распространение, по-видимому, будет в полной мере определять лицо нового, XXI века. Третье тысячелетие отнюдь не будет безрелигиозным. Так могло показаться еще 40 – 50 лет назад, когда наука шагала семимильными шагами, а мечтателям грезилась межпланетные и межзвездные полеты, встречи с иными цивилизациями и т.п. Но в конце XX века, особенно после падения коммунистической мировой системы, материализм потерпел полное фиаско. Атеистическая идеология, полностью выполнив свое предназначение, – оторвать человечество от прежде сильной

¹ «Нью-эйдж» – с англ. «New Age» означает «Новый век», «Новое время» или, наиболее точно, «Новая эра». Современная религия, оккультное неоязыческое движение, возникшее во 2-й половине 60-х гг. в Калифорнии.

христианской традиции, – и сама на этот раз уходит со сцены. Ее место занимает вполне религиозная синкретическая смесь, обладающая сильной отрицательной мистикой, переворачивающая представления о мире с ног на голову, играющая на тонких струнах человеческой гордыни и наиболее сильных страстных влечений. Эта смена эпох заметна и по тому, как быстро переориентировались лавки, торговавшие в былые годы Марксом и Троцким, на продажу эзотерики и оккультной мистики, и по образчикам современной массовой культуры. Редкий фильм или книга теперь остаются полностью выдержанными в материалистическом духе. В большинстве случаев их авторы считают совершенно необходимым элементом своих творений некоторую дерущую по коже примесь потустороннего.

Некогда утраченная западным христианством церковная мистика в наши дни возрождается в совершенно диких формах, впрямую напоминающих оккультные практики и приемы. На весь мир известен феномен Торонто, где группа протестантских пасторов в присутствии толп народа проводит сеансы «принятия Духа Святого». Это действие даже с натяжкой не назовешь молитвенным собранием. Экзальтированные призывы ко Всевышнему, пассы со сцены, после которых в народе начинается массовый психоз: люди падают на землю, многие корчатся, издают нечленораздельные звуки, что выдается за говорение языками...

Все это я говорю для того, чтобы стал понятен очень важный момент: экуменизма как единого фронта, как общего движения попросту нет. Под экуменизмом в разных случаях понимают разные вещи, сильно зависящие от потребности дня и местной специфики.

Во Франции, к примеру, об экуменизме говорят только затем, чтобы показать, что религия – это дело прошлого и никакие религиозные принципы не должны мешать жизни общества. То есть экуменизм служит прикрытием дальнейшей секуляризации жизни. Франция – это одна из самых секуляризованных европейских стран, и отступление от веры в ней с каждым годом все усиливается. На воскресной мессе в знаменитом парижском соборе Нотр Дам – не более 12 – 15 прихожан. И это на весь огромный собор. От такого зрелища на глаза наворачиваются слезы...

В России экуменизм это, во-первых, меркантилизм, желание получить от Запада деньги и, во-вторых, знамя, под которым собираются все сторонники либеральных реформ. Здесь мы снова видим, как экуменизм становится служебным понятием, прикрывая собой иные цели, в данном случае реформаторские. Идея экуменизма, «всемирного христианского братства», используется как красивая ширма затем, чтобы облечь определенные замыслы неким положительным ореолом.

В Германии экуменизм означает стремление к преодолению барьеров, разделяющих нацию. После устранения границы между ФРГ и ГДР и восстановления единого германского государства немцы переживают небывалый патриотический подъем. Последствия второй мировой войны все же очень сильно сказывались на их национальном сознании. Достаточно сказать, что слово «фатерлянд» – «отечество» буквально до последнего времени было под запретом, и только сейчас вновь стало использоваться в официальных выступлениях, документах и прессе. Переживают возрождение традиционная немецкая культура, немецкая семья. На этой-то волне и возникает сильный соблазн избавиться еще от одного давнего разделения нации на католиков и лютеран. Германия – достаточно религиозная страна, особенно в сравнении с соседними Францией и Италией, а потому такое разделение достаточно чувствительно. И на объединение брошено очень много сил. Экуменизм в немецком контексте означает диалог между католичеством и протестантизмом, причем диалог скорее даже светский, чем богословский. Общество едва ли интересуется его духовным содержанием. Оно вполне удовлетворилось бы, если бы обе стороны объявили о компромиссном политическом решении: каждый человек волен посещать и католическую, и лютеранскую церковь по желанию, не отягощая себя постоянными обязательствами ни перед одной из них. Важно само решение, а не то, какой ценой оно достигнуто. Но очевидно, что такой компромисс не может произойти иначе, как за счет католиков. Он лишает их веры в Божию Матерь, почитания святых, понимания Евхаристии как Таинства и многих других составляющих церковного учения, отсутствующих в протестантизме. Поэтому католики не горят особым желанием объединяться. Для них экуменизм это всегда игра в одни ворота. Весь экуменический диалог в Германии сводится к тому, что католики протестантизируются. Это характерная особенность экуменического движения – низкий в нем всегда обгоняет высокого, а слабый побеждает сильного.

Но здесь совершенно необходимо сказать несколько слов и о католиках, поскольку может сложиться неверное представление, будто католичество – лишь невинная овечка, жертва коварного экуменического заговора. Это не так, ибо сегодня оно является одним из самых активных участников объединительного движения, и с каждым годом становится все более активным, поскольку стремительно либерализируется внутри себя. Собственно, того старого католичества, которое знакомо нам по учебникам сравнительного богословия и противокатолическим катехизисам, уже давно нет как такового. Вернее, остались какие-то отдельные признаки, исходя из которых можно отождествить современных католиков с като-

лической традицией – соблюдение иерархической подчиненности Риму, вера в Божию Матерь и т.п., но вместе с тем очень сильны нововведения, происшедшие в католической церкви за последние 30 лет. Время после II Ватиканского собора (1962 – 1965), на решения которого так любят ссылаться наши либералы и экуменисты (Собор объявил католичество открытым по отношению к другим конфессиям, снял ранее наложенные анафемы с других церквей, призвал к единству, осудил прозелитизм – стремление обратить в католичество христиан других конфессий, открыл дорогу либеральным реформам в церкви, разрешил богослужение на современных языках), – это отнюдь не время его расцвета и побед, но время лавинообразного вторжения в церковную жизнь мирского секулярного духа, разрушения целостности учения и утери католичеством своего прежнего мирового влияния.

Сегодня в либеральных церковных кругах России стало очень модным опираться на решения II Ватиканского собора в доказательство неизбежности тех изменений, которые якобы должна претерпевать церковная практика под влиянием современности (мол, пора наконец признать необходимость церковных реформ, поскольку весь остальной христианский мир это уже давно понял). Причем решения Собора рассматриваются сами по себе, вне связи с их последствиями. Что это – тонкое лукавство или непростительное незнание господами либералами современной ситуации в католической церкви? Ведь в действительности II Ватиканский собор послужил отправной точкой, началом очень сложных внутрицерковных процессов, в результате которых к концу XX века католичество сильно сдало свои позиции.

Да, Собор ставил перед собой самые благие цели, и этому событию в западном мире придавалось очень большое значение. По замыслу его организаторов, он должен был иметь особое эпохальное значение, сыграть роль переломного момента в истории христианства, свидетельствовать об открытости, любви, способности ответить на потребности современности и нужды общества. Но случилось обратное, произошло непоправимое – глубочайший надлом в церковном организме, после которого события стали развиваться практически безконтрольно. По сути, были сняты все тормоза на пути к широкой либерализации церкви. Это не только мое личное мнение, о том же мы говорили в беседе с кардиналом Ратцингером, «правой рукой» Папы по вопросам вероучения, готовившим основные документы к Собору. Из снисхождения на приходах разрешили определять состав богослужений по своему усмотрению – и длительность мессы стала постепенно сокращаться, на сегодня кое-где составляя 15 – 20 минут. Отменили обязательную Исповедь перед Причастием, надеясь тем

самым придать этим Таинствам самостоятельный смысл и усилить таким образом значение Таинства Покаяния, – и исповедь практически исчезла из приходской практики. Разрешили использовать за богослужением не только латынь, но и современные языки – и абсолютно понятные службы, читаемые на итальянском или немецком, почти совсем перестали посещаться прихожанами. Религия почти никого не интересует. В восточных областях Германии (на территории бывшей ГДР), к примеру, переданные Церкви здания кирх в срочном порядке переоборудуются и продаются под кафе и прочие увеселительные заведения, так как служить мессы в них попросту не для кого.

Исчезла мистика, таинственная сторона богослужения. Священники стали служить лицом к народу и спиной к алтарю по образу протестантских собраний, а не богослужений. Пост сократился до одного-двух дней в год – в страстную пятницу и субботу в монастырях разрешено вкушать мясо. Перед Причащением стало достаточным не принимать пищу всего в течение часа. Были утеряны целые страны и регионы с традиционно католическим вероисповеданием – Испания, Франция, Латинская Америка. Церковное строение, как дом с прохуdivшейся крышей, стало столь стремительно размываться и разрушаться, что под угрозой оказались самые основы веры – многие из епископов сегодня не разделяют основных догматов католической Церкви, в частности, открыто высказываясь против почитания Божией Матери. Существенно изменилась догматика. За последние 5 лет, к примеру, ни в одной из католических церквей мне вообще не пришлось слышать Символ веры с филиокве. Исходя из этого, легко впасть в ошибку и заключить, будто все препятствия для экуменического общения между православными и католиками сняты. Собственно, такой логики и придерживаются российские борцы за либеральную церковную идею: II Ватиканский собор снял все преграды для объединения церквей, и теперь можно обняться, расплакаться и сказать «Все, теперь мы братья!» Как будто до этого вся проблема заключалась только в том, что католики были несогласны принять нас, православных, в свое братское общение, а теперь, после того, как в Ватикане нам отпустили грехи и признали некоторые свои ошибки, оставаться в отчуждении нет никаких оснований, да и попросту становится нетактичным.

На Западе тоже стало очень популярным представлять дело подобным образом. Католический епископ с высокой трибуны во всеуслышание заявляет: «Православие меня обогатило», – и свободе его взглядов и мнений рукоплещет весь католический и половина православного мира. Вот ведь как представляются вещи современному либералу-прогрессисту. Был-де богат, а тут подвернулась возможность – стал еще богаче. Эдакая идиллия,

меланхолическая сказка в духе нашего прогрессивного века. Современному человеку страсть как хочется привнести хоть небольшую толику прогресса и в церковную жизнь. Но поверить этой сказке не представляется возможным, ибо сердце подсказывает: за последние десятилетия мы отнюдь не приблизились друг к другу, а напротив, стремительно разошлись к двум противоположным полюсам в понимании духовных вопросов. Многие католики и рады были бы остановить в своем стане это победное шествие «религиозной демократии», да поздно – целостность утрачена, и никакими новыми решениями никаких новых соборов ситуации не поправишь. Всякому, кто воочию видел трагические последствия католических реформ – оскудение веры, разрушение церковных устоев, распад целостного мировоззрения, совершенно понятно, что отмена спорных догматов – это вовсе не запоздалое раскаяние и тем более не великодушная жертва во имя христианского единства, как это часто трактуется проповедниками экуменизма и обновленчества в России и на Западе. Это лишь одно из апостасийных проявлений, знак все большего скатывания к гуманистической личине «уважения взглядов других людей», которое пытается, конечно, не смирением и любовью Христовой, но происходит от религиозной индифферентности и духовного примитивизма.

Противоречий между православными и католиками отнюдь не становится меньше. По ходу дальнейшей либерализации католичества возникает множество новых, усугубляющих разрыв обстоятельств, никем не «запротоколированных» и не отраженных в официальной догматике. И эти вновь возникшие противоречия гораздо опаснее, чем официально закреплённые, так как они скрыты. Они незаметны на богословских конференциях и собеседованиях, но полностью определяют весь строй и дух церковной жизни на реальном, повседневном, практическом уровне. Так что брататься с католиками после II Ватиканского собора, как это ни парадоксально звучит, стало куда труднее, чем в те времена, когда они принципиально отрицали Православие и считали нас еретиками.

Стояние в истине и отступление от нее сегодня лучше всего познается по живому инстинкту. Павел Евдокимов, православный писатель, живший в Париже, хорошо писал об этом сложном комплексе проявлений человеческого духа как о православном инстинкте. О схожести или расхождении в вере мы судим по тому, как человек дышит, как поет, как он любит, как он молится, как он кается, как он плачет. Неверные догматы католичества никогда не были изначальным злом, с которым надлежало бороться. Они – лишь печать, формальное свидетельство вторжения в церковное сознание лукавого духа, которое произошло гораздо раньше. Если нацеливаться на неверные догматы и бороться именно с ними,

тогда, в самом деле, становится непонятным, что препятствует церковному общению с католиками сегодня. Но действие духа лжи гораздо тоньше и шире. Оно не ограничивается принятием ошибочных догматических определений, оно выражается в изменении всего комплекса проявлений, относящихся к духовному инстинкту верующих.

Многие простые православные и католики вообще неспособны богословствовать, они не смогут достаточно подробно объяснить отличия одного вероучения от другого. Тем не менее, различия в их вере есть. Они объективно присутствуют в их жизни. Это отличия в видении окружающего мира, в понимании сути своих отношений с Богом, в подходах к решению духовного. Характерной особенностью западного религиозного сознания всегда было слишком буквальное, юридическое толкование духовных вопросов, доставшееся в наследство еще от римского права. Эта черта отнюдь не исчезла из католического сознания и сейчас, после отмены противоречащих православному учению догматов. Более того, в условиях современного западного общества она все усиливается. Обмирщение сознания простого западного обывателя просто катастрофично. Оно заметно хотя бы уже по тому, с каким трудом приходится объяснять людям на Западе самые простые духовные понятия. Выступая с лекциями перед западной аудиторией, я постоянно останавливаюсь, чтобы растолковать значение таких, казалось бы, прописных истин, как «благодать», «смирение», «послушание». Тем более непонятны и загадочны для современного западного человека такие понятия, как «умиление» и «дерзновение». Люди не понимают их значение, ибо их сердце никогда не испытывало подобных чувств. Об умилении как особенно светлом, возвышенном и смиренном состоянии человеческого сердца, испытывающего невероятную любовь к Богу и сострадание к людям, в течение нескольких часов приходится рассказывать какими-то окольными путями. На одни только такие объяснения может понадобиться целая лекция. Что же касается «дерзновения», то для Запада это вещь вообще из категории абсурдных. Как объясняется дерзновение? Как смелость, основанная на смирении. Но для Запада смелость – антитеза смирению. Творчество – антитеза послушанию. Творчество понимается обязательно как какой-то бунтарский порыв, ничем не ограниченное самовыражение. Поэтому в Церкви на Западе практически не встретишь ярких творческих людей. Это неписаное правило: если человек умный и творческий, то обязательно неверующий, а если верующий, то обязательно простоватый и необразованный. Так получилось, что культура сама ушла из Церкви. Безо всяких государственных декретов об отделении от религии она оказалась вне Церкви. Если понятие «культура» рассматривать как производное от «культы», можно

сказать, что культура на Западе попросту прекратила свое существование. Все новое можно назвать культурой только с большой натяжкой, а то, что европейские народы могли бы наследовать от своей старой культурной традиции, давным-давно вкривь и вкось изъезжено и перепахано цивилизацией, сумевшей даже самые выдающиеся произведения превратить в пошлые и скучные экранизации.

В идейном отношении вообще творится что-то неопишное – какая-то высшая форма анархии. Даже нигилистические настроения сегодня большая редкость. Нигилизм выглядит чем-то умильно-наивным на фоне чудовищного цинизма – очередной и, похоже, последней ступени в мировоззренческой эволюции (а точнее, деградации) человечества. Нигилист хотя бы в чем-то принципиален и последователен, – он возводит в разряд ценностей собственный принцип отрицания всего на свете, – цинизм же представляет собой полнейшее разложение, расчленение мира на бессмысленные составляющие и предполагает полное отсутствие всякого устремления и любых идеалов. Многие на Западе говорят: сейчас мы живем, после смерти ничего уже произойти не может. Действительно, стабильность и комфорт повседневной жизни настолько заполонили собой все, что не оставили малейшего места для чего-то духовного или даже просто душевного. Все привыкли устраивать свои дела самостоятельно и очень собою довольны. Опираясь на свой денежный капитал, каждый человек чувствует себя защищенным и значительным. Однажды во Франции телевидение решило провести опрос на тему «Надеетесь ли вы после смерти оказаться в раю – или же в аду?» Все до единого с легкостью и даже некоторым удивлением ответили: «Конечно, в раю, какие могут быть сомнения?!»

Видеть все это очень тяжело. Благодарю Бога за то, что Россия не погрязла в этом обывательском благополучии, что все в ней непредсказуемо и динамично, все заставляет русского человека вновь и вновь молиться, не уповая на одни только собственные силы. Наверно поэтому в храмах России так легко и светло плачется. На богослужениях не знаешь, куда смотреть: на лики или на лица молящихся. Сегодня Россия идет путем страдания, и это, как ни удивительно, вселяет надежду. По крайней мере, в ближайшие годы ей не грозит то тотальное мещанство, которое превратило немцев в нацию телезрителей, а французов – в посетителей ресторанов.

Разница между Россией и Западом видна во всем. Слава Богу, наша Церковь жива. Слава Богу, ее проповедь проникает в сердца самых разных людей. Слава Богу, в ней находят приют и утешение творческие, талантливые люди. Слава Богу, продолжает жить и развиваться духовная

культура. Не случайно о русской литературе на Западе часто говорят как о средоточии чистоты и света. Однажды в Португалии мне пришлось встречаться с кардиналом Корецом. По происхождению он словак, и при коммунистическом режиме в Чехословакии ему пришлось долго сидеть в тюрьме. Так вот, когда он оттуда вышел, то был буквально поражен происшедшими переменами. Все люди вокруг читали какие-то забойные боевики, эротические романы, оккультную чернуху. Первое, что он сделал после своего освобождения, – запретил прихожанам читать что-либо мирское, за исключением русской литературы... Что в такой ситуации скажешь о возможности единения России и Запада «на основе взаимного уважения взглядов»? Станут ли духовные инстинкты католиков и православных автоматически похожими только из-за того, что католическим собором пересмотрено несколько богословских формулировок? Нет, духовная жизнь – это все же полнота жизни, а не какое-то усеченное, описанное тремя-четырьмя формулами состояние. Общность во Христе дается не произвольно, но Духом Святым. Здесь не помогут ни Соборы, ни конференции и собеседования. Здесь личная задача, обращенная к каждому человеку, которая известна в православной аскетике как «духовное трезвение» – обретение истинного смысла вещей, духовного видения мира, отгнание прочь от себя лукавого секулярного духа, и все это не может быть достигнуто иначе, как через перемену сознания, через покаяние (русское «покаяние» и есть аналог греческому «метанойя» – перемена сознания).

Но вот что примечательно, – слово «покаяние» начисто отсутствует в экуменическом лексиконе. Зато во множестве присутствуют другие сомнительные замены – «примирение», «прощение», «взаимное уважение» и пр. Своеобразным слоганом экуменического движения стало знаменитое ватиканское «простите нас, как мы простили вас».

Спору нет, прощать обидчикам есть наш святой долг, заповеданный Самим Спасителем, но в человеческих ли обидах дело? Почти два десятка лет я прожила, по большей части, на Западе. И если за это время кто-то и причинил мне вольную или невольную обиду, то связывать ее с католическими или протестантскими убеждениями обидчика даже на ум не придет. Уверена, что для абсолютного большинства православных в России тем более нет никаких оснований таить обиду на иноверцев. А если нет личной обиды, о каком прощении можно говорить? За что извиняться и что извинять?

Нельзя всерьез говорить и о какой-то генетически передаваемой злобе, обиде за давние религиозные войны и притеснения. Если допустить такую мысль, то гораздо сильнее эта генетическая ненависть проявлялась бы в национальном чувстве русских по отношению к недавним агрессорам

– немцам. Но ведь этого нет! Русские и немцы способны прекрасно понимать друг друга. Более того, среди всех европейских неславянских наций немецкий народ к русскому наиболее близок.

Нет, дело здесь совершенно в другом. В вопросе о взаимном прощении мы имеем дело с типичным идеологическим приемом – подменой понятий. Это ведь так просто – сыграть на высоких чувствах и направить благие устремления в нужное русло. Десятки и сотни тысяч людей после этого станут грезить о Церкви без границ и с неутомимой энергией трудиться над претворением этой идеи в жизнь. Причем трудиться не за страх, а за совесть, думая при этом, что борются за истинно христианские идеалы – примирение враждующих. Всякому ведь известно: «Блаженны миротворцы!»

Но давайте спросим любого из православных в России, держит ли он зло на далеких католиков? Да чем они ему досадили? Если и есть в нас зло на кого, так это на начальника по работе, жену, детей или, наконец, на незнакомца, который в троллейбусе отдал нам ногу. С них-то и начнем свое всепрощение, а там, примирившись с родными и близкими, соседями и коллегами, в порядке очереди, глядишь, доберемся и до католиков с протестантами. А то ведь Римского Папу простить всегда проще, чем соседа по коммунальной квартире.

И потом. Что делать с остальными? Ведь за пределами «общехристианского братства» все равно останутся какие-то люди. Иудеи, магометане, буддисты, индуисты. Как же быть с ними? Осуждать или не осуждать? Обижаться за разность во мнениях или не обижаться?

Пожалуй, для прощения нехристиан со временем придется применить подобный же прием – расширить свои взгляды на Бога и способы поклонения Ему до того, чтобы и здесь достичь необходимого плюрализма. Иначе не сдержимся и непременно осудим.

Дальше – больше! Наверняка придется изобрести какие-то гуманные объяснения тому, почему некоторые люди (их немало число в нашем окружении) относятся к вере в Бога прохладно или даже безразлично. Что делать в этом случае? Вероятно, объявить какие-либо видимые формы почитания Творца необязательными и слиться с безбожниками в окончательном и безповоротном экстазе.

Но ведь для христианина осуждение ближнего – это скорее внутренняя духовная, чем внешняя социальная проблема. А не то обязательно окажется, что блуда можно избежать, если стереть все физиологические различия между полами, а страсти скупости, сребролюбия и воровства могут быть излечены только через упразднение частной собственности. Однако последнее, как говорится, мы в России уже проходили.

Пусть не покажутся эти мои рассуждения чрезмерным утрированием проблемы. Для Запада это реальность. По крайней мере, в серьезной (если можно ее таковой назвать) католической печати взаправду обсуждается «новый, открытый взгляд на нехристианские исповедания», а в протестантской среде бурное развитие переживают новые течения наподобие «богословия после Освенцима», фактически признающего равенство двух Заветов – Ветхого и Нового и, соответственно, христианства и иудаизма в силу их близости к одному и тому же Богу.

Налицо явная подмена, которая, слава Богу, пока еще видна нам, православным в России, и, увы, абсолютно незаметна в секулярном западном мире. Так уж повелось сегодня, что любому, даже такому сугубо личному вопросу, как религиозные убеждения, непременно придается широкое общественно-политическое звучание. Примета нашего века – мышление идеологическими штампами, абстрактными идеями, далекими от реальной жизни. Человека заставляют не обращать внимание на вред той или иной идеи для собственной души, а вместо этого думать, что бы сделать великого для всего мира. Убеждают, что осуждение ближнего, превозношение над ним, тщеславие своими добродетелями, зависть чужим успехам и прочие внутренние язвы отнюдь не являются чем-то существенным, с чем нужно бороться, а, напротив, все силы должны быть отданы внешней социальной активности, для большей убедительности прикрытой христианским антуражем. При этом даже создается видимость самоотверженности, жертвования личным ради общественного: «Да как ты смеешь думать о своей душе, о своем спасении, когда в мире столько вражды, зла и несправедливости!» Похожую жертву сегодня призывают принести и православных. Но что пользы человеку, если бы даже он целый мир приобрел, а душе своей повредил (см. Мф. 16, 26)?

Современный западный человек совершенно безоружен против идей мира сего. Странное дело, он не доверяет Церкви, ее опыту, преданию, традиции, но абсолютно доверчив по отношению к любым своим внутренним движениям. И это при том, что внутренние критерии утеряны, а настоящего духовного внешнего руководства нет. Ни одна из конфессий не сохранила до сего дня практического опыта, подобного православному старчеству и духовничеству. Так что же нам объединять? Общие грехи?

Нужно сказать, этот призыв – отдать свои души на алтарь «всемирного христианского братства» – в России пока особого отклика не находит. Разъединенность с баптистами и католиками пока еще, слава Богу, для нас не есть самая существенная духовная проблема. Собственные грехи и страсти для православного куда более реальны, а прогресс представляется не обобщенно-социально, но в личном практическом смысле –

в покаянном движении вглубь своей души. На этом-то языке покаяния, языке истинно православных духовных ценностей мы и должны говорить обо всех встречающихся нам явлениях.

Язык покаяния один только может предупредить нас и от впадения в противоположную крайность – заносчивость и снобизм по одному факту принадлежности к России и Православию. Не дай Господь кому-либо из читателей воспринять все вышеизложенное так, будто все православные как-то по-особенному духовно благополучны, будто они автоматически лучше всех остальных только из-за того, что православны. Конечно, для человека в современном мире быть православным – это определенный шанс, но, как всякая потенциальная возможность, и этот шанс может остаться неиспользованным.

Говоря о бесполезности и надуманности экуменической теории, я стремилась указать на нечто совсем иное: хотя у каждого нормального православного человека духовных проблем (а вернее, духовных задач) предостаточно, все же странно было бы списать их на Церковь и вероучение. Скорее, каждый их отнесет на свой собственный счет. Хотелось бы предостеречь читателя и еще от одного ложного вывода, будто весь Запад так плох, что не заслуживает никакого внимания, будто нам в России абсолютно нечего позаимствовать, абсолютно нечему поучиться. Разумеется, есть определенный опыт, определенные человеческие качества, которые православным было бы не грех перенять: аккуратность, рачительность, умение решать практические вопросы. В сфере, обычно именуемой «социальным церковным служением» католики и протестанты также преуспели куда больше, чем мы. Однако сказать, что ради этого стоит переделывать православное учение, богослужение, идти на компромиссы, соединять несоединимое, было бы слишком – в Православии не существует никаких догматических преград, запрещающих брать с инославных любые положительные примеры. Нелепо оправдывать экуменическую возню гуманитарными и благотворительными целями, ибо помогать друг другу, обмениваться практическим опытом можно и безо всяких дополнительных формальностей, безо всякого экуменизма.

К моему величайшему сожалению, в России случается встречать и другую позицию – крайний скептицизм относительно всего, что связано с инославным миром. Критикуются, в частности, характерные для западной христианской традиции деятельные способы проявления милосердия. Что ж, спору нет, увлечение внешним в ущерб внутреннему очень опасно, но нет никакой нужды и в том, чтобы воспитывать в православных сугубое отрицание всего окружающего мира. Православный едва ли

что потеряет, узнав подробнее о жизни матери Терезы. Испытания и ошибки, безусловно, могли встречаться и на ее пути, но нужно признать, что большинство из нас бесконечно далеки от внутреннего опыта и состояния души этого человека, всю свою жизнь отдавшего служению ближним. Большинству из нас, увы, свойственно противоположное – безразличие и холодность к человеческому страданию. Так что важнее было бы будить в людях сочувствие, чем внушать им идеологически стерильные, но, увы, никем лично не пережитые и не прочувствованные оценки. Для меня самым сильным впечатлением от виденного на Западе был и остается призыв матери Терезы, прозвучавший с трибуны конгресса в Стокгольме: «Я умоляю вас во имя Христа, не убивайте своих детей, не делайте аборт!!! Просто родите и отдайте их мне!»

Ведь это не только предостережение от детоубийства – это христианское обличение, которое несет в себе заряд огромной духовно-нравственной силы, пронизывающий душу до самой глубины. Это христианский вызов, который открыто брошен в лицо всему огромному обезбоженному миру одной маленькой тщедушной женщиной. А сколь нуждается в подобном призыве-обличении наша Россия...

Может быть, это покажется странным, но, говоря о духовной мертвости Запада и уникальности живого православного опыта, обязательно нужно иметь в виду, что в конструктивных отношениях с Западом в первую очередь заинтересованы именно православные. Почему? Да потому, что хоть мы и живы, но отнюдь не без грехов и болезней. Правда, живого человека все же можно лечить, живой человек интересуется своим здоровьем. Поэтому, если не обольщаться своей особенной крепостью, то, видя нынешнее состояние Запада, можно предугадать и те болезни, которыми в недалеком будущем предстоит болеть России.

Логика происходящего в мире такова, что все отрицательные социальные явления, с которыми сталкиваются верующие на Западе, через 5 – 10 лет обязательно выявляются и в российском обществе. Так что несомненную ценность для нас могут иметь не только «богословские разведывательные рейды» в стан «предполагаемого духовного противника», но и совместная практическая работа по проблемам, которые со всей очевидностью ставит перед христианством современный мир. Как на одну из важнейших современных проблем западного мира можно указать на т. н. аутизм – замкнутость человека на себя и индифферентность к окружающей жизни, возникающие под влиянием цивилизации. Это действительно серьезная психологическая и духовная проблема. Это какие-то врожденные, патологические уныние и самодостаточность. Мутации становятся заметны даже на физиологическом уровне – атрофи-

руются чувства: человек не ощущает оттенков вкуса пищи, не обращает внимание на запахи, слух перестает отмечать звуки – таким образом тело реагирует на чужеродность всего образа жизни. И так с самого младенчества. Детские врачи и психологи на Западе бьют тревогу по поводу все более частых случаев аутизма у новорожденных детей – ребенок не имеет интереса к жизни, он отказывается сосать грудь, он не чувствует прикосновения матери, он не радуется при ее появлении и ласке.

Аутизм – лишь одна из целого ряда тем, которыми вплотную занимаются верующие на Западе. Накоплен колоссальный багаж знаний и практического опыта, который наверняка может пригодиться и нам в России. И очень жаль, что во многих случаях мы, демонстративно занимая «строго православную позицию», отворачиваемся от этого опыта и предпочитаем идти своими собственными окольными путями и изобретать свой собственный «православный» велосипед.

Яркой иллюстрацией последствий такой разобщенности может послужить другой пример – разворачиваемая ныне в России кампания против «сексуального воспитания» детей в общеобразовательной школе. Нужно отдать должное: реальность появления подобного предмета в школьных учебных программах подвигла многих православных к деятельному участию в мероприятиях протеста. Но как неповоротлива и медлительна эта махина, как прямолинейны и безыскусны порой ее действия! Масса времени ушла просто на сбор необходимого материала и формулировку позиции! И это при том, что только в Германии по данной проблематике в свет выпущены десятки религиозных изданий и публикаций, а выдающиеся западные психологи и педагоги, такие как, к примеру, католичка Криста Мевес, обладают огромным фактологическим материалом и опытом противодействия сексуальному просвещению в немецкой школе. Они искренне готовы помочь русским, поработать вместе с православными и для православных, но, увы, подобные возможности редко кого интересуют в России.

Неверно думать, будто каждый православный, выезжающий за рубеж для такой работы, тут же прельщается и становится агентом мирового масонства и экуменизма. На Западе нам действительно есть чего бояться (впрочем, как и в России, ведь соблазнов теперь и здесь предостаточно), но не стоит тешить себя иллюзиями, что если будем держаться подальше от Запада, то авось за семью замками и отсидимся. Такая тактика едва ли способна сегодня привести к положительным итогам. Характерной чертой современности является сплетенность между собой всех ее явлений. Из России никогда не удастся сделать одного общего монастыря, эдакого православного аналога Королевства Бутан, хотя такая идея, возможно,

и выглядит привлекательной. Удалиться в затвор – дело совершенно невозможное сегодня ни в физическом, ни, тем более, в информационном смысле, хотя бы потому, что в своем светском, политическом и экономическом развитии Россия пытается идти по стопам Запада. Ныне не удастся ни отсидеться, ни отмолчаться, а потому, говоря об опасности экуменизма и обновленчества, ни в коем случае нельзя превращать эти понятия в идеологические штампы, нельзя наклеивать ярлык «реформаторства и либерализма» на все без исключения.

Я не дерзаю оценивать необходимость и плодотворность «межконфессиональных отношений на высшем уровне», но на уровне простых человеческих проблем и интересов такие взаимоотношения, как правило, носят очень деятельный и осмысленный характер, дают обеим сторонам видимые благие плоды. Безусловно, должно помнить и о той догматической грани, которая делает невозможным наше церковное общение, но нельзя распространять эту грань на выражение человеческих чувств, на взаимопомощь, на обмен людей своими жизненными открытиями. Иначе придется дойти до того, чтобы объявить либералом и экуменистом всякого, кто поддерживает добрые отношения со своими инакомыслящими родными и близкими.

Такая путаница – типичное следствие борьбы с экуменизмом и обновленчеством в России с помощью политических агитационных мер, которые, увы, за последние годы получили очень широкое распространение. И здесь очень важный момент, на который мне хотелось бы обратить особое внимание. С либерализмом категорически нельзя бороться политически. Нельзя противостоять секулярному духу секулярными же политическими мерами. Этому можно противостоять только духовно. Модернизм опасен не только своими прямыми последствиями – внушением неверного образа мыслей. Лукавый стремится отторгнуть человека от Богообщения всеми возможными способами. А потому коварство ситуации состоит еще и в том, что запутаться в сетях экуменизма и «обновленного православия» возможно не только поддавшись на либеральную уловку, но и поступая прямо противоположным образом – истово борясь против них, полагая все силы на споры и разоблачения.

Для нас было бы непростительной ошибкой позволить либерализму укрепиться в качестве абстрактной политической идеи и в России, как это уже произошло на Западе. Не стоит обольщаться тем, что сегодня «общественное мнение» большинства православных расположено не в пользу реформаторства – политизация по самой своей сути глубоко чужда церковной жизни. Особенно же беспокоит начавшаяся внутри Церкви идеологическая война с использованием «тяжелой

артиллерии» – средств массовой информации. Сценарий развития событий в церковной жизни России пугающе напоминает западный вариант. С одной стороны, удивляться тут нечему – Церковь не изолирована от мира и рано или поздно идейные противники обязательно обратились бы к газетам, телевидению и радио как рупорам своих взглядов. Но, с другой стороны, становится по-особенному обидно, когда защитники традиции берутся одолеть врага – лукавого, используя его же оружие. Иначе не расценить появляющиеся на страницах консервативной церковной печати сатирические фельетоны (к другому жанру их просто не отнести), в пух и прах разносящие либералов, склоняющие конкретные имена из числа высшего церковного священноначалия? После такой шумихи бывает очень трудно доказать кому-либо на Западе, что широко известные там фигуры российских церковных реформаторов в нормальной православной среде не обладают никаким влиянием, а большинству рядовых верующих просто неизвестны. Стоит большого труда объяснить, что реальная жизнь в Русском Православии пока еще, слава Богу, далеко отстоит от всех политических споров, а духовным авторитетом заслуженно пользуются совершенно иные, незаметные в политическом отношении, люди.

Политике свойственна калейдоскопичность, она уводит человека от реальности в коллекционирование чужих мнений и фактов. Каков основной принцип политики? Мы должны быть «в курсе», мы должны знать обо всем! Вне всякой зависимости от того, касается это нашей практической жизни или нет. Этот принцип заложен в основу любой политики, будь она светской или церковной. Законы и бюджеты, конституции и инструкции обсуждаются всеми: в Парламентах, правительствах, в печати, на телевидении, на кухнях и в пивных, но едва ли кто из обсуждающих возьмется ответить, как изменится его жизнь, прими или не прими мы ту или иную поправку к закону или стань Петр Петрович пятым заместителем премьер-министра. В последнее время в среде православных, к сожалению, приходится наблюдать практически то же. Родились и окрепли политические фракции и группировки, устоялись симпатии и антипатии, составились досье, разразились самые настоящие бульварные скандалы. И, что самое скверное, все это вызывает общий неподдельный интерес. Помимо врага духовного, возник образ врага политического. Лично досадить он мало кому успел, а большинство его вообще в глаза не видело, но нужно прочно затвердить, что это действительно враг. Так сказать, на всякий пожарный случай. Иначе, придет время, обольстятся. Вот и не сходят с газетных страниц и книжных полок творения в духе «не ходите, дети, в Африку гулять...»

О чем радеют их авторы? Кого оберегают от возможных соблазнов? Кому адресуют свои ругательные опусы? Уж конечно, не тем в Церкви, кто живет полнокровной духовной жизнью, сердцем познал смысл духовнического руководства, навык в покаянии и молитве. Таких не нужно оберегать политически. Им не страшны либеральные приманки – для них это попросту неинтересно. Такие, пожалуй, хотя бы и никаких идеологически-воспитательных статей не читали, увидев вживую пресловутых обновленцев и экуменистов, не искусятся и не стушуются.

Нет, церковная политика настораживает именно этой своей чертой – направленностью в основном на неопитов. Именно их сегодня пытаются вооружить знанием (а не верою) об опасностях обновленчества и экуменизма. Но как же это оружие ими используется потом? Не умеющему с ним обойтись, оно способно принести один только вред. Почему? Да потому, что в вопросах веры очень трудно действовать методами отрицания и исключения. Вера это все-таки ВЕРА, это у-веренность, это до-верие, это нечто положительное, а не отрицательное, а потому «запропагандированному» человеку, воспитанному не на реальном духовном опыте, а по газетам, крайне сложно стать глубоко верующим человеком.

Увы, за несколько последних лет даже успела создаться видимость некой церковности и допустимости происходящего. Не правда ли, соблазнительно: светскую прессу верующему читать не рекомендуется (опасно для духовной жизни), а церковную газету, по накалу страстей мало чем отличающуюся от какого-нибудь «Московского комсомольца» – пожалуй-ста! При этом ты не согрешаешь, а даже наоборот, решаешь духовные задачи – повышаешь свою политграмотность. Не важно, что этих идейных недругов в глаза никогда не видел – ненависть к ним жива и неуклонно растет с каждым новым номером любимой газеты.

Возникло ощущение необычайной серьезности политических баталий. Издаются книги, собираются подписи под воззваниями и декларациями, созываются конференции, смакующие подробности обновленческой деятельности, организуются богословские дискуссии, ставящие диагноз церковному либерализму с позиций святоотеческого учения, правил Вселенских Соборов и т.п. Но ведь такая тактика уже сама по себе является первой существенной ошибкой! Тем самым овеществляется сам предмет споров. Хотим мы этого или нет, но самая резкая критика обновленчества и экуменизма со временем приводит к обратному эффекту: мало-помалу сознание верующих приучается к мысли, что копь вокруг модернистских идей так много шума – значит в современной церковной жизни они действительно неизбежны и значимы. Разумеется, была бы ошибочной и противополож-

ная позиция – сторониться обсуждения вопросов церковной жизни, но нужно учитывать, что нынешний либеральный реформизм – это не «классическая» ересь времен Вселенских Соборов и даже не «протестантизм восточного обряда», как зачастую пытаются его неверно определить. Будет очень большой ошибкой, если мы, исходя из внешнего сходства, объявим нынешнее модернистское течение в Православии частным случаем протестантского сектантства и станем бороться с ним похожими на борьбу с протестантизмом способами. Действительно, общепринятым на Западе стал сегодня либеральный взгляд на христианство, и в особенности этот взгляд распространен среди протестантов. Но все же нужно понимать, что модернизм имеет иную суть, он есть явление, абсолютно чужеродное любой из христианской традиций. Его можно сравнить со СПИДом. На первых порах этот вирус прикидывается «своим», постепенно точит церковный организм изнутри, а под конец приводит к полной потере духовного иммунитета от любых теорий и новшеств.

Пора осознать, что под либеральными лозунгами скрывается совершенно особый противник – псевдохристианская секулярная модель, апостасийная пародия на Церковь и учение, а следовательно, и тактика противодействия этому противнику должна настолько же отличаться от привычной, насколько позиционное противостояние двух регулярных армий отличается от борьбы с партизанами.

Когда мы отождествляем с модернизмом какую-либо из известных доселе богословских систем, это означает, что мы очень далеки от понимания его истинной природы. Здесь все гораздо серьезнее: модернизм есть псевдосистема, псевдомировоззрение, порожаемое мощным секулярным духом современности. Секуляризация же сознания в том и состоит, что в голове человека может одновременно присутствовать масса абсолютно несовместных понятий, и политика, привнесенная внутрь церковной ограды, служит мощным катализатором секулярных процессов, той питательной средой, в которой обмирщение сознания верующих происходит особенно быстро.

Таким образом, основной парадокс современной ситуации в Русском Православии заключается в том, что обе воюющие группировки, преследуя, казалось бы, совершенно различные цели, по сути дела, льют воду на одну мельницу, согласно добиваясь общего результата: в Русской Церкви постепенно складывается новая общность – особый слой людей, так сказать, «люмпен-верующих», которые занимаются не столько делом спасения своей души, сколько коллекционированием посторонних мнений и фактов. В церковную среду насильно вносятся

чуждые ей политические идеи, верующих искусственно приучают мыслить далекими от их реальной жизни категориями.

Не нужно объяснять, кому на руку такой сценарий развития событий и какой конечный результат будет иметь эта «политико-воспитательная работа». Как в социальном, так и в духовном смысле люмпены всегда были носителями наиболее конъюнктурных, близоруких идей, опорой всего самого революционного. На мой взгляд, самое опасное из того, что происходит в нашей Церкви сегодня – это не происки экуменистов и даже не протестантские порядки, внедряемые на своих приходах горсткой экспериментаторов, но постепенное оскудение веры в среде простых верующих, воцарение в сердцах людей мирских взглядов, мирского духа. Если эта «ползучая» секулярная революция в Церкви произойдет, либерализации Православия уже не сможет помешать ничто.

Детальное пережевывание экуменической и обновленческой темы имеет и еще одно печальное следствие. Сами того не желая, мы плодим и разносим по свету соблазны. Вспомним: пересказывание деталей греха всегда строго воспрещалось святыми отцами даже на исповеди. Почему? Да потому, что в душе всегда находятся струнки, симпатизирующие греху и вздрагивающие при его напоминании. Ничего не поделать, таково наше немощное существо!

Что же скажем в этой связи об обновленчестве и экуменизме? Трудно сыскать заразу в духовном отношении более опасную для современно-го обывателя. Что привлекает людей в либерализме? Либерализм гуманен. Он стремится изменить Церковь так, чтобы любой мог свободно войти в нее, ничего в себе не меняя. Войти – и даже того не заметить. Это ведь очень привлекательно: оказаться в числе «избранных Богом» и живущих «духовной жизнью» (не чета другим) безо всякой внутренней ломки, без умирания ветхого человека и рождения нового, без мук пробуждающейся совести.

Таким образом, в основе обновленчества и экуменизма без труда обнаруживается ничто иное, как маловерие, гордыня и сластолюбие, а это настолько сильные и заразительные страсти, что не будет удивительным, если под их влиянием соблазны и недоумения возникнут даже в тех душах, где их не было раньше.

Представьте себе, к примеру, антирекламу порнографии, для вящей убедительности обильно приправленную наглядными пособиями – образчиками порнопродукции. Какое впечатление на душу произведет эта «критика»? Ответ очевиден. Та же ситуация и с церковным либерализмом. Раскрывать все секреты экуменической и обновленческой кухни – занятие в духовном смысле весьма сомнительное. Тем не менее мы раз

за разом попадаемся на эту удочку, вынося на общий суд те вещи и суждения, которые, по слову апостола Павла, не должны даже именоваться среди христиан.

До боли обидно бывает видеть ответную реакцию поборников «чистоты Православия» на очередное сумасбродство кого-либо из либералов. Складывается впечатление, будто последние полностью сроднились с ролью бульварных знаменитостей и окончательно решили поступать от противного – создавать вокруг себя скандалы и действовать на нервы своим противникам, испытывая от этого злорадное удовольствие. Традиционалисты же, увы, пока не находят ничего лучшего, как подбирать брошенную перчатку и, предоставляя право выбора оружия своим оппонентам, как-то вяло и обреченно следовать за ними к месту новой дуэли. Пожалуй, если завтра или послезавтра две-три известные своими чудачествами персоны, сидя за чашкой чая, решат созвать какой-нибудь «Всероссийский собор либерального духовенства», консерваторы уделят этому частному начинанию столько внимания, что превратят его в по-настоящему масштабное и значительное событие.

Повторюсь еще раз, необходимость контраргументации и разъяснительной работы по проблемам экуменизма и обновленчества сегодня отрицать невозможно. Должна существовать церковная пресса, должны быть межконфессиональные контакты, должна быть современная по форме православная проповедь. Дело совсем в другом. Мы объявляем священную войну за традицию, но при этом, похоже, постоянно путаем вещи местами: не традиция нуждается в нас, но мы нуждаемся в традиции. Не мы призваны хранить Православие, а Православие – нас. Чтобы православная традиция оставалась живой, за нее надо бороться не внешним образом – ею просто нужно учиться жить.

Вспомним ситуацию с обновленчеством 1920-х. Церковь в крайне тяжелом положении. Гонения большевиков, внутренний раскол. Кажется, нет никаких возможностей для управления положением, противодействия самозванному Высшему Церковному управлению. Не то чтобы с помощью средств массовой информации нельзя ни о чем известить верующих – сообщение с Патриархом и между архиереями отсутствует. Любые попытки связаться с епархиями пресекаются властями. Обновленцам удаются, казалось бы, беспрецедентные махинации и аферы. Но вот удивительное дело! Темный, малограмотный, абсолютно неосведомленный «о сути момента» церковный народ в самый решительный момент отказывается идти за раскольниками! Люди чувствуют подмену. Чувствуют ее в духе, ибо сердце, приученное к стоянию в истине, различает то, что не под силу различить уму. А каково было бы оказаться в подобных

условиях иным из нынешних православных, убеждения которых, как некий дайджест, составлены «по материалам печати»? Может ли послужить этот словесный хлам надежным основанием той глубокой и искренней веры, твердость стояния в которой нам, возможно, предстоит проверить уже в самом ближайшем будущем? Сможем ли распознать грядущие духовные соблазны, если копили, по большей части, политический капитал?

В том, что все наиболее важное в Церкви зависит не от политических интриг и баталий, можно убедиться из примера последних лет. Буквально у нас на глазах произошло настоящее чудо – Православие в России не просто возродилось, но возродилось именно в традиционных, консервативных формах – с неизменной богослужебной практикой, с довольно жестким отношением к экуменизму, с твердым святоотеческим фундаментом, с постепенным налаживанием нормальной общинной жизни. Все это может показаться вещами само собой разумеющимися, но в действительности это не так. Русскую Церковь «лихорадило» с конца XIX века; затем – памятный всем обновленческий раскол, противоречия с эмиграцией и физическое подавление властями любого идейного несогласия в пределах России; наконец, 50 – 80-е годы – это тоже период очень противоречивых процессов в отношениях с государством и внутри самой Церкви. Все рациональные (политические) предпосылки скорее склоняли ситуацию к тому, чтобы, возродившись, Русское Православие представляло собой нечто гораздо более либеральное, чем мы видим ныне. Но ведь все случилось по-иному! Без дебатов, без обличительства, безо всякой агитации большинство новообращенных, которых никто не ориентировал политически, утвердилось именно на консервативной позиции, восторжествовали именно традиционные взгляды! Церковь очень разрослась – не десятки, а сотни новых приходов по всей стране с молодыми пастырями во главе. Такое развитие вполне могло происходить иначе, вдохновляться другими, более «прогрессивными» лозунгами и идеями. Более того, на фоне горбачевской «перестройки»¹ – явления, по своей сути, более чем

¹ Думается, феномен «Перестройки» очень серьезен и нуждается в отдельном подробном осмыслении. Духовное значение этой «тайны беззакония» глобально и простирается гораздо далее государственных и экономических реформ в Советском Союзе и других соцстранах. Она обозначила наступление целой эпохи для всего человечества. За десять лет у нас в России азарт всего «перво-перестроечного» как-то уже подзабылся, но, удивительное дело, на Западе и сегодня эта идеология продолжает привлекать пристальное внимание. Отставной президент Михаил Горбачев продолжает очень активную деятельность, слывет «самым любимым человеком в мире» и регулярно приглашается для участия в самых значительных политических и общественных мероприятиях. Во время вручения в Германии очередной премии им было заявлено следующее (не ручаюсь сейчас за дословную передачу, но общий смысл был таков): «Опыт Перестройки, столь удачно примененный в России, необходимо распространить и на весь мир». Особого внимания, анализа и оценки заслуживает нынешняя духовная ориентация Михаила Сергеевича – его

либерального, модернистский вариант развития выглядел бы более логичным. Постсоветское общество все эти годы катилось в абсолютно противоположном направлении – по пути «гуманизма и прогресса», – и лавина эта была настолько мощной, что могла запросто похоронить под собой любые проявления консервативного мышления в России.

Почему же случилось так, что большинство из нас вопреки «прогрессу» предпочло консервативную православную позицию? Когда я пытаюсь размышлять над этим, то не нахожу никаких иных объяснений, кроме мистических. На этом примере становится видной воочию та грань в таинственном церковном организме, которая отделяет в нем все политическое от промыслительного. Это область, где сильнее и действеннее любых политических аргументов оказывается кровь сотен тысяч мучеников, от подвига которых мы отделены тонким временным слоем всего в два-три поколения. Мученичество же не бывает ни либеральным, ни прогрессивным. Оно всегда радикально и традиционно, оно само есть высочайшее выражение приверженности христианской традиции. Мы возродились на крови дедов и прадедов, и в России попросту нет иных духовных корней, кроме этих невидимых кровных уз. Здесь никогда не было того анонимного, аморфного христианства, которое заносят к нам заморские ветры. Здесь даже сам воздух пронизан страданием и... праздником. Да, да, праздником, ибо праздник возможен лишь там, где живо страдание. Поэтому для Запада, даже для религиозного Запада, переживание праздника стало делом совершенно недоступным, в России же люди, встречаясь друг с другом в храме, здороваются: «С праздником вас!» – и это простое и милое «с праздником!» служит здесь основой очень многому.

Именно в праздничности и драматизме Православия заключены те две великие стихии, которые влекут человека в Церковь, делают его религиозную жизнь, его труд над собой, его страдания – осмысленными. И как жаль бывает, когда в реальной жизни православная проповедь и православная катехизическая беседа выглядят несродно этому жизнеутверждающему, жизнепреобразующему настрою! Приходится признать: зачастую мы не только не раскрываем перед людьми глубины этой драмы и этой радости, но даже поступаем противоположным образом – задушиваем. Вероятно, это делается в расчете, чтобы человек, испугавшись предупреждений: «Не ходи в мормоны, не ходи в баптисты, не ходи в католики, не ходи в обновленцы», – повертелся-повертелся на месте,

откровенные симпатии к оккультизму и неоязычеству. На недавно состоявшемся в США крупнейшем конгрессе «Нью-эйдж» он играл одну из самых заметных ролей. По-видимому, «Нью-эйдж» и другие подобные движения представляются ему в роли наиболее надежных союзников в грядущей «Всемирной Перестройке». – *Примеч. автора.*

да от безысходности и пришел бы в православный храм. Но возможно ли из такой проповеди почерпнуть что-либо положительное? Удастся ли человеку составить какое-то представление о сути самого Православия? Станет ли православная вера его искренним убеждением? Маловероятно. На деле с ним может произойти совершенно обратное: в храм такой человек, вполне возможно, придет, но лишь затем, чтобы стать (по образу и подобию своих учителей-наставников) «образцово-показательным» ругателем всего и вся, записаться в политически верный лагерь и начать поносить на чем свет стоит «врагов истинного Православия».

Может случиться и нечто похуже. Человек вообще откажется кому-либо верить («между собой, мол, сперва разберитесь»), либо, при определенных обстоятельствах, попадет в мормонскую, католическую, иеговистскую, баптистскую, обновленческую или какую другую общину, встретит там мило улыбающихся и дружно проводящих время людей и внезапно поймет, что все слышанное о них от православных как-то не очень соответствует видимой действительности, после чего воодушевится и станет образцовым сектантом, навсегда сохранив при этом воспоминание о Православной Церкви как о сообществе людей темных, забытых и недовольных всем окружающим миром.

Такова оборотная сторона политического, пропагандистского подхода. Таковы печальные плоды увлечения идеологией в противовес благовестию. А что следовало бы вместо этого делать и как понимать православное благовестие? Отнюдь не только как евангельскую весть – это досужий протестантский стереотип. Для православного человека благовестие значительно шире – это еще и весть о том, что Христос пребывает в нашей Церкви, что Церковь на протяжении уже двух тысячелетий живет и действует, что сонмы святых и праведников уже прошли тем спасительным путем, которым ныне идем мы, живущие на Земле православные христиане. Об этом-то более всего нужно говорить сегодня, и нам действительно есть о чем рассказывать людям как в России, так и на Западе. Это особенно ясно понимаешь вдали от Родины, общаясь с людьми за рубежом. В России сегодня мы лишены многих «благ цивилизации», но вместо всего этого у нас есть одно великое, хотя и не вполне нами осознаваемое благо, – родиться и жить в православной стране. Более того, не просто в православной стране, но стране самого страдающего Православия, самого драматичного Православия на свете. Не случайно именно Россия подарила миру два совершенно особых типа святых – страстотерпцев и юродивых. Ни в Греции, ни в какой другой православной стране страстотерпцев никогда не было и нет, а вот на Руси самыми первыми святыми становятся страстотерпцы князя

Борис и Глеб, весь подвиг которых в том, чтобы со смирением принять все, даже смерть от руки убийцы.

На этой земле мы имеем возможность быть православными совершенно естественно. Для того, чтобы ощутить свою внутреннюю причастность к традиции, достаточно просто быть собой, тогда как для западного человека этот путь всегда мучителен. Вероятно поэтому западное Православие представляет собой нечто совершенно иное, не похожее на Православие в России. На всей его жизни как будто лежит отпечаток тягостной борьбы, в нем скрыта какая-то неизбежная ностальгичность, и временами я остро ощущаю, к чему эта ностальгия относится. Это тоска по той самой естественности, тоска по великой Православной Родине – отражению Отечества Небесного в видимом нам материальном мире, словом, по всему тому, что мы в России имеем даром.

Главнейший аргумент в пользу Русского Православия сегодня – само существование Православия в России в тех формах, которые уже давно нигде в мире немислимы. Его сила и действенность видна людям невооруженным глазом. Нам нужно только не скрыть, не утаить от ближнего это сокровище, а об остальном позаботится Бог. Если перед человеком раскрыть глубину и богатство русской духовности – это сделает его причастным традиции не по политическим мотивам, но по велению души, по внутренним сердечным побуждениям.

Представьте себе, они (верующие на Западе) слушают рассказы о духовничестве и старчестве, как дети, затаив дыхание. Для них это что-то невероятное, какое-то живое чудо. Не случайно слово «старец» в числе многих других русских слов безо всякого перевода вошло в большинство европейских языков как символ духовной мудрости и святости жизни. Завершается лекция – начинаются вопросы, так же по-детски наивные: «Татьяна, а у вас есть духовник? А что можно сделать, чтобы и у нас на Западе были старцы?» А ведь это говорят взрослые, солидные люди!

В 1995 году на всемирном психотерапевтическом конгрессе GWATT под Базелем (это такой очень представительный форум, проводящийся раз в 8 лет), мне даже довелось выступить перед огромной аудиторией лучших умов в этой области с докладом... о старчестве. Конгресс был посвящен проблеме «Наука и интуиция» и открывался этим докладом. По сути, это признание полного тупика, в который зашел западный мир во всех отношениях – и в научном, и в нравственном, и в духовном.

Не все на Западе ощущают этот тупик, но все-таки есть люди, ищущие выхода. В этом своем поиске они довольно часто обращаются к опыту Православия. Многие католики в ужасе от того, что произошло с католической церковью. Они буквально на глазах лишились глубины духовной

жизни, они не доверяют своим священникам. Каждый раз, когда мне приходится приезжать в Россию, я привожу с собою десятки писем, адресованных православным батюшкам. Люди описывают всю свою жизнь, вспоминают все свои грехи, начиная с детства, просят советов, молитв. Многие, хотя никогда и не бывали в России, испытывают невероятно трепетные чувства к нам и к нашей стране. Говорю «невероятно», ибо мне даже после стольких лет жизни на Западе едва ли удалось в той же мере полюбить Германию или Францию.

Конечно, интерес к Православию на Западе нельзя назвать массовым явлением – по-настоящему массовыми там являются два занятия: зарабатывание денег и потребление удовольствий, но все же в среде верующих интерес к Православию довольно значителен. Случается, что некоторые из них даже пытаются молиться Иисусовой молитвой. Разумеется, без духовного руководства, без налаженной приходской жизни это оказывается трудным. Переводят и читают древних отцов, абсолютным бестселлером, после Библии, стали «Откровенные рассказы странника...» На немецком языке мне доводилось встречать такие творения святых отцов, о которых в России никто понятия не имеет, поскольку они на русский попросту не переведены. (Немецкий вариант «Добротолубия», к примеру, содержит около двадцати пухлых томов.)

Придет ли после этого на ум идея «сблизить» православное богослужение с протестантским? Или, напротив, замкнуться в своей «православности» так, как будто ее вот-вот украдут? Когда думаешь, какие чувства довелось бы испытать, изменись (не дай Бог, конечно) Православие на западный манер, первое, что приходит в голову – это жгучий стыд за небереженную святыню, стыд перед тысячами тех немцев, французов, англичан, итальянцев, которым хотя бы немного удалось почувствовать красоту нашей веры, которые обращались к России в своих самых сокровенных надеждах. «Зачем? Зачем не сохранили, не сберегли? Зачем угасили этот живой огонек?»

Ни у кого из этих людей нет мысли обращать нас в свою веру, доказывать свою правоту, строить коварные планы по развалу Православия. Им уже не во что нас обращать – потеряно все. Они просто ждут, чтобы им рассказали о России, о нашей Церкви. Для современного Запада это явление поистине загадочное и уникальное. Когда это видишь, всегда благодаришь Господа, что Он удостоил нас такого поразительного богатства, света такой невероятной силы, который виден даже за тысячи верст.

И в этом я вижу еще одну и очень важную причину, по которой Православие сегодня должно быть открытым миру. Мы должны свидетельствовать Истину. В наши дни мы просто не имеем права не сви-

детельствовать. Для многих наших современников православное свидетельство – это единственный шанс для нравственного и духовного пробуждения. И дело не в том, чтобы принимать на себя какие-то великие миссионерские задачи, бросаться всем проповедовать, организовывать крестовые походы и обращать Запад в Православие – дело вовсе не в политике и пропаганде.

Не оттолкнуть! Не пожалеть хотя бы малой частички тепла для тех, кто его ищет и нуждается в нем. Суметь донести до сердца ближнего свою веру, свои убеждения, свой небольшой опыт.

Для того, чтобы человеку воспрянуть от чувства тоски и безысходности, стряхнуть с себя уныние, воскресить в себе лучшее, не нужно многого. Ему бывает достаточно просто увидеть, что есть на Земле кто-то другой, кто ищет Божиего, что Сила Божия не отступила от нас, но действительно проявляется даже в наши тяжелые времена, что существует такая Церковь, которая сохраняет целостное христианское видение мира, в которой духовность не заслонена политикой, которая не бросает свою паству на произвол судьбы, а, как заботливая мать, ведет своих чад ко спасению.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Когда работа над материалом уже завершилась, внимание привлёк опубликованный в «Православной беседе» материал под названием «Верны своей вере». В редакцию православного журнала пишет русский католик-традиционалист (так он именует себя сам), приверженец линии известного католического архиепископа Марселя Лефевра (†1991), который отверг все нововведения II Ватиканского собора и основал священническое братство св. Пия X. Католики, входящие в это движение, по-прежнему совершают богослужение по старому обряду, ими осуждается экуменическая направленность действий Ватикана. Сегодня в братстве состоят четыре епископа и более трехсот священников, братство имеет немалое влияние в Европе, особенно в традиционно мыслящих кругах монашествующих.

Дмитрий Пучкин, автор письма, приводит многочисленные факты, характеризующие нынешнее состояние католичества, предупреждает православных о надвигающейся на Россию опасности церковного либерализма. Выступая с позиции здравого консерватизма, он находит множество подтверждений тому, что старая церковная католическая традиция хотя и отрицает возможность каких-либо компромиссов с иными конфессиями, сегодня оказывается куда ближе к позиции православных, чем «открытый», «дружественный ко всем христианам» и до конца реформированный католицизм.

Многие мысли, высказываемые им в своей работе, удивительно созвучны тому, о чем с такой тревогой и болью говорит Татьяна Михайловна Горичева. Прислушаемся: «Пожалуй, самым пагубным деянием собора была богослужебная реформа 1969 года. Служба была не просто сокращена, а именно переделана так, чтобы больше походила на протестантскую. В частности, реже поминаются небесные силы и святые, почти нет упоминания о жертвенном характере Евхаристии, сокращено число крестных знамений, поклонов и коленопреклонений, на Страстную Пятницу священник надевает не черное литургическое облачение, а красное – так же, как это принято у англикан. [...]».

Новая месса чаще всего служит на народном языке вместо латыни (следует заметить, что практика Православных Церквей, равно как и практика традиционно настроенных униатов, использующих древние языки (церковнославянский, древнегреческий), ближе к практике католиков-традиционалистов, служащих по-латыни, чем к практике католиков-обновленцев и протестантов, использующих современные языки).

Отметим, что многие священники-модернисты грубо нарушают даже обновленческие литургические нормы: на их мессах поют псевдорелигиозные песни под гитару в поп- и рок-ритмах, из многих храмов выдворены старинные статуи и иконы и т.п. Польский журналист, католик-обновленец Чеслав Рыщка пишет, что, попав в католический храм в Голландии, поляк усомнился было, в церковь ли он пришел, настолько служба совсем ни на что не похожа: «...приветствие члена общины, общая песня об узниках и рабах, подведение итогов недельной деятельности общины, размышления на тему “Что мы можем сделать” (проповедь?), песня о мире и перерыв, во время которого миряне собирают пожертвования, присутствующие переговариваются друг с другом, порой дымят сигарой...» Както один французский священник служил на пляже мессу для экологов, приехавших на атолл Муруроа протестовать против ядерных испытаний. Он был одет (слово «облачен» здесь явно неуместно) в шорты и короткий прислужнический стихарик. [...]

II Ватиканский собор одобрил экуменизм, то есть такое понимание стремления к христианскому единству, которое рассматривает различные по догматике вероисповедания как равноправное партнерство по диалогу, вводя таким образом равноправие истины и заблуждения. Декрет об экуменизме утверждает, будто инославные церкви «не лишены значения и ценности в тайне спасения», а их обряды «способны открыть доступ к общению во спасении». Участие в экуменическом движении пытаются навязать всем католикам как каноническую обязанность. О нехристианских религиях Декларация об отношении к ним кощунственно утверждает,

будто церковь «не отвергает ничего из того, что истинно (!) и свято (!!!) в этих религиях». Так в организованном Ватиканом в Ассизи межрелигиозном молении о мире во всем мире 27 октября 1986 года присутствовали заодно с анимистами, мусульманами, буддистами христиане всех исповеданий (в молении участвовал бывший тогда митрополитом Филарет (Денисенко), ныне отлученный от Церкви Архиерейским Собором 1997 года). Католический храм был предоставлен во временное пользование буддистам, и на престол они поставили статую Будды! [...]

А уготовавляли все эти безобразия в 50 – 60-е годы безобидными, на первый взгляд, призывами к незначительному сокращению службы и приближению ее к народу. Думается, что если православные церковные власти не примут строгие меры по отношению к тем, кто выступает за какие-либо литургические новшества, то с православным богослужением будет то же, что и с католическим, – какой-нибудь вариант «1969 г.» (наверное, более лукавый, с длинным умеренно-переходным периодом).

Нелишне напомнить, что «аджорнаменто», то есть приноравливание церкви к сегодняшнему дню, готовилось постепенно, говорилось, будто все те же традиционные христианские идеи можно и нужно изложить «новым языком», понятным «современному человеку», а поскольку понятие «язык» трактовалось очень широко, то с помощью сего троянского коня внедрялись и новые идеи. Во вспомогательных богословских дисциплинах (истории Церкви, библеистике) стало модным выдвигать гипотезы спорного характера (такое-то сказание из житий святых – легенда, такое-то место из Писаний – вставка), чем психологически готовили к ревизии догматики. [...]

«Позволю себе в заключение сказать православным читателям: “Берегитесь экуменизма и модернизма во всех формах и видах!” Я, конечно же, как католик, занимаю принципиальную позицию по всем вопросам, в которых Православная Церковь не согласна с Римско-Католической [Филио-кве, Непорочное Зачатие Девы Марии, – *прим. ред.-сост.*], но модернизм – наихудшее зло, синтез всех ересей [...]

Татьяна Михайловна Горичева – христианский писатель, философ и общественный деятель – родилась в 1947 году в Ленинграде, училась на философском факультете ЛГУ. Автор более 10 книг, переведенных на 30 европейских и азиатских языков.

МОЛИТВА В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Есть еще люди Божии, люди молитвы, и Добрый Бог терпит нас... Эти люди молитвы оставляют нам надежду¹.

Преподобный Паисий Святогорец

Сегодня много – и справедливо – говорят об упадке религиозного сознания и угасании молитвенного бдения. «Человек современный» не просто не умеет, он *не хочет* молиться – вот беда! Впрочем, глубокие и проникновенные умы еще сто лет назад замечали эту зарождающуюся тенденцию. К. Н. Леонтьев (1831 – 1891) писал: «отчего государственно-религиозное падение Рима, при всех ужасах Колизея, царевбийств, самоубийств и при утонченно-сатанинском половом разврате, имело в себе, однако, так много неотразимой поэзии, а современное демократическое разложение Европы так некрасиво, сухо, прозаично? <...> Бог – это *свет*, и духовный, и вещественный; свет чистейший и неизобразимый... Есть и ложный свет, обманчивый. Это свет демонов, существ, Богом же созданных, но уклонившихся, как известно. Классический мир и во время падения своего поклонялся хотя и ложному свету языческих божеств, но *все-таки свету*... А современная Европа даже и демонов не знает. Ее жизнь даже и ложным светом не освещается»². Остается лишь добавить, что сегодня уже нужно говорить об этих явлениях не только в католико-протестантской Европе, но и в православной России.

Бог являлся для наших пращуров альфой и омегой их существования. А правоверие, личное и общественное благочестие считались безусловными основами нормальной жизни каждого человека и всего общества в целом. Византийский император св. Феодосий II (408 – 450) писал в одном из своих посланий: «Всем известно, что состояние нашего государства и все человеческое утверждается и поддерживается благочестием к Богу. Когда благоволит верховный Судия, то все дела текут и направляются счастливо и по нашему желанию. Итак, получив

А. М. Величко родился 22. 04. 1963 г. в Таганроге. В 1990 г. окончил юридический факультет Ленинградского госуниверситета. С 1999 г. профессор Санкт-Петербургского университета МВД России. Доктор юридических наук. Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции РФ 2 класса. Автор свыше семидесяти работ по византологии и церковному праву.

¹ *Преподобный Паисий Святогорец*. Слова. В 6 т. Т. 2. Салоники-Москва, 2007. С. 22.

² *Леонтьев К. О* Владимире Соловьеве и эстетике жизни. М., 1912. С.37 – 38.

по божественному промыслению царство, мы должны прилагать величайшую заботливость о благочестии и благоповедении наших подданных, чтобы и истинная вера и наше государство сияли искреннею ревностью о высшем благе и полным благочестием»¹.

На протяжении двух тысячелетий после пришествия Христа императоры и короли *публично*, а не стесняясь, как сегодня, заявляли себя защитниками христианской веры, вторгались в вопросы верования и утверждали догматы своими законами. В своей 59-й новелле святой император Юстиниан Великий (527 – 565) торжественно заявил: «Мы убеждены в том, что наша единственная надежда на прочность Империи под нашим правлением зависит от милости Божией, ибо мы знаем, что эта надежда есть источник безопасности души и надежности управления»².

Интересно, что на протяжении многих столетий святоотеческая литература касалась почти исключительно вопроса о природе Бога. «Вопрос... состоял не в том, чтобы установить, есть Бог или нет, – бытие Божие было данностью едва ли не для каждого человека, будь то христианин или язычник. Умы целых поколений будоражило скорее желание понять, *как Он есть*»³.

Девушки и юноши высшего света считали вожделенным благом монашеское служение и заполняли собой многочисленные обители. Достаточно вспомнить, из отпрысков *каких* семей формировался знаменитый монастырь в Клуни и какова его заслуга в деле восстановления христианского благочестия на Западе. Именно благодаря жертвенным аристократическим аскетам католическая вера была спасена в эпоху Реформации. Тогда наследники самых громких фамилий Испании, Франции, Германии, Италии не брезговали помогать больным и бедным

Алексей Михайлович Величко

¹ *Послание блаженной памяти самодержца Феодосия к почтеннейшему Диоскору, епископу Александрийскому // Деяния Вселенских Соборов. В 4 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 68.*

² *Геростергиос Астериос. Юстиниан Великий – император и святой. М., 2013. С. 136.*

³ *Иоанн (Зизиулас), митрополит. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. С. 9 – 10.*

в лечебных учреждениях, чем в немалой степени предрешили успех контрреформации¹. Воевать и погибать за веру до недавнего времени было делом чести и подвига.

Более того, как нетрудно заметить, вопросы сугубо политические в современном понимании в прошлую эпоху зачастую являлись производными от вопросов вероучительных. Ф. М. Достоевский (1821 – 1881) верно (в целом) заметил: «ни один народ еще не устраивался на началах науки и разума<...> Цель всего движения народного, во всяком народе и во всякий период его бытия, есть единственно лишь искание Бога... и вера в Него как в единого истинного. *Бог есть синтетическая личность всего народа* [выделено автором] <...> Всякий народ до тех только пор и народ, пока имеет своего Бога..., а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения; пока верует в то, что своим Богом победит и изгонит из мира всех остальных богов. Так веровали все с начала веков»².

Сегодня мы нередко скептически относимся к вере своих предков. Однако в массе своей неграмотные, не умеющие читать и писать, видевшие церковные книги и Евангелие лишь на аналое в храме, они *умели молиться*, были убеждены, что день без молитвы прожит зря. Они знали, что нынешняя жизнь – всего лишь скорый этап предуготовления к жизни вечной. Что значение имеет не титул или объем потребляемых человеком материальных благ, и даже не справедливость как таковая, поскольку на земле она всегда условна и относительна, а соотносимость собственных поступков человека с Божией правдой. И потому, как могли, шептали слова молитвенных прошений к Богу, от Него ждали помощи в решении своих житейских вопросов и разрешения от бед. Каждый день наших предков начинался с молитвы, в которой они просили у Создателя благодетей и защиты, молитвою же завершался день. Смиранный и движимый крепкой верой, идя со своим крестом вслед Христу, подражая Ему, человек минувших веков создавал Христианскую цивилизацию, плодами которой мы пользуемся и сегодня (пока, по крайней мере).

Почему же все так кардинально изменилось? Отчего сегодня человек превратился в *животное*, не только не ищущее Бога, но и забывшее Его? Ответ очевиден: потому что теперь «богом» человек хочет видеть самого себя – и Бог ему не нужен. Человека уже не занимают доказательства

¹ Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Общество иезуитов. М., 2011. С.60, 62, 88.

² Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 т. Т. 7. Ленинград, 1990. С.238.

бытия Божиего, а только *наука о себе самом*. «Уважение к “личностной идентичности”, – пишет известный современный богослов, – кажется одним из наиболее значимых идеалов нашего времени. Современный гуманизм в попытке подменить христианство кругом идей, касающихся так или иначе достоинства человека, надежно изолировал представление о личности от богословия, тесно связав его с идеей автономной морали»¹. Иными словами, личность человека выводят из внешних законов природы, и ни к какой религии эти псевдонаучные теории отношения не имеют.

С этим суждением трудно не согласиться. Наверное, никогда ранее таким пышным цветом не расцветали всевозможные *светские* учения о человеке, никогда он столь трепетно и нежно не относился к себе. Впрочем, даже не к себе, а к собственным чувствам, физиологическим проявлениям организма и даже к его отправлениям. Сегодня все, что касается нас самих прямо или косвенно, – выносится на первый план.

Наш предок знал, что его социальный статус, богатство, здоровье – все это *дано ему* Богом и должно служить общественному и личному благу. «Человек современный», конечно, не таков. Он – *«self-made man»*, «человек, сделавший себя сам», а потому заботится исключительно о самом себе и собственных интересах.

По-видимому, не будет серьезным преувеличением сказать, что в значительной степени мы имеем комбинированную, целенаправленную и многопрофильную атаку на христианство, длящуюся уже не одно столетие. Безусловно, могильщикам Церкви пришлось проделать тяжелую и изнурительную работу, чтобы низвести сына Бога² до уровня животного потребителя. Но, увы, за короткое время одна за другой пали такие твердыни, как идея христианской имперской государственности, монархическая форма правления, иерархическое общество.

На протяжении последних 50 – 60 лет выдающиеся деятели мировой культуры прикладывали титанические усилия для того, чтобы представить христианство в самом негативном свете. Фильмы, книги, публичные скабрёзности в отношении священства и высмеивание его «отсталости», приписываемая ему продажность, хитрость и т.п. стали привычной картиной, формирующей общественное сознание и его оценку. Ограничение церковного обучения в школах, акцент на «свободе совести», которая, якобы, не приемлет никакого религиозного ригоризма, также сыграли свою роль в деле искоренения христианства из общественной среды.

¹ Иоанн (Зизиулас), митрополит. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. С. 21.

² См.: Мф. 5, 45; Лк. 6, 35; Мф. 5, 9; Рим. 9, 26.

Проблема молитвенного регресса имеет свои корни также в духовном и социальном состоянии Церкви, которая, как и весь мир, полна многими нестроениями. *Да, врата адовы не одолеют ее* (Мф. 16, 18), но на земле безгрешных нет. И обетование Спасителя еще не означает, что Церковь земная в части организации и характеристик своих членов свободна от тех пороков, в которых увязло современное ей общество.

Даже в эпоху великих гонений, когда по римским законам сама принадлежность человека к Церкви являлась уголовным преступлением и каралась смертью и безчестием, современники описывали вполне «свободные» нравы. Святой Киприан Карфагенский (III в.; † 16 сентября) оставил послания, в которых, несмотря на свой мягкий нрав и величайшую терпимость к недостаткам других, рисовал картины привязанности паствы к земным благам, непокорства христиан своим пастырям, братания с язычниками и т.п. Более того, по его словам, многие пресвитеры сами были чужды благочестия, а диаконы – честности. Некоторые епископы также пренебрегали своими обязанностями ради мирских должностей и, забывая единственно о собственном обогащении, отдавали предпочтение ростовщичеству и финансовым операциям¹ на глазах умирающих от голода мирян-бедняков.

Если так было *тогда*, то что мы можем требовать от человека нынешнего времени, когда, по словам преподобного Паисия Святогорца († 29 июня), диаволу и трудиться не приходится: достаточно лишь «благословить» современного человека на зло и отойти в сторону, дабы не мешать ему это зло творить? «Раньше диавол занимался людьми, а сейчас он ими не занимается. Он выводит их на свою дорогу и напутствует: “Ну, ни пуха ни пера!” А люди сами бредут по этой дороге»².

Раньше человек оказывался в органичном окружении социальных, политических, правовых, религиозных институтов, созданных Церковью и благословленных Богом. Сегодня «человек веры» одинок и изолирован, чужой для этой жизни, он ненавидим и гоним. Когда разрушаются внешние барьеры, когда «последний удерживающий» уже почти *взят от среды* (2 Фес. 2, 6 – 7), когда Церковь в очередной раз пытаются стереть с лица земли, тем более актуальным становится вопрос: *как* каждый из нас, христиан, может остановить личный апокалиптический процесс?

Тенденция забвения молитвы страшна, конечно, не тем, что христианин нарушает какой-то формальный обряд. Она свидетельствует, в первую очередь, о том, что человек (как ему кажется) более *не имеет*

¹ Дюшен Л., аббат. История Древней Церкви. В 2 т. Т. 1. М., 1912. С. 268, 269.

² Преподобный Паисий Святогорец. Слова. В 6 т. Т. 1. Салоники-Москва, 2007. С. 47.

потребности в общении с Богом. Ведь, как известно, именно молитва является самой непосредственной и сокровенной формой богообщения. Так и рвется наружу простая мысль: если человек ни разу в жизни не благодарил Бога за оказанное ему Им благодеяние, можно лишь посочувствовать такому несчастному. Он либо поистине забыт Богом, что совершенно невозможно, поскольку Господь никого не оставляет Своим вниманием, либо являет собой пример крайней неблагодарности и какой-то культивируемой тупости человека, абсолютно сконцентрированного на самом себе. Разумеется, Бог ему «ненужен». И совершенно справедливо замечание, что, перестав молиться, мы *перестали быть христианами*, поскольку «только в молитве христианин является самим собой»¹.

Это, пожалуй, *главная* мысль, на которой хотелось бы остановить внимание. Борьбу с цунами богоборчества сегодня нередко пытаются найти в ярких, но необременительных, а уже потому беспомощных формах. Широкое паломничество, благотворительная деятельность, социальная помощь, иная внешняя деятельность, свидетельствующая о приобщении отдельных лиц и всего народа к Церкви и вере, должны, по мнению некоторых, стать надежной преградой расширяющемуся безбожию. По-видимому, в основе такой практики лежит убеждение, будто *сами по себе* эти формы благодатны и способны удержать человека от зла. Но в том-то и беда, что в этой апологетике *внешней обрядовой символики* забывают о главном – о молитве (ведь она не публична!), не учат ей, занося ее в разряд «личной веры».

Многие из нас являются членами Церкви, ее чадами. Но нахождение в Церкви, участие в богослужениях и даже принятие Святых Таинств – все это в действительности лишь средства для формирования в человеке покаянной молитвы. Молитва *рождается* в Церкви, но живет в каждом из нас самостоятельно и творит из духовно-беспомощного человека богоподобную личность. Без молитвы, богообщения, и таинства утрачивают свою полноту, и принадлежность к Церкви становится пустой формальностью, не способной духовно исцелить человека.

Конечно, молитва не рождается сразу и сама по себе. Но *Царство Небесное нудится* (Мф. 11, 12), и без стремления к общению с Богом, без принуждения самого себя к молитве, без привычки молиться не может состояться и духовное пробуждение человека. Как говорят опытные исихасты, один из секретов духовной жизни заключается в ее *регулярности*. «Практикующий христианин» – не тот, кто лишь в воскресенье

¹ Гавриил (Бунге), схииерхимандрит. Господи, научи нас молиться. Личная молитва по преданию святых отцов.

посещает храм, а тот человек, «кто день за днем и даже несколько раз на дню молится, то есть на практике осуществляет свою веру с той же регулярностью, с которой... ест, спит, дышит»¹.

Однако такая «механическая» молитва, которая еще не родила слез истинного покаяния, сама по себе коротка и бесплодна. Ее сила, повторимся, в принуждении и понуждении самого себя жить по Христу, не грешить, не злословить, не совершать то безчисленное количество «не», которые рождены нашей «человечностью», и которые отделяют нас от Бога.

А главное заключается в том, что, по одному мудрому суждению, нужно помнить: для внутренней жизни нашего сердца византийское Православие есть религия *разочарования*, религия *безнадежности* на что бы то ни было земное. Пока человек не разочаруется в самом себе, в своей «человечности», подвигнуть его к осмыслению собственного жизненного пути и духовной жизни едва ли возможно. Потому Господь и попускает нам некоторые скорби, трезвящие наше «самодостаточное» сознание. Дабы через это «порази и исцели, низложи и подыми меня» (по ежедневной молитве святителя Филарета Московского) мы обратились к Нему и спаслись для вечной жизни. Вместо горделивого самоутверждения и неги в земных юдолях нам предлагается истинно христианский рецепт спасения: «Уничтожь в себе волю!»² – и спасешься.

Согласимся, для современного человека эти слова выглядят анахронизмом и сопровождаются негативными образами. Но в действительности едва ли можно представить себе картины более теплые, чем те, которые открываются нам в этом случае. Отдав свою волю, блуждающую в потемках незнания и собственных ошибок, Богу, предавшись воле Спасителя, мы, как послушные дети, влекомые теплым, любящим голосом, идем в руки Отца, нежно прижимающего нас к Своей груди. Он, большой, добрый и сильный, перенесет нас через любые преграды, примет на себя яростный порыв холодного ветра, направленного в лицо, согреет и доставит туда, где нам будет единственно хорошо, и где мы будем вечно с Ним. Есть ли здесь опасность? Да, для нашей гордыни и своеволия, не желающих «ждать милостей от природы».

Нам, забывшим Бога, страшно все, что идет вразрез с нашими страстями и желаниями, собственными представлениями о счастье и добре. И хотя даже верующий человек умом знает, что *всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть* (Иак. 1, 17), но пробить каменные скрижали

¹ Гавриил (Бунге), схиархимандрит. Указ. соч.

² Леонтьев К. Н. Четыре письма с Афона. Письмо четвертое // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. М., 1996. С.37.

своей души, вросшей в грех, *поверить* в это сердцем он не может. И потому наша молитва должна быть направлена к Богу с одной просьбой: *помочь* стать смиренными, терпеливыми, кроткими, любящими Его и близких, как самих себя, и даже врагов. Это есть высшая заповедь, данная нам Христом (см. Ин. 13, 34). Но почему об этом нужно *просить*? Потому что сами, без Его помощи, мы таковыми стать не в состоянии, нам это просто не по силам. Однако именно этот шаг является самым важным не только для нас, но для всей Вселенной. Для духовного возрождения человеку нужно хотя бы «контурно» осознать ту катастрофу, которая случилась некогда в Эдемском саду, открыть для себя и в себе всю глубину собственного грехопадения. Не раз и не два каждый из нас читал, как святые подвижники, отцы-пустынники и преподобные аскеты, великие чудотворцы, прошедшие в тяжелейших духовных подвигах десятилетия и воочию видевшие, какие духовные дары им даны Господом, с плачем сердечным говорили о своей неистребимой греховности, причисляя себя к самым крайним, самым отъявленным грешникам.

Откровенно сказать, раньше я полагал, что здесь присутствует «чересчур», что, видя дела свои, они были не вполне искренни. И лишь сам слегка коснувшись духовного бдения, наконец начинаю ощущать своей душой, что нисколько они не преувеличивали и ничего не приукрашали. Потому что любовь Бога к нам *безмерна*, а наша к Нему – ничтожна. Мы просто не в силах воздать Богу за все Его заботы о нас, не умеем, не можем любить Его так, как Он нас. Великие святые ухаживали за живыми трупами, согревая болящих людей собственным дыханием, постясь и умерщвляя свою человеческую плоть. Но все их подвиги, какими бы они великими не были, лишь наглядно открывали им, насколько *безграничнее* Господь любит любого из них. Насколько Он *более всех* претерпевал и продолжает терпеть ради нас. Ведь Христос проходит с каждым из нас тернистый путь спасения – Господь никого из нас не оставляет.

Когда сегодня человек сетует на то, что он-де вынужден терпеть скорби ради Христа, было бы неплохо напомнить ему, как долго Господь терпел и терпит его, сотворенные им безчисленные грехи и раз за разом прощает Свое чадо. Иными словами, как Он *любит* его.

Первородный грех настолько пронизал наше существо, что даже исповедуя его и духовно очищаясь, человек всегда остается человеком в буквальном смысле этого слова. Мы живем в *своей* системе измерений и своими представлениями, которым не дано перейти границу, отделяющую время-бытие и вечность. Они довлеют над нами, и все, буквально все в нашей жизни мы оцениваем через призму этих представлений, невольно (или, вернее, вольно) подменяя собой Бога. Это искаженное

грехом духовное зрение приводит к тому, что наша оценка событий и наши желания становятся для нас *главенствующими*. Мы и в Бога верим лишь настолько, насколько нам понятно и доступно знание о Нем, полученное из Священного Писания. И, нимало не сомневаясь, приходим к выводу, что Христос «не мог» воскреснуть. Мы готовы отвергать и вечность бытия (см. 1 Кор. 15, 12 – 17), и собственное бессмертие, лишь бы только сохранить «главное» – убеждение, что мир живет по тем законам, которые мы ему приписали, и которые нам понятны.

Словам Писания мы *верим*, в худшем смысле этого слова, поскольку не понимаем и даже не пытаемся понять. И наша духовная мысль определяется нашими бледными земными представлениями. Отсюда – один шаг до того, чтобы разделить мир на земной и духовный, признать их дуализм и свести всю веру в Бога в совокупность внешних обрядов, исполнение которых – якобы – предопределяет спасение человека для вечной жизни. *Труда духовного познания* здесь нет, а потому наша вера очень часто бессмысленна, бессодержательна и бесплодна.

Но и творя дела веры, по апостолу Иакову (см. Иак. 2, 17), без которых она мертва, и бегая греха, мы еще не становимся Христовыми, – если надеемся найти спасение в собственном благочестии и «морализме», как это предполагают апологеты протестантизма. Лишь придя к выстраданному убеждению, граничащему с ясным и четким духовным видением той пропасти греха, которая разделяет и отделяет нас от Бога, почувствовав на самом себе, *что* такое богооставленность, пролив реки слез от того, что рядом нет Отца, без Которого мы – ничто, человек подготавливает себя к самому главному – отказу от своей «человечности» как греховного и богопротивного состояния, чтобы, отвергнув самого себя, стать «новым» человеком и жить во Христе.

Отказ от собственной воли – это не просто молитвенное прошение «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли», ежедневно произносимое христианином, который втайне надеется на то, что Господь сделает все по его желанию и воплотит в жизнь картины, созданные *его* личным воображением. Ничего, кроме самообмана, такая молитва не приносит. Отказ от себя – это горячее и осознанное желание уподобиться Христу, раствориться в Нем, обретая в Боге и с Богом свою личность в полноте, до сих пор имея её лишь в зачатке. Ведь формирование человеческой личности возможно лишь в молитве, где личности Бога противостоит нарождающаяся в Боге и при посредстве Его благодати личность «человека молящегося»¹.

¹ Гавриил (Бунге), *схиархимандрит*. Указ. соч.

Именно это состояние и является состоянием истинной, подлинной *свободы*, которая вытекает из призвания человека к богосыновству, из идеи свободного восхождения к Богу, в Котором единственно присутствует полнота всей жизни и Который не отвергает никого из желающих прийти к Нему. Такая свобода, прямо называемая апостолом Павлом даром (см. Гал. 5, 1), раскрывает со всей ясностью отношения Бога и человека не как отношения раба и господина, а как сына и Отца¹.

Причастившись Христу (не раз только, как при Причастии, а *навечно*, как сочетаются добрый жених с невестой), человек становится со-творцом, соратником Бога. Не случайно говорят, что мир стоит молитвами трех (всего лишь!) праведников. Эти слова нельзя понимать буквально, будто молитвы остальных людей Бог «не слышит», и лишь эти доходят до Него. Здесь нам открывается совершенно неподобное чудо *бого-человекотворения*, когда по милости Божией молитва святого праведника если и не создает мир, то, по крайней мере, оберегает его от сил зла и сообщает ему Божественную благодать.

Наш праотец Адам по Божественному замыслу *творил мир* вместе с Создателем, став господином всех зверей земных и давая им имена. И это был лишь *первый* шаг на пути его вечного соратничества Богу. Праведник-молитвенник, отказавшийся от собственной воли и «свободы», при содействии и помощи Христа становится «новым Адамом», по благодати продолжая устроить Вселенную. Имея особое блаженство общения со Христом, упокоившиеся праведники становятся Его помощниками, через которых Он приуготовляет Свое воцарение в мире.

Подытоживая, скажем, что смысл существования каждого из нас раскрывается лишь тогда, когда мы имеем единую жизнь со Христом, как писал святой праведный Иоанн Кронштадтский. Несмотря на ясность и очевидность словосочетания «единая жизнь», это в действительности невероятно тяжелый подвиг, не прекращающийся до самой смерти христианина. Зато велика и награда: не счастливая жизнь на земле, как она представляется тому или иному поколению, не минута восторженного поклонения или нечто подобное, а вечная жизнь со Христом в Царствии Божиим и есть тот удел, который *изначально* был уготован человеку, он-то и является первой и последней целью нашего существования.

¹ Фиолетов Н. Н. Очерки христианской апологетики. Клин, 2007. С.178.

ЖИВОЕ ИСКУССТВО ЦЕРКВИ

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПОНИМАНИЮ ЗАДАЧИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЖИВОПИСИ

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС»

АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)

С ИСКУССТВОВЕДОМ, СПЕЦИАЛИСТОМ ПО БОГОСЛОВИЮ
ИКОНЫ ИРИНОЙ КОНСТАНТИНОВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ

Встреча человека с Богом возможна, если возможно общение Бога и человека. Библия и Боговоплощение, явление Христа в мир, – два подтверждения возможности обожения самого человека и окружающего его мира, как социального, так и материального. «Писания “богодуховенны”, – писал протоиерей Георгий Флоровский, – они – Слово Божие. Что такое “вдохновение Духа”, мы никогда не сможем точно определить – здесь тайна. Это тайна встречи Бога и человека. Мы не можем до конца понять, как именно “святые люди Божии” слышали Слово Господа, как смогли они выразить его словами собственного языка. Но в их человеческой передаче звучит голос Божий. Слово Божие в словах человеческих: здесь лежит тайна и чудо Библии... Да, говорил Бог. Но слушал и воспринимал – человек. “Антропоморфизм” – неотъемлемый признак истинного Богоявления. И это не приспособление к человеческой слабости. Смысл его скорее в том, что человеческий язык, передавая Божественное Откровение, не теряет своих природных черт... Божественным вдохновением человеческое не отбрасывается прочь, но преображается... С тех пор, как Бог удостоил человека общением, само человеческое слово преобразилось, приобрело новую глубину и силу. Дух Божий дышит в строе человеческой речи»¹.

Божественное Откровение – выражение Божественного человеческими средствами. В этом суть истинной культуры, культуры православной. Во всем строе человеческой жизни должен зазвучать Дух Божий. Божественное открывается миру через слово, музыку, краски, в поведении человека, в его укладе жизни, в его отношении к близким, к Отечеству. Культура есть средство общения человека и Бога.

¹ Флоровский Г., *прот.* Откровение и истолкование // Догмат и история. Сост. Е. Холмогоров. М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998. С. 28 – 29.

В лекции, по которой состоялось знакомство с вами наших читателей – «Церковное искусство должно быть литургическим» – вы неоднократно возвращаетесь к мысли, что икона – это живое искусство, и как все живое, она – в развитии, и не понимать этого – значит не понимать природу Церкви.

Есть копии и списки с икон, – но как время и люди, создающие саму художественную атмосферу, присущую именно этому времени, влияют на иконопись?

– Это хороший вопрос, потому что, с одной стороны, иконопись – отдельное искусство, занимающее свою особую нишу. С другой стороны, художник учится, впитывает какие-то светские влияния, а сейчас Церковь особенно открыта миру, чтобы проповедовать, призывая людей. На самом деле, конечно, каждое время влияет особо, и были времена, когда светское искусство очень сильно расходилось с церковным. В допетровский период, наоборот, почти не было светского искусства, признавалось только церковное, и даже царские палаты расписывали почти как храмы, – может быть, там меньше изображалось святых, больше орнаментов, но всё это делали одни и те же художники.

Так что время, конечно, существенно влияет на иконопись. Например, в начале XX века, когда произошло реставрационное открытие иконы, иконопись очень сильно повлияла на светское искусство. Даже такие художники, как авангардисты Петров-Водкин, Андрей Гончаров, даже Малевич, – они многое брали от иконы. А в какой-то момент, наоборот, светское искусство воздействовало на церковное. И сейчас, как мне кажется, светское искусство очень на него влияет. Другое дело, что важно отслеживать, какие влияния полезны в развитии иконописи, а какие разрушительны.

Ирина Константиновна Языкова

Вася. Кузьма Петров-Водкин. Ок.1920 г.

Аниме-изображение святой равноапостольной княгини Ольги. Всероссийский молодежный образовательный форум «Селигер». 2009 г.

Мне приходилось разные иконы видеть, даже в стиле аниме¹... Это, конечно, не тот стиль, который может быть допустим в иконописи, то же касается и стрит-арта.

Но вот Александр Иванович Чашкин, например, использует такую манеру, которая была абсолютно принадлежностью светского искусства – пуантилизм². И это неожиданно создаёт весьма интересную атмосферу в иконе, не разрушая образ.

Сейчас светское искусство заметно влияет на иконопись, но только от художника зависит, что он из этого возьмёт. Совсем отгораживаться от светской культуры здесь тоже неправильно, потому что талант даёт Бог, и в его развитии бывает много хорошего, каких-то находок, которые переходят из одного искусства в другое, взаимообогащая.

Поэтому сегодня, мне кажется, плодотворно, если человек не замыкается только в церковном искусстве. Одно время ведь даже вообще утверждали: мол, иконописцу не надо учиться рисовать – у него есть прорись³... И, например, старообрядческое искусство так и развивалось – брали старую прорись и просто её заполняли. Талантливый художник и по прориси красивую вещь сделает, а неталантливого прорись, может быть, удерживает в рамках канона.

Сейчас так уже не говорят, что иконописцу не надо в художественной школе или художественном вузе учиться и знать, как вообще развивалось искусство.

Мне кажется, что сегодня иконопись открыта внешним влияниям, но, повторяю, когда берешь что-то новое, то очень важно понимать, что разрушительно, а что помогает в развитии образа.

¹ Аниме – японская анимация, предназначенная в основном для подростковой и взрослой аудитории, что выражается в меньшей табуированности тем. Во многом за счёт этого имеет высокую популярность в мире.

² Пуантилизм – стилистическое направление в живописи неоимпрессионизма, возникшее во Франции ок. 1885 г., в основе которого лежит манера письма отдельными мазками правильной, точечной или прямоугольной, формы. Характеризуется отказом ради оптического эффекта от физического смешения чистых оттенков красок.

³ Прорись – контурный рисунок, сделанный с оригинала через кальку для нанесения разметки и основных контуров на заготовку иконы или на штукатурку (для фрески), чтобы облегчить труд иконописца.

Иконописец архимандрит Зинов (Теодор)

Иконописец Александр Иванович Чашкин

– Все это так, но у меня сложилось такое впечатление, что некоторые художники, начиная заниматься иконописью, остаются только художниками и просто используют иконописную работу как форму, как художественный жанр больше, чем иконописный.

И сейчас у некоторых художников такое интересное отношение к иконописи, что подчас не поймешь, с чем имеешь дело: то ли вкусовщина, то ли копирование под видом возвращения к традиции. Некоторые приходят, заявляют: «Я могу писать в любом стиле. Хотите в византийском? – распишу храм в византийском. В современном? – распишу в современном». Это же ремесленничество, коммерция, а не творчество! И такое явление сейчас очень распространено, к сожалению. Но есть люди, у которых имеется свой стиль, узнаваемый, хотя это не всем нравится...

Вы сейчас много смотрите, много ездите, консультируете. Что же, все-таки, преобладает?

– Конечно, время наше – такое непростое: ещё не закончено, по-настоящему, восстановление традиции. Была насильственно прервана традиция. И сейчас, скажем, уже есть второе и третье поколения иконописцев. А первое поколение, тот же Чашкин, они практически без учителей начинали. Чашкину повезло поработать с отцом Зином (Теодором), а сам отец Зинов тоже без учителей начал. Ну матушка Иулиания (Соколова) тогда была в Троице-Сергиевой Лавре, от неё кто-то еще пошёл. Но это единичные случаи. А чаще всего человек получал светское образование, а уже потом воцерковлялся и начинал писать иконы, сохраняя к иконе художественный подход.

Чем отличается художественный подход от иконописного? Художник говорит: а я так вижу, так понимаю, мне так нравится. Иконописец уже осознаёт, что это церковное искусство, выражает не только свой вкус. В идеале же творчество иконописца должно выражать веру Церкви. Это проповедь, это молитва.

*«Видеть любовь». Выставка памяти иконописца Александра Соколова.
Москва. Центральный дом художника. 2016 г.*

С другой стороны, существует такой крайне консервативный подход: а я ничего не могу от себя сказать, я должен только копировать, перенести один в один... Но мы же понимаем, что один в один написать Троицу Рублева ни у кого не получится, потому что это величайшая тайна и величайший плод молитвы и таланта.

Брать иконную форму и как-то в ней самовыражаться – это одна крайность. Другая крайность – бояться любого творческого художественного проявления и только копировать. Неправилен и тот и другой подход. Есть еще, конечно, как вы сказали, коммерческий подход – «чего изволите? хотите под этот стиль, хотите под тот»... То есть человек овладел ремеслом, но душу в него не вкладывает, потому что, если человек душу вкладывает, он и пишет так, как ему Господь на душу положит. А если он сегодня пишет в одном храме в синодальном стиле, завтра в другом храме – в афонском, а послезавтра ему заказали в древнерусском стиле, – это коммерческий подход. За что ему деньги платят, то и пишет. В этом души нет.

Ремесленников, к сожалению, гораздо больше, чем создателей настоящей иконы, где человек не боится что-то художественно сделать, в то же время прислушиваясь, что нужно конкретному храму, потому что храмы тоже все разные. И тут уже дело не во вкусовщине, а в со-

ответствии данному храму, его архитектуре, и прежде всего – его литургической сущности. Потому что сейчас росписи (иконы, может быть, в меньшей мере), а росписи некоторые исполнители вообще рассматривают как обои. Дома же мы вот обои клеим, и тут распишем сейчас вам такие «церковные обои». Это, конечно, недопустимо.

*Иконописец Александр Михайлович Соколов
(†2015)*

Сейчас я свою задачу вижу в том, чтобы находить хороших художников, как-то поддерживать их, помогать им. Мы устраиваем выставки, я пишу о многих из них: и об Александре Ивановиче Чашкине, и об архимандрите Зиноне, о недавно ушедшем в мир иной Александре Соколове, замечательном художнике – все знают его икону «Неупиваемая Чаша».

Занимаюсь этим уже тридцать лет, стараюсь увидеть настоящих иконописцев, понимающих задачу церковной живописи и в то же время имеющих художественное дерзновение вводить что-то новое. Именно так и развивается иконопись: не надо бояться нового, если это новое не разрушительно. И, наоборот, – иногда человек думает, что он держится старого, а на самом деле своей закостелостью вносит омертвление в живое искусство Церкви.

Поэтому многое, очень многое приходится осмыслять. И куда пойдёт дальше развитие иконописи, сейчас предсказать трудно. Есть школа Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, есть Свято-Тихоновского института в Москве, есть в Петербурге – во всех городах сейчас какие-то школы, где учат иконописцев, и все они учат по-разному. И как человек потом будет писать иконы, зависит от многих параметров: от него самого, от его таланта и степени его воцерковлённости. Сейчас, конечно, меньше стало светских художников, работающих в Церкви не будучи воцерковлёнными, просто овладевших ремеслом. Но такой человек не сможет выразить то, что для Церкви важно, в крайнем случае, он может только копировать.

Сейчас очень разномастная картина, и как всё это будет дальше развиваться, даже я не могу сказать. Очевидно, что положительных примеров пока меньше, а больше коммерческого, ремесленного, бездумного подхода, гораздо реже встречаешься с глубоким, вдумчивым творчеством.

Вознесение Господне. Фреска. Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря. Псков

Тут ведь не только ремесло, тут еще и богословие знать нужно, историю Церкви. Много чего нужно знать. Я стараюсь показывать, как в творчестве Андрея Рублёва сочетался иконописец и богослов. Не все это сегодня понимают.

– Спаси вас Господь. Как вы сказали, архимандрит Зинов считает, что иконописец должен быть человеком Церкви...

– Да, безусловно.

– И если иконописец сам не живёт в этом благодатном мире, в таинствах, если он ничего не знает о тех, о ком повествует в красках, что он может изобразить? Спрашиваю одного иконописца, почему он именно так написал этого пророка? Он мне говорит: «Житие почитайте...» Он даже характер святого передал, как пишется о нем в Ветхом Завете.

Но и техника играет большую роль. Сейчас фрески сохранились, которым почти 800 лет. Раньше ведь стенописью, храмовой росписью была только фреска. Для этого требовались и мастерство, и скорость, и краски другие использовались. И надо было очень быстро работать, при этом, как вы сказали, знать и богословие, и церковный мир, и историю. И благодаря этому мы сейчас лицезреем величайшие фрески Афона, Сербии, Святой Руси и других святых мест.

Мне понравился пример, какой привела Ольга Седакова в одной статье. Она говорила о переводе текстов, о том, что со славянского

на русский надо переводить, как с иностранного, потому что смыслы уже другие, хотя по форме слово то же. И она привела в пример одного реставратора, который не стал точно копировать фрески, а только освоил саму технику письма. А сейчас, как вы говорите, обои пишут: 20 – 30 лет – и нет этой росписи. Осыпались краски, пожухли... А фреска хранится сотни лет. И у нас русская фреска была, возьмите хоть Мирожский монастырь, владимирские, новгородские, вологодские, московские храмы.

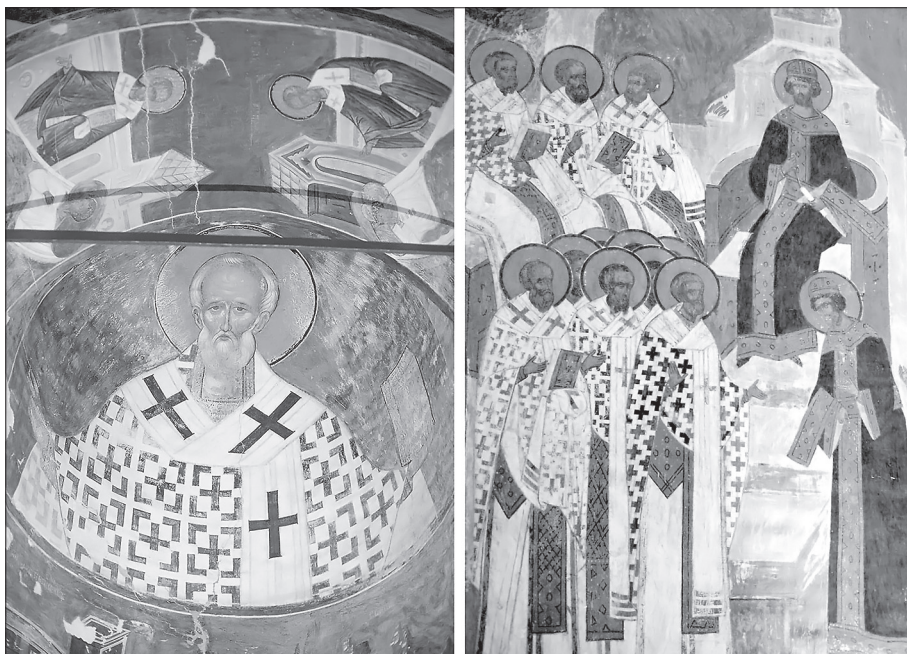
Сербский иконописец Владимир Кидишевич

И вот я думаю, есть ли смысл возвращаться к фреске, восстанавливать это искусство? Господь нам в Самару прислал сербского иконописца Владимира Кидишевича, он несколько лет к нам ездит, и мы пытаемся у него учиться, пытаемся освоить технику фрески.

Но правильно ли я рассуждаю, и на самом деле надо уходить от стенописи, которая позволяет работать кому угодно – и малоцерковному человеку, и светскому художнику. Иногда такое вот впечатление возникает от иной росписи – ощущение, что это не иконы, а как иллюстрации к детской Библии, некие картинки...

– Знаете, вы абсолютно правы. Да, техника фрески для храмовой росписи наиболее подходит. Во-первых, потому что она прочно связана со стеной, и высыхая прямо на стене, вглубь входит, поэтому долго держится. И тут надо уметь работать быстро, пока не высохла штукатурка. А русская фреска – ещё сложнее: её дописывали по сухому, но уже на основе, сделанной ранее.

Понимаете, сейчас редко кто может позволить себе такой объем работы. Потому что, с одной стороны, пишется фреска быстро, а с другой стороны, подготавливается долго. А у нас совершенно другое понимание времени. Сейчас очень часто говорят: «Надо успеть скорее сделать, давайте скорее. Патриарх приезжает или предстоит освящение храма, давайте быстро-быстро!» Поэтому все пользуются «каймовскими» красками, немецкими. Они на силикатной основе, внешне вроде бы даже похоже на фреску. Сколько они будут держаться, пока непонятно. Самое длительное, что мы видим пока, это 40 лет, а может быть, пройдет еще лет 20, и она будет меняться, никто не может дать гарантию. Зато пишется быстро.

Росписи в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Мастер Дионисий. 1502 г.

И вот эта наша включённость в скоростной поток времени отражается на выборе техники. Потому что подготавливать штукатурку под фреску очень долго, там масса нюансов есть, в этой штукатурке. При мне отец Зинон расписывал в Подмосковье одну небольшую часовню, он ездил туда три года подряд и каждый раз переделывал, всё никак не мог приступить к работе, потому что считал, что штукатурку сделали плохо, и надо её снова поменять. Её перекрашивали, заново гасили известь, и так далее, и так далее. Много всяких технических нюансов, как и вообще в духовной жизни. То есть, чтобы что-то получилось, надо пройти определенный путь. Может быть, на последнем этапе и быстро всё делается, но к этому надо подойти. А современный человек так не мыслит. Сейчас надо вот этот храм быстренько дорасписывать, через два месяца другой, пока заказ есть, – и так далее... И даже сами настоятели часто живут в таком же режиме, им тоже надо всё к определённому сроку.

Конечно, мы читаем, что Дионисий за один сезон расписал весь этот огромный храм в Ферапонтове. Но подготовительная работа у него занимала несколько сезонов. То есть, было другое отношение ко времени, поэтому и образы создавались другие – такие образы, которые погру-

жают тебя в переживание вечности. А у нас подобное очень редко где встретишь. Ты, в лучшем случае, видишь, как правильно вы сказали, иллюстрации к детской Библии. Раньше образы были неким явлением, самостоятельным высказыванием, молитвой или проповедью. Это была не иллюстрация, это совершенно другой подход.

И мне кажется, что, как вы в начале отметили, время накладывает отпечаток на современное искусство. Да, оно включает нас в другой поток понимания времени. Вот в это «быстро-быстро»...

– Вот и краски, земляные, как мы их называем, они же отличаются от этих, может быть замечательных, немецких красок. Всё же синтетические, химические краски – это плёнка, а тёртые краски, минеральные, земляные – это кристаллы.

– Да, да, конечно.

– И даже поэтому в изображении глубина появляется. Если сказать современным языком – 3D-эффект. На самом деле, это, конечно, нельзя сравнивать, не совсем это так, но, по крайней мере, какой-то возникает дополнительный объём, глубина – по-другому свет отражается.

– Да, потому что свет преломляется в кристаллах.

– Вот это интересно. А ещё я про канон в росписи хотел у вас спросить. Когда смотришь старые храмы – насколько они разные по мастерству исполнения росписи, настолько одинаковые по ее канону. Все чётко: что в алтаре должно быть, что в куполе, что слева, что справа. Насколько сейчас соблюдается этот канон и какое внимание ему в росписи уделяется?

– Где уделяется, где не уделяется, всё зависит от настоятеля, от заказчика. Большинство людей даже не подозревает, что они есть, какие-то эти каноны. То есть, конечно, некоторые сейчас книги читают, что-то видели. Но в целом такой произвол царит. «Мне надо здесь это, а здесь – вот это», – это произвол заказчика. А есть ещё произвол исполнителя: «здесь вот это хорошо поместится, а здесь то по размеру подойдёт».

Но ведь, если посмотреть, как происходила роспись, – она же шла от Литургии. Почему у нас всегда Господь Вседержитель в куполе? Потому что Он совершает Литургию. Почему евхаристия в алтаре? Потому что это Таинство совершается там.

То есть всё складывалось, исходя из Литургии, и менялось, как менялась Литургия, что-то добавлялось, что-то по-разному интерпретировалось в разные времена. Скажем, в Византии на западной стене храма чаще всего Успение изображалось, в русских храмах больше – Страшный суд.

Это, опять же, интерпретация, толкование, но всё равно происходит оно из понимания, что в храме роспись – такая же часть Литургии, как чтение, молитва, хор и так далее. Всё должно сливаться воедино. А когда мы просто украшаем храм, тогда картину тут можно повесить, а можно её повесить и там. Это как произвол хозяйки. Хороший у нее вкус – хорошая висит картина. Плохой вкус – соответственно и интерьер оформлен.

То есть, если бы было больше понимания, тогда не было бы вот этого «а я хочу здесь это сделать...» Можно что-то вносить особое, и так всегда делалось, но это должно быть оправдано, прежде всего, из литургических, из богословских соображений. Из посвящения храма празднику или святому, потому что эту тему старались выделить в росписи – житие святого давали или расширяли праздничный ряд.

Сейчас очень часто наши батюшки приедут со Святой Горы и «ой, сделайте мне, как на Афоне!» А ведь надо смотреть: и на Афоне в разных храмах разное отражено. И потом это всё-таки монастырские храмы, а наш батюшка хочет городской храм так расписать. Или там был маленький храм, а здесь большой.

То есть, мне кажется, если бы люди понимали, откуда появилась роспись, как она формировалась, может быть, они бы меньше фантазировали. Например, в одном храме, посвящённом Новомученикам, на куполе святых написали... Никогда не писали святых на куполе!

Очень часто сейчас хотят поразить богатством убранства храма. Много золота, много каких-то декоративных элементов и так далее. А этого не нужно, это отвлекает от Литургии. Роспись должна погружать нас в другой мир и показывать, что святые вместе с нами стоят здесь и тоже молятся. Там Господь, здесь Богородица, тут ангелы и святые. То есть очень стройная была система выработана. Сейчас известна эта схема, хотя, может быть, художники не всегда понимают, откуда она выросла, но знают, что вот здесь должны быть евангелисты, а здесь – апостолы.

– Собор молящихся... И главное, что в нижней части стен, где люди стоят, кроме полотенец и завес ничего не пишут, потому что это место предназначено для нас – стать живой иконой. Там Христос, Богородица, пророки, апостолы, а здесь ты – живая икона. И так всё собирается воедино.

Думаю, что в трагические времена иконоборчества¹, когда за иконопочитание лилась кровь мучеников, сформировались богословские

¹ Иконоборчество – религиозно-политическое движение в Византии в VIII – начале IX вв. Иконоборцы считали священные изображения идолами, а культ почитания икон – идолопоклонством, ссылаясь на ветхозаветные заповеди (*не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху... не поклоняйся им и не служи им* (Исх. 20, 4 – 5)). Законами 726 и 730 гг. император Лев III Исавр запретил почитание икон.

Храм Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Церкви Русской на Лубянке

аргументы и выработалось целое богословие иконы, чего на Западе не было. Там икона так и осталась в основном лишь направлением религиозной живописи¹. Для нас же икона обрела глубокий богословский смысл.

Изображается эпизод из Евангелия, например, вход Господа в Иерусалим. И обязательно тут же – предвещающие это евангельское событие пророки Ветхого Завета, со свитками в руках, на которых повествуется об этом. Сочетание Ветхого и Нового Завета сейчас – тоже

Иконоборчество было осуждено II Никейским (VII Вселенским) Собором 787 г., но затем возобновилось в начале IX в. За более чем столетие деятельности иконоборцев были уничтожены тысячи икон, мозаик, фресок и других священных изображений, а множество иконопочитателей и иконописцев подверглось преследованиям и были казнены.

Иконоборчество окончательно было остановлено только на Константинопольском соборе 843 г. при императрице Феодоре. Тогда же в ознаменование победы над иконоборцами был установлен и впервые совершён чин провозглашения вечной памяти ревнителям Православия и анафематствования еретикам, совершаемый в Православной Церкви и до нашего времени в Неделю Православия («Торжество Православия»).

¹ В 825 г. собранный королём франков с разрешения папы Римского в Париже собор епископов и богословов осудил как иконоборцев, так и иконопочитателей. По мнению собора, иконы являются лишь украшением, а для невежд – научением, при таком отношении к ним они не вредят вере. Было решено, что изображения разрешаются, но они не важны для веры или богослужения, поэтому не следует ни разрушать, ни поклоняться им.

В Западной Церкви поклонение иконам не получило признания в качестве общеобязательного догмата, но теоретические обоснования иконопочитания в католическом богословии в целом соответствовали II Никейскому Собору.

Возвестила радость плачущим. Василий Polenov. 1890 г.

редкость большая. «Почему, – говорят, – вы вообще Ветхим Заветом пользуетесь до сих пор?»

– Да-да, Ветхий Завет сейчас очень мало понимают.

– Но в иконописи это отражалось, в её канонах. Насколько изменили иконоборческие споры подход к иконе?

– Мне кажется, что этот кризис, а это действительно был кризис, когда православные восставали против православных...

–... и монахи против монахов...

– Да, самые строгие поборники веры вдруг выступили против икон. Во-первых, они видели, конечно, какое-то неправильное обращение с иконами. Народ всегда надо учить, до сих пор у нас еще, бывает, невежество зашкаливает.

– Наверное, боязнь после античного мира...

– Конечно, было очень много остатков язычества, разного рода суеверий. Можно понять, чего опасались. Но были такие рьяные противники, которые утверждали, что не надо вообще никаких образов. И эта трудная ситуация заставила Церковь задуматься: зачем нам нужна икона, что мы ею хотим сказать?

На самом деле этот спор начался давно, уже в IV веке были разногласия. Святитель Василий Великий, например, считал, что живопись – это молчаливое слово Евангелия. Есть слово произносимое – проповедь,

а есть церковное искусство живописи – «Библия для неграмотных», и потому живопись должна учить вере.

– **Иоанн Златоуст, по-моему, говорил: кто не умеет читать, пусть смотрит.**

– Да, пусть смотрит, потому что Священное Писание тогда не было так доступно, как сейчас.

И постепенно стало понятно, что если церковная живопись так связана с вероучением, значит это должно быть действительно не просто иллюстрацией, а прямым соответствием тому, чему учит Церковь. Поэтому выработывался канон и, собственно, эпоха Вселенских Соборов и заканчивается этим. Сначала всё время спорили о том, как в слове выразить веру, на нюансах – омоусиос – омиусиос¹. Казалось бы, одна йота, а как меняется смысл!

Канон церковной живописи требует, чтобы изображение было согласно с тем, что мы исповедуем в слове. То есть чтобы и в образе, и в слове мы исповедовали одно и то же. Потому это и есть торжество Православия, то есть торжество явленного, когда Господь Сам явился. И как невидимый Бог стал видимым, так и невыразимая вера может быть выражена видимым образом. Поэтому так важен канон, так важна эта строгость в отношении вещей, нами не видимых, вещей таинственных, которые нас ведут ко спасению.

¹ В тайне Пресвятой Троицы пытались раскрыть православные богословы и тайну человеческой личности. Чтобы выразить общую для Трех реальность, «разделяя между Тремя неделимое Божество», как говорит Григорий Богослов, отцы выбрали слово «усия» – философский термин, означавший «сущность». Это слово подчеркивало онтологическое единство Божества. I Никейский Собор для обозначения сущности Отца и Сына использовал термин «омоусиос». Омоусиос, выражая тождественность сущности, соединяла два различных Лица, не поглощая их в этом единстве, ибо утверждение кого-то как омоусион по отношению к другому предполагает сопоставление этого одного не с самим собой, а с кем-то другим.

Прилагательное «единосущный» (ὁμοούσιος, омоусиос) как богословский термин представляет собой завершение догматической деятельности I Вселенского Собора, синтез его учения о Втором Лице Пресвятой Троицы.

Наиболее близкими по значению к ὁμοούσιος в богословской полемике посленикеевского периода были выражения ὁμοιος κατὰ πάντα (подобный по всему) и соответственно ὁμοιοούσιος (подобосущный). Малоприметное различие в написании двух слов имело принципиальное значение, т. к. омиусианство для умеренных ариан (последователей еретического учения о тварности Бога Сына и Его неединосущности с Богом Отцом) стало удобной альтернативой никейской вере в единосущие. Компромисс состоял в том, что утверждение полного подобия Сына Отцу позволяло формально признавать единство Бога по свойствам, при этом реально разделяя божественную сущность между Отцом и Сыном. В философской терминологии античности, начиная с Аристотеля, слово ὁμοιος (подобный) четко определялось как «одинаковый по качеству». Вместе с тем было еще два смежных устоявшихся термина: «тождество» (единство по существу) и «равенство» (единство по количеству). На этом основании свт. Афанасий Великий отвергал употребление термина «подобосущный» (ὁμοιοούσιος, омиусиос): «...слово «подобный» употребляется не в отношении к существу, а лишь в отношении к форме и качеству; потому что в вопросах о существе речь может быть не о подобии, а о тождестве».

Фрагмент росписи храма прп. Сергия Радонежского на Куликовом поле

Поэтому, мне кажется, для Православной Церкви было очень важно показать людям веру, поскольку кто-то может прочесть и через слово достигнуть истины, но большинство людей так устроено, что информацию больше воспринимает через глаза. Психологи утверждают, что мы 80 % информации глазами постигаем, и только 20 процентов – слухом. Этим пользуется современная реклама.

– **Большая часть информации глазами воспринимается.**

– Церковь это понимала ещё до всех психологов. И поэтому, конечно, она стояла за то, чтобы в церковном искусстве не было художественного произвола. Да, живопись сама по себе может существовать, есть прекрасное религиозное искусство, мы знаем творчество Александра Иванова, Николая Ге, Поленова. Это на самом деле прекрасно. У нас, например, в воскресной школе батюшка очень любит демонстрировать религиозную живопись, он везде репродукции повесил. Детей часто на художественных примерах учат и с Евангелием знакомят через них.

Это то, что ведёт к Церкви. А в Церкви, где церковное искусство становится уже частью Литургии, всё должно сходиться в одну точку: и то, что человек видит и слышит, и то, что он произносит. Как говорил Фло-

ренский, это синтез искусств. Но синтез этот на какой основе? Всё, что выражает Евангелие, ведёт ко Христу.

Опять же, о связи Нового и Ветхого Заветов. Вы правильно заметили, что сейчас не понимают Ветхий Завет, потому что вообще не понимают, каким там предстаёт Господь – другой Бог, Бог карающий. А в Новом Завете Бог – милующий. Давайте прочитаем это в контексте Священной истории – и в контексте всё становится на свои места. За это Церковь и боролась. Был такой очень хороший исследователь Леонид Успенский, он говорил, что Церковь боролась не за искусство, а за истину¹, потому что церковное искусство выражает именно истину, а не просто частные взгляды: «а мне нравится так, а я вижу Христа так, ангелов так...» – и так далее.

Как говорит архимандрит Зинов, веру можно исказить не только словом, но и кистью. Поэтому он восстаёт всегда против неканоничных образов и строго стоит против вольной интерпретации в церковном искусстве.

– В Ксенофонте, на Афоне, храм был старый, но не расписанный. Стоял он много десятилетий – ждали иконописца достойного...

– Вот правильно.

– Появился Лука², который написал Иверскую икону, но он же сейчас и Томос написал... И вот он со своим родным братом иеромонахом Серафимом расписал этот храм. Дождался храм своего достойного иконописца.

Вот действительно – мастер золотые руки. Что интересно: помнится, отец Лука берёт благословение у нашего владыки, митрополита Сергия, я сфотографировал этот момент, а потом на фотографии было видно: вокруг рук Луки и вокруг рук митрополита – золотое сияние. И я тогда понял, что это не просто образ, но реальность – мастер золотые руки.

Обычной «мельницей» снимал, 90-е годы шли... Народу тогда на Святой Горе было не очень много, и мы пешочком отправились в Ксенофонт, в иконописную мастерскую. Там иконописцы жили, и этот Лука – мастер золотые руки...

Такой ещё возникает вопрос. В византийских храмах, насколько я знаю, изображаются евангельские сюжеты, всё связано с Евангелием. А в русских храмах присутствуют сюжеты, связанные с историей народа. Например, у нас часто Куликовскую битву изображают, другие исторические моменты. Нужны ли они в храме?

¹ Успенский Л. А. Богословие иконы. М., 1996. С. 61 – 69.

² Иеромонах Лука Святогорец из монастыря Ксенофонт на Афоне, известный греческий иконописец и каллиграф, признаваемый на сегодняшний день одним из самых лучших мастеров в мире. В 1995 году написал Иверскую икону для возрожденной Иверской часовни на Красной площади. В 2018 году написал рукописный текст Томоса для «Православной Церкви Украины».

Страшный суд. Монастырь Високи Дечани (мужской монастырь Раишко-Призренской епархии Сербской ПЦ). Фреска. XIV в.

– Везде, может быть, и не нужны, но в каких-то отдельных храмах это может иметь место. Каноном для всех это, как понимаете, стать не может, но в некоторых храмах, особенно, если они на каком-то историческом месте расположены, почему же нет?

Два года подряд я ездила в Литву, там два русских храма, первый похуже расписан, а другой очень хорошо. В нём на западной стене, что тоже меня сначала немножко шокировало, изобраили битву, в которой русские и литовцы победили тевтонцев. А сбоку на этой же стене – литовские православные святые. Литва же изначально православная была. И сперва это изображение битвы в храме меня шокировало, а потом, когда я это всё для своей книги описывала, то поняла, что именно в этом храме изображение битвы уместно. Потому что здесь был как бы форпост русской культуры, и они сейчас стараются все сохранить: и жития святых литовских бояр Антония, Иоанна и Ефстафия, которые приняли Православие и за это были казнены, а канонизация этих Виленских мучеников состоялась при участии митрополита Киевского и всея Руси Киприана, пребывавшего в Литве в 1374 – 1375 годах. То есть в храме отражена история православной Литвы. И вот если бы они вдруг стали тиражировать эту историю во всех церквях, это было бы лишнее, а в этом храме – уместно.

Конечно, это не литургический сюжет. Может быть, его лучше было бы вынести на паперть или в храмовую галерею, то есть такие моменты нужно лучше продумывать. Здесь эта достаточно высокого качества живопись в обрамлении литовских святых логически обоснована.

Но если подумать, в чём смысл, например, Успения, которое византийцы любили изображать на западной стене храма, или смысл картины Страшного суда? Да, мы выходим из храма и помним о кончине нашей, то есть храним память смертную, и о том думаем, что мы когда-то предстанем перед Страшным судом. А здесь что? Мы входим и вспоминаем о том, что мы победили? Вот мы какие молодцы, мы идём в мир, мы победители! Всё-таки, согласитесь, эта идея ниже, чем евангельская.

Поэтому сначала я была против изображения исторических сюжетов в храме, но потом согласилась, потому что этот храм особый, со своей особой программой.

Но в целом, конечно, я думаю, что включение светских сюжетов должно быть строго обосновано. Ведь раньше для каждого храма делали свою богословскую программу, её продумывали и писали богословы. Не случайно Седьмой Вселенский Собор говорит, что творцы иконы – святые отцы, а иконописцу надлежит лишь исполнение. Это значит, что смысл иконы, рождение нового образа, нового храма продумывают и утверждают отцы, богословы. Другое дело, конечно, что их сейчас немного. Но живописец сам уже должен включаться в этот процесс, имея в своей душе всю предысторию создания иконы.

Например, как родилась та же «Троица»? Из летописного описания понятно, что в память и похвалу преподобному Сергию его ученик игумен Радонежский Никон заказал Андрею Рублёву икону, в основу которой легло учение преподобного Сергия о Троице. Преподобный Никон нашёл достойного исполнителя, и они вместе создали этот «образ великого Совета, единство Трёх вокруг превечно предуготованной Жертвенной Чаши»¹.

– Спаси вас Господь, Ирина Константиновна! Очень вам благодарны за беседу!

Языкова Ирина Константиновна – искусствовед, специалист по богословию иконы, кандидат культурологии, проректор по учебной и научной работе Библейско-богословского института святого апостола Андрея, преподаватель Коломенской Духовной семинарии, член Экспертного совета Русской Православной Церкви по церковному искусству, архитектуре и реставрации. Автор нескольких монографий, в том числе «Богословие иконы» (М., 1995), «Се, творю все новое» (М.-Милан, 2002), «Со-творение образа» (М., 2012), а также более сотни статей по проблемам древней и новой иконописи, истории искусства, культуры и др.

¹ Успенский Л. На путях к единству? // Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология. Сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. (Сокровищница русской религиозно-философской мысли. Вып. I). С. 350 – 375.

МИСТИКА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Юрий Юрьевич Воробьевский
на православной выставке
«Благословенная Самара». Апрель 2019 г.

Некоторые считают, что политика – это когда, скажем, в Америке люди проголосовали – избрали своего президента, в России люди проголосовали – избрали своего президента, и потом эти два президента о чём-то договариваются между собой. На самом деле в мире происходят гораздо более тонкие и духовные процессы – идет духовная война. И наверное, у чуткого человека не могло не сложиться глубинного понимания того, что зло в мире перестаёт стесняться, прятаться и проявляет себя уже нагло, в открытую, в «полный рост».

Многие современные международные форумы проходят в новопо-
строенном казахстанском городе Астана¹, уже название которого звучит не очень-то приятно, под стать названию и архитектура этого города. Центр Астаны был спроектирован известным лондонским архитектором лордом Норманом Фостером²: там стоят две колонны³, подобные колоннам Яхин и Боаз, и пирамида⁴ со специфической символикой. То есть весь город представляет собой подобие масонского храма.

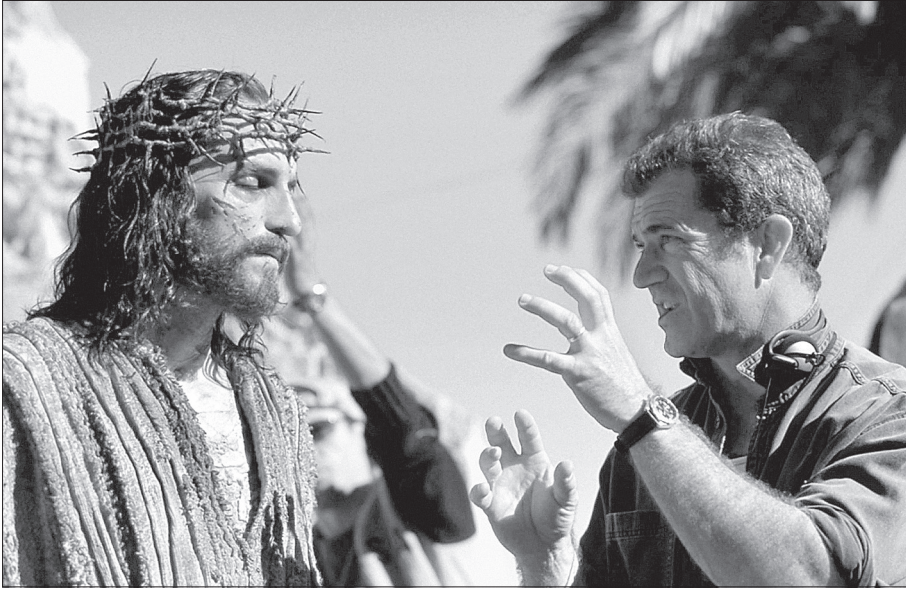
В Интернете можно найти видеоролик открытия знаменитого Готтардского тоннеля в Швейцарии. Это действительно выдающееся инже-

¹ Астана (с 2019 года Нур-Султан)(каз.) – столица.

² Лорд Норман Фостер – британский архитектор, яркий представитель стиля хай-тек, лауреат Императорской и Притцкерской премий. Зарубежный почетный член Российской академии художеств.

³ Золотые башни Дома министерств в Астане (2007 г.). Архитекторы Шохан Матайбеков и Жанай Айнабеков.

⁴ Дворец мира и согласия в Астане, построенный специально для проведения «Конгресса лидеров мировых и традиционных религий», торгово-развлекательный центр «Хан Шатыр» и другие, архитектор Норман Фостер.

Режиссер Мел Гибсон на съемках кинофильма «Страсти Христовы»

нерное сооружение – многокилометровая дорога, проложенная сквозь толщу гор. В анонсе говорилось о том, что шоу, которое будет представлено, основано на швейцарских традициях науки и культуры. Но когда действие начинается, и актеры в облегающих трико представляют странные пантомимы, все это не очень похоже на народное искусство Швейцарии. Постепенно, по мере развития действия, в центре композиции появляется некто с огромной козлиной головой, и этот персонаж очень напоминает того самого козла-бафомета, о котором мы знаем¹. Это чудовище оказывается в центре композиции, ему как бы поклоняются. Возникает ощущение, что происходит жуткая мистерия, будто чёрное жерло построенного тоннеля – некий портал, откуда должен прийти некто с рогами, и не просто какие-то актёры и танцоры поклоняются ему на сцене, но и сильные мира сего. Потому что на шоу присутствовали первые лица Европы: и канцлер Германии Ангела Меркель, и президент Франции Франсуа Олланд, – и они аплодировали, как-будто готовясь принять происходящее и поклониться «рогатому».

Совсем недавно звучали подобные заявления от вполне конкретного человека всемирно известного режиссёра и актёра Мела Гибсона, который рассказал, что верхушка Голливуда, знаменитые режиссёры и актёры, участвуют в сатанинских ритуалах. В частности, сейчас там

¹ Изображение Бафомета является символом сатанизма.

уже никого не интересуют какие-то несчастные деньги – самый лучший подарок или «откат» за роль – это ребёнок, который может быть использован в определённых омерзительных целях и мистических ритуалах. Вот какова самая ценная «валюта». Заявление было сделано публично, в прайм-тайм британского канала BBC. В студии собралась публика, и Мел Гибсон выступал перед ней, в том числе, за пределами эфира. А потом эту информацию независимо от него подтвердили известные актеры Брэд Питт и Джим Керри. Мел Гибсон также дал понять, кто стоит за всем этим, и сказал, что это, конечно, никакая не американская, а древняя традиция оккультных обществ и тайных структур, подробная деятельность которых хорошо описана.

Мел Гибсон прямо сказал, что подобный ритуал – это попытка войти в контакт с определённой темной силой для того, чтобы получать власть и посредством фильмов, которые производит Голливуд, оказывать воздействие, подобное наваждению, на американское население и на все народы мира, которые с удовольствием смотрят эти фильмы.

Тема наваждения в истории ещё подлежит отдельному изучению. Есть в Москве замечательный пожилой батюшка и духовный писатель священник Александр Кружлов. Несколько лет назад он написал книгу «Последняя война», где рассказал о том, что бесконечные войны, революции и смертоубийства, которые происходят в мире, на самом деле только некий фон. Применение оружия: танков, ракет, – вызывает не только кровопролитие, но и проявление определенных эмоций – ненависти, страха. Отец Александр говорит, что выплеск этих эмоций – необходимый фон для применения, как он выразился, «абсолютного оружия» и для использования некоего тайнознания, магии. Современному человеку, особенно молодому, сдавшему экзамен по ЕГЭ, с его представлением об истории человечества и литературе, трудно поверить, что в нашем цивилизованном мире, где существуют всякие гаджеты и технический прогресс, весьма влиятельные люди – политики, деятели культуры, искусства – совершают человеческие жертвоприношения, пытаясь таким страшным образом изменить в свою пользу ход истории. В голове нормального человека всё это не укладывается, и я с пониманием отношусь к тем людям, которые говорят: мол, вы, конечно, рассказываете об уникальных фактах, но этого быть не может. Действительно, в голове нормального человека это и не должно укладываться, потому что всё это придумано в нечеловеческой голове – в голове с рогами, а вдохновителем каждого преступного действия в мире является сам диавол.

Загадочной представляется смерть ещё одной голливудской звезды – знаменитого режиссёра Стенли Кубрика, последним фильмом которого

была работа под названием «С широко закрытыми глазами». Завершить фильм он не успел, так как умер при странных обстоятельствах. Кинокартина посвящена теневой элите, которая, собираясь на свои сходки, осуществляет сатанинские ритуалы в надежде получить власть над миром. И некоторые сочли смерть Кубрика мстью подобных структур за разоблачение.

Тем не менее, что касается возможности использования некоего тайнознания – каббалистического или иного – в нашем цивилизованном веке, то я вспоминаю теперь уже давние 1990-е годы, когда на «Первом» канале телевидения снимали фильм о психотропном воздействии на человеческое сознание. Съёмки, в частности, велись в одной из закрытых лабораторий в Москве. И в эту лабораторию как раз приехал с неофициальным визитом из Америки известный астронавт Эдгар Митчелл, тот самый участник космической экспедиции на Луну. Я взял у него интервью и спросил: «А чем вы занимаетесь после полёта в космос?» Он отвечал: «Сейчас я возглавляю в Америке институт ноэтики»¹. Что за слово такое? – в 90-е годы мы его вообще не слышали. Сейчас-то об этом можно почитать у Четвериковой² и у других авторов. Ноэтика – это вполне официальная дисциплина, которая сочетает в себе новейшие достижения науки и техники и магию. И действительно, когда сталкиваешься с особенностями воздействия на человеческий организм тех же психотронных генераторов, то становишься свидетелем странных явлений. Даже разработчики этого оружия в 90-е годы, в практически атеистической стране, – к своему изумлению обнаруживали удивительные явления. Вокруг психотронных приборов создаётся патогенная зона, начинают болеть и умирать сотрудники лаборатории, и вдруг кто-то по наитию приносит из дома освящённой воды, взятой у своей бабушки, покропят – и патогенная зона исчезает.

Кстати, прообразы психотронных генераторов, которые разрабатывались ещё во времена Третьего рейха, назывались тогда у нацистов, как мне кажется, гораздо более точно – «техномагические аппараты».

Всё это в очередной раз напоминает нам о том, что так называемая «элита» государств, отношения с которыми у нас сейчас обострились до предела, находящихся по ту сторону баррикады (Великобритания, США и другие страны), состоит из людей сугубо «духовных», которые понимают, что идёт духовная война. Но эта «духовность», понятно,

¹ Ноэтика – (от грч. *ноэ* – мыслить) – учение о мышлении, теория познания с помощью мысли, разума. Наука о познании. Институт ноэтики создан в Калифорнии астронавтом Эдгаром Митчеллом в 1972 году.

² Четверикова О. Диктатура «просвещенных». О духовных корнях и целях трансгуманизма // www.narodsobor.ru/view/publication/17784-olgachetverikova-/dictatura-/prosveshhyonnyx

со знаком минуса. Если какой-нибудь американский сенатор не масон, то он уж точно мормон. То есть все эти люди состоят в каких-то весьма специфических, часто инициатических обществах и понимают, кто их враг, демоническая сила им подсказывает. Тот же Збигнев Бжезинский говорит: «Русское Православие – главный враг Америки теперь». Вот и задумайтесь: а наше руководство, как мне кажется, очень технотронно и инженерно мыслящее, понимает ли оно характер этого противостояния?

Недавно в свою книгу «Террорист №0», которая изначально была посвящена именно мистической, духовной подоплёке, я добавил новую главу. Помню, когда эта книга появилась, я был на православной выставке в Минске, и один из покупателей долго ходил вокруг моего стенда, видимо, не решаясь что-то спросить. И только когда никого не осталось рядом, потихонечку подошёл: «Террорист №0 – это кто?» Это та самая «рогатая сущность», которая незримо для большинства людей, стоит за многими процессами мировой политики и мировых финансов, и даже мировой демографии. Как дьяволу не интересоваться демографией, ведь он – отец лжи и человекоубийца от века (см. Ин. 8, 44).

Так вот в эту книгу я добавил новую главу, которая посвящена сверхактуальной теме наших дней – необычайному успеху неоязыческих сект, псевдорусских сект, родноверов и так далее. Какое ведь слово взяли хорошее, тёплое, – чувствуете? Родноверы¹ – «родная вера». Её адепты нам, православным, говорят: «Ваша-то вера жидовская, не родная!»

И вот когда узнаешь, что сейчас многие из молодых бойцов элитных подразделений – «Вымпела» и «Альфы», которые охраняют первых лиц государства, стратегические объекты, снимают с себя кресты и говорят: «Мы не хотим быть ничьими рабами, потому что мы – свободные и гордые внуки Сварога (или Перуна)», то это означает, что с нашими элитными бойцами кто-то поработал. А кто вообще занимается нашей духовной безопасностью? Если мы создали хороший танк, надо ещё учитывать, что в этом танке сидит человек, а у него в сердце и в голове есть идеалы, которые кто-то формирует. Как видите, уже добрались до военной элиты, а вред от такого влияния очень тонкий, изощрённый. Я знаком с ветеранами «Альфы», ещё бравшими штурмом дворец Амина², это настоящие православные христиане, мы часто вместе бываем на Афоне, и они сокрушаются: «Да, молодняк пошёл такой...»

¹ Родноверы – религиозное движение-реконструкция, одно из направлений славянского неоязычества, цель которого – возрождение славянских дохристианских обрядов и верований.

² Спецоперация по захвату дворца «Тадж-бек» в районе Кабула «Дар Уль-Аман» и ликвидации председателя Революционного совета Афганистана Хафизуллы Амина, проведенная силами спецподразделений КГБ СССР и Советской Армии 27 декабря 1979 года.

Вот и осознаешь, что мы до сих пор не даём адекватного ответа на тот вызов, который нам брошен. Эти секты я считаю самыми опасными, поскольку они прикидываются «русскими», «родными». Когда в 90-е годы мы столкнулись с засильем многочисленных западных протестантских сект, целые стадионы собирали проповедники, которые на полном серьёзе рассказывали нашему человеку: «Вот я шёл по улице, помолился Богу, и мне попала дешёвая распродажа кур. Купил огромную партию, перепродал и разбогател. Аллилуйя! Слава Тебе, Боже, что Ты мне помогаешь!» Да, для американского менталитета это годится, но для русского человека просто смешно. Поэтому постепенно влияние таких сект сошло на нет. А тут родноверы, «родная вера». Самое главное, надо понимать, на чем они паразитируют и в чем суть их успеха. В том числе и в дефиците русскости, который мы наблюдаем в нашей государственной и церковной политике. К примеру, спортивное состязание, наша сборная играет, допустим, со шведами, и какой-нибудь человек разворачивает плакат «Русские не сдаются!» – ну спорт же, в конце концов. Обязательно к такому человеку подойдёт сержант и скажет: «Уберите это отсюда», – потому что он понимает «политику партии и правительства», – «не надо “Русские не сдаются”, что это все русские да русские». В церковной среде тоже иной раз скажешь пару раз слово «русский» – генералиссимус Суворов явно ведь не россиянин, а русский человек, и Пушкин – русский поэт, и так далее. И обязательно кто-то подойдёт и так вот, поджав губки, скажет: «А что это вы всё “русские” да “русские”? Вы же знаете, что *нет ни Еллина, ни Иудея*¹». Ну да, знаю. Но тем не менее, мне кажется, на русской земле, русскому народу, даже для возрождения его генетического кода полезно, чтобы чаще звучало слово «русский», нам нечего стесняться своей русскости. Знаете ещё, почему? Потому что эти господа-неоязычники говорят нам: «Мы – русские, мы – русские. Мы очень русские, мы – суперрусские!» Хотя во времена исторического язычества на нашей земле русских-то и не было: были поляне, древляне, вятичи и так далее, – каждый со своим культом богов, со своим пантеоном. Русскими их всех сделало Православие, христианство: единая вера объединила племена, которые стали русским народом. Корни русскости растут с Неба. Не обижая при этом людей других национальностей, нам, русским, – создателям нашего государства, государствообразующему народу – нечего стесняться слова «русский».

Ещё в плане необходимости борьбы с неоязычеством есть такой момент, который просто выбивает почву из под ног наших оппонентов, когда начинаешь прояснять, откуда они взялись вообще, все эти «супер-

¹ Кол. 3, 11.

русские». «Агентство русской информации» в Москве со своим телевидением и прочими ресурсами финансируется, как выясняется, почему-то из государства Израиль. Странная какая-то русскость... Или в городе Омске в постсоветское время жил некий провинциальный экстрасенс: снимал порчу, исправлял карму, – и вдруг он куда-то исчезает, почти год отсутствует, а потом возвращается и создаёт неоязыческую секту. Собираются, кстати, на его мероприятия, не как у нас, в основном, люди зрелые, а молодёжь, которая совершенно спокойно слушает то, что этому товарищу по фамилии Хиневич¹ «достоверно» известно. Как сто тысяч лет назад на Землю на звездолёте прилетел Перун и принёс золотые пластины с некими тайными письменами. Когда начинаешь пересказывать такое, люди, получившие хорошее советское образование, снисходительно улыбаются, но те, которые учились для ЕГЭ, слушают разиня рот и проглатывают всё это.

Кстати, откуда взялся ЕГЭ? Это же методика, которая, как я понимаю, была разработана в Соединенных Штатах Америки специально для людей с задержкой в умственном развитии, то есть не способных самостоятельно сформулировать ответ на вопрос. Поэтому их тестируют по принципу «угадай мелодию»: «Кто является великим русским поэтом – Пушкин, Наполеон или Воробьевский?» – правильный ответ надо угадать. Посредством такого экзамена наших детей искусственно делают идиотами. И если кто думает, что это просто какие-то недоработки нашего Министерства образования, то надо понимать, что на самом деле это система идиотизации населения – наукоёмкий продукт, который разрабатывают серьёзные структуры. В частности, лондонский Тавистокский институт человеческих отношений занимается этими разработками.

Когда Хиневич все это рассказывает, он говорит: «Вы понимаете, что все спецслужбы мира ищут эти золотые таблицы!» Но почему-то только одному ему известно, где они хранятся. Но даже если их найдут, то прочесть-то никто не сможет, потому что только он, Хиневич умеет читать древние письмена. У молодёжи, которая его слушает, вопросов не возникает – верит. А кто чуть знаком с сектоведением, в этих золотых пластинах сразу уловит нечто общее с учением мормонов. Там то же самое – некие тайные письмена на золотых пластинах. Мормоны – влиятельная американская секта. Так где же был Хиневич, когда отсутствовал в России? В Соединённых Штатах Америки. И мы знаем, что в Военно-полевом уставе армии США есть раздел «Психологическая война», где, в частности, сказано, что на территории потенциального противника, а для США это прак-

¹ Хиневич Александр Юрьевич – глава религиозного объединения неоязыческой направленности «Древнерусская церковь православных староверов-инглинов».

Святой Макарий Великий

тически весь мир, необходимо создавать новые или культивировать уже имеющиеся секты, самые разнообразные, на любой вкус. Это как в житии святого Макария Великого, которые идёт по пустыне и встречает диавола, всего увешанного какими-то сосудами. Святой Макарий спрашивает: «Куда ты идёшь?» – «Иду искушать монашескую братию». – «А что ты несёшь?» – « Несу каждому на его вкус».

Так и здесь: хотите что-нибудь псевдоиндуистское – пожалуйста, хотите «очень русское», «суперрусское» – нате, секту какую вам угодно, у каждой своя ниша. К сожалению, этот момент тоже недооценивается.

А всё-таки, как разговаривать с молодыми людьми, у которых ещё не начались необратимые процессы в мозгу, который пока не живут на американские гранты и не являются агентами влияния ЦРУ – с теми бесполезно уже разговаривать – с нашими простыми русскими парнями и девушками, которые действительно хотят узнать историю своего народа и поэтому попали в такую ловушку? С ними же необходимо разговаривать. И многим из нас сейчас, всё большему количеству людей,

приходится вести такие разговоры, иной раз даже в своей семье. Потому что многие дети, которые с малых лет ходили в храм, причащались, сейчас подросли и вдруг заявили, что снимают с себя кресты и хотят быть «внуками Сварога». Может быть, нам нужно вспомнить то, о чём говорил в Афинах апостол Павел. Его слушателями были мудрецы античного мира, Ареопаг, и вот апостол Павел напомнил им о том, что всё человечество происходит от единого Бога. Это очень важный момент, потому что нам язычники, неоязычники часто говорят: мол, вот вы всё опираетесь на историю последних двух тысяч лет, но ведь до этого тоже что-то было, давайте копнём глубже, в языческие времена. Но апостол-то Павел «копнул» ещё глубже и докопался до тех времён, когда существовало прямое богообщение первых людей с Творцом. И, конечно, в тот период человеку были открыты основы первознания, которые потом тысячелетиями хранились, часто уже в искажённом виде, в недрах языческой цивилизации. Некоторые думают, что христианство как бы узурпировало и украло всё лучшее из язычества. Наоборот, христианство восстановило в полноте ту истину, которую люди знали ещё в доязыческие времена – во времена прямого богообщения.

Например, откуда-то ведь языческие волхвы-мудрецы знали о том, что надо следить за определённой звездой, которая укажет время явления Спасителя мира. Из поколения в поколение в течение тысяч лет они поднимались на гору, смотрели и ожидали, – а звезды всё нет и нет. Но настолько они были уверены в истинности своего знания, что всё равно поднимались из века в век! И в итоге – вот она, звезда, и волхвы идут и поклоняются Спасителю-Богомладенцу. И что дальше? Сказано: «И отошли...»¹. Языческая мудрость отошла, она стала больше не нужна, потому что в мир явилась Истина. Так Пилат, который был философом, носителем античной мудрости, спрашивает: «Что есть истина?», – не понимая того, что истина – это не «что», а «Кто», и эта Истина сейчас стоит перед ним, потому что Истина явилась в мир.

Так что нужно многие вещи проговаривать с товарищами-неоязычниками. Например, они говорят, что возвращаются к языческому прошлому, потому что это культ воинов, а православной «размазни» им не надо. Мол, христиане, прости Господи, поклоняются Богу, который Себя позволял бить по щекам и вообще убить, а вот наши предки были непобедимыми и тому подобное. И при этом они тут же вразрез самим себе утверждают, что когда происходило крещение Руси, князь Владимир привёл греческих попов и они вырезали три четверти населения –

¹ Мф. 2, 12: *И...иным путем отошли в страну свою.*

Поклонение волхвов. Фреска. Каппадокия. XII в.

такое, мол, жестокое крещение. Только не очень понятно, как пришедшие из Греции попы могли вырезать почти весь непобедимый воинственный языческий народ.

Известно, что когда крестились жители Киева, то уже в течение года был построен многоглавый храм. Как появилась наша православная архитектура? Она очень своеобразная: многоглавые, луковичные, шатровые храмы, – уникальная архитектура, такой больше нигде нет. Неужели князь Владимир, как только крестил народ, позвал искусного плотника и сказал ему: «Слушай, у нас тут новая религия, надо изобразить что-нибудь эдакое, чего ещё не было, крутой храм такой...» Конечно же, такого быть не могло. Вне всякого сомнения, существовала архитектурная традиция, которая наполнилась новым содержанием. Часто неоязычник очень быстро дрейфует в сторону откровенного сатанизма, когда молодому адепту, чтобы получить какое-нибудь посвящение в своей секте, поручают поджечь православный храм. Так они ратуют за языческие древности, которые якобы были выкорчеваны христианством, поджигая православные храмы, многие из которых как раз и являются образцом древнерусской архитектуры.

А что же в сфере нашего языка? Есть русские слова: «Бог», «святость», «покаяние» и многие другие. Конечно, мы скажем, что это слова нашего

современного православного лексикона, но эти слова происходят из нашего дохристианского языческого лексикона, то есть эти понятия существовали и в качестве зёрен истины сохранялись в течение многих веков. Мы должны понимать, что славянский язык воцерковлен святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием, новое содержание как бы вливалось в старую форму, которая стала первоисточником современного русского языка. И кто же сейчас сохраняет этот древний старо-славянский язык? Неужели «Агентство русской информации», которое финансируется из Израиля? Или, может быть, Хиневич? – Нет, русская Православная Церковь сохраняет эту нашу святыню. И можно привести множество других примеров, которые для неоязычника станут настоящим откровением.

Хотелось бы ещё в контексте нашего сегодняшнего разговора напомнить о тех особенных взаимоотношениях, которые сложились у нашей страны с Англией. Во времена правления Иоанна Васильевича Грозного, когда на Руси появились первые английские купцы, наш Государь дал им серьёзные торговые льготы. В Москве англичанами была основана Русская торговая компания. Но вскоре, когда англичане показали свое истинное лицо, Государь отменил все льготы, после чего начались весьма характерные для английской внешней политики события. Королева Англии Елизавета I, «королева-девственница», как её называли, пишет нашему царю: «Из любви к тебе посылаю тебе своего лучшего лекаря, чтобы следил за твоим здоровьем». И посылает к нему некоего Бомелиуса¹, который до этого находился в заключении в Тауэре как отравитель. Так люди из «доброй старой Англии» начинают подсыпать царю ртуть, мышьяк и другую отраву, находя такие возможности через боярскую измену. Потом этого врача разоблачают, казнят, но появляется новый врач и тоже из Англии. Нашим предкам, наверное, в то время не приходило в голову, что нам делить с Англией, которая так далеко, и зачем английской королеве нужно травить русского царя. Когда останки Государя в 1960-е годы были исследованы, в них нашли запредельные дозы содержания отравляющих веществ, в десятки раз превышающие допустимые значения, по идее, от этих ядов человек должен был немедленно умереть. И отравленными оказались практически все члены царской семьи из династии Рюриковичей, которая как раз и пресекалась в этот момент, включая малолетних дочерей. Так экспансионистская политика Англии уже в те далекие времена проявила себя в полной мере.

¹ Элизеус Бомелиус (1530 – 1579) – авантюрист, лекарь, астролог и маг, палач-отравитель при дворе Иоанна Грозного, был казнен.

Другой ключевой момент нашей истории – оболганный русский государь Павел I. Некоторые говорят: взбалмошный царь, вздумал Индию с казаками освободить. Но была разработана сложнейшая операция, существовали договорённости с армией Наполеона, что мы и французский корпус движемся параллельно: казаки Платова, флот Российской империи и флот Российско-американской компании на Дальнем Востоке. В общем, Англия была в ужасе, поскольку «жемчужина английской короны» – Индия – могла запросто из этой короны «выпасть». В этой ситуации Англия использовала государственную измену: огромные деньги были выплачены приближенным государя Павла I за царевубийство. И теперь эта «добрая старая Англия» учит нас демократии и гуманизму и очень волнуется, расследуя дело полковника-изменника Скрипаля¹.

Можем напомнить еще один эпизод нашего «международного сотрудничества» – убийство Григория Ефимовича Распутина, как известно, контрольный выстрел в голову старца произвёл агент английской разведки. И сейчас в семье этого человека в Англии хранится свинцовый перстень, сделанный из той самой пули. BBC даже сняла об этом фильм².

Почему же такая особая «силовая» точка сформировалась именно на Британских островах? На этот счёт существуют разработки очень интересного исследовательского института Шиллера, который находится в США. Возглавляет его супруга известного Линдона Ларуша³ Хельга Цепп-Ларуш. Там провели глубинные исторические исследования и пришли к выводу, что когда мощное и влиятельное государственное образование под названием Венецианская республика стало терять своё могущество, появилась опасность турецкого вторжения, вся мировая торговая организационная структура была перенесена на Британские острова и в дальнейшем структурирована в виде английской торговой компании⁴.

Если посмотреть на британский герб, то с левой стороны на нём изображён лев, стоящий на задних лапах. В христианском контексте можно предполагать, что этот лев символизирует «колени Иудины» – то самое колено Израилево, из которого происходил Господь Иисус Христос⁵. Но можно ведь расценивать это как знак колена Данова, из которого

¹ Сергей Викторович Скрипаль – советский, российский и британский военный разведчик, до 1999 г. сотрудник ГРУ, полковник. В 2006 г. осужден в России за государственную измену в форме шпионажа в пользу спецслужб Великобритании и лишен воинского звания.

² «Кто убил Распутина?» Художественно-документальный фильм. BBC. 2005.

³ Линдон Ларуш – американский экономист, политик, основатель нескольких политических организаций, философ.

⁴ Воробьевский Ю. Ю. Орден Иуды. М., 2010.

⁵ Откр. 5, 5: *вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил...*

происходил признанный масонством своим основателем легендарный мастер Адонирам (Хирам), архитектор храма Соломона. Многие святые отцы указывают, что из колена Данова произойдет антихрист. Неслучайно сейчас именно Лондонский Сити является мировым финансовым центром, и характерно, что по периметру территории этого «города в городе», куда, кстати, без разрешения мэра Сити не может войти даже королева, стоят изображения охраняющих его границы драконов – весьма специфический символ¹.

Мы часто говорим об очередном финансовом кризисе, опасаемся его, и некоторые наши экономисты до сих всерьёз полагают, что финансовый кризис – следствие объективных экономических, финансовых процессов, происходящих в мире. Мне кажется, благодаря работам Катасонова² и других авторов уже совершенно очевидно и убедительно доказано, что каждый такой кризис является проявлением человеческой воли, результатом заговора. Влиятельная британская «Гардиан» в 2008 году даже составила список людей, которые лично ответственны за произошедший финансовый кризис. Никаких объективных процессов, а всего лишь действия главы Федеральной резервной системы, главы Банка Англии и целого ряда господ, которые собрались где-нибудь в Лондонском Сити или в Нью-Йорке, чтобы решить несколько конкретных вопросов: когда кризис должен начаться, когда закончиться и к чему привести. Так кризис 2008 года позволил промышленным мощностям в США и в других странах перейти в руки финансовых «капитанов» – тех самых людей, которые веками делали деньги из воздуха.

Возникает такой вопрос: почему все крупные деятели современной политики, международного здравоохранения и поддерживающие их магнаты прессы во всём мире работают на разрушение, войну? Спустя столетие после революционных событий в России можно оценить то, что прошло за эти годы в мире. Наверное, за пределами нашей страны уже никто не помнит таких великих деятелей революции, как «чёрный дьявол» – так называл себя Свердлов, «Железный Феликс» – Дзержинский – и даже Ленин. Но есть человек из этой же плеяды, который до сих пор знаменит во всём мире, – это товарищ Троцкий – «демон революции». Почему? Потому что с его фамилией связана идея перманентной революции, и в современном мире очень много его последователей. Неужели великий ум

¹ Дракон, так же как и змей, является одним из символов дьявола в христианстве. Змей также символ колена Данова.

² Катасонов Валентин Юрьевич – российский ученый-экономист, доктор экономических наук, публицист. Автор книг: Финансовая каббалистика XXI века. На пороге глобальной финансовой смуты. М., 2018; Центробанки на службе «хозяев денег». М., 2018 и др.

Троцкого создал такую долгоиграющую идею? Нет, эту идею Троцкому подсказал Парвус¹, а если копнуть ещё поглубже, выясняется, что идея перманентной революции произрастает из недр талмудизма. В талмуде сказано, что «мессия», Машиах, то есть тот, кого они ждут, но кого мы называем антихристом, явится на волне всемирных потрясений. Он явится, когда все будут измучены бесконечными войнами и революциями, которые проистекают из единого центра. Как сказал президент одного из латиноамериканских государств: «Есть только одна страна в мире, где не может быть никакой революции – это Соединённые Штаты Америки, потому что в Америке нет американского посольства». И когда страдания народов достигнут крайней степени, явится «некто весь в белом» и скажет: «Да, это я! Я вас утешу, я прекращу эти войны, я прекращу это безбожие, революции и так далее». Наш замечательный военный теоретик, бывший русский офицер, живший затем в эмиграции, Месснер² называл это «мятежевойна», постоянно действующий «воспалительный» процесс, ставший средой обитания для многих людей, фон для будущих поистине апокалиптических событий.

У этого разрушительного в самых разных его проявлениях процесса есть подоплёка. Начнём издалека. В Среднеуральском женском монастыре в честь иконы Пресвятой Богородицы «Спорительница хлебов» под Екатеринбургом ведётся ежесубботняя отчитка бесноватых, и болящих там бывает очень много. Читая Евангелие, мы обращаем внимание, какое большое количество бесноватых встречает Господь на Своём пути. Такое ощущение, что человечество стояло уже на каком-то жутком пороге, потому-то и необходимо было явиться в это время Господу. И вот сейчас одержимость людей настолько массовая, что становится страшно. Когда в монастыре ведётся отчитка, и священник называет демонов: бес блуда, бес гордыни, бес сребролюбия, – и приближается к человеку с крестом, со святой водой, читая молитвы по чину Требника митрополита Петра Могилы, то многие падают в ужасных конвульсиях. Даже не буду описывать, что происходит, потому что это тоже явление нечеловеческое. И часто устами страждущих начинают говорить бесы, а люди при этом падают на землю, и становится ясно, в результате чего они получили своих «подселенцев». Зависимости от компьютера, Интернета, телевизора имеют почти наркотический характер, это очень родственные духовные болезни, как и алкогольная зависимость.

¹ Парвус Александр Львович (1867 – 1924) – доктор философии, теоретик марксизма, публицист, политический деятель.

² Месснер Евгений Эдуардович (1891 – 1974) – генерального штаба полковник, выдающийся русский военный теоретик, писатель, историк, публицист.

Недавно устами одной несчастной женщины эта сущность прорычала: «Меня зовут Эфон, демон, князь тьмы». Думаю: «Эфон – что-то напоминает... Айфон, да, айфон!» Конечно, это забавное созвучие, которое цепляет, и я как журналист стал его раскручивать. Оказалось, что создатель компании «Эппл» Стив Джобс, равно как и создатель «Майкрософта» Билл Гейтс, увлекался в ашраме различными индуистскими практиками. И обоих можно назвать «кислотными» людьми¹, жертвами психоделической революции. Более того, уже историки Силиконовой долины² совершенно всерьёз говорят, что не будь той наркотической революции в США, не было бы никакой компьютерной революции. То есть как будто они получали свои технические идеи в результате некой «подпитки». Нашёл в Интернете рекламу первого компьютера «Эппл» с изображением первого символа этой компании. Сейчас это яблоко, а тогда достаточно подробный рисунок: сидит Ньютон под деревом, а над его головой – яблоко, прямо светится, сейчас оно упадёт на голову Ньютона и произойдёт великое открытие. Потом символом «Эппл» стало надкусанное яблочко. Сразу вспоминается, кто первый надкусил яблоко в истории человечества. Так изменился характер символики. А еще в рекламе первого персонального компьютера – наверное, опять простое совпадение – указана цена: 666 долларов 66 центов. Вот так. И можно привести массу подобных примеров из истории этой компании.

Демонический мир заинтересован в молодых талантливых людях. Многообещающий политик может красиво написать о разврате и употреблении наркотиков и соблазнить многих, талантливый разработчик технических систем сможет создать новое оружие массового поражения, медик – вирус.

В моей книге «Шаг змеи» я привожу рассказ замечательного духовного писателя и священника схиигумена Гавриила³, «игумена N», как он подписывал свои книги. В конце 80-х годов, когда в духовном плане наша страна казалась атеистической пустыней, отцу Гавриилу пришлось несколько раз за короткий срок столкнуться с фактом договора

¹ Психоделическая революция в США в 60 – 70 гг. XX века – особая субкультура, основоположниками которой были Тимоти Лири и Алан Гинсбер. Они возвели употребление наркотиков в базовый принцип нового общественного движения и дали ему философское и культурное обоснование. Галлюциногенные средства трактуются как средства расширения сознания и получения «знания о внутренней ценности всего сущего».

² Силиконовая долина – технологический конгломерат в Калифорнии, недалеко от Сан-Франциско, где размещено большое количество высокотехнологических компаний, связанных с разработкой и производством компьютеров и их составляющих.

³ Схиигумен Гавриил (Виноградов-Лакербая) – с 2003 г. наслыжник Валаамского монастыря, в Великий пост 2017 г. принял постриг в великую схиму. Возглавляет Кавказское подворье Валаамского монастыря – приписной скит в честь Владимирской иконы Божией Матери.

с нечистой силой в наши дни. Приходит к бабушке некий человек и в ужасе рассказывает: «Раздался звонок в дверь, открываю, незнакомец вежливо спрашивает:

– Вы, кажется, хотели что-то продать? А я как раз тот, кто готов купить.

– Нет, какая-то ошибка, я ничего не продаю!

– Ну как же, вы были вчера в гостях у таких-то, помните? Выпили там, может быть, лишнего, и помните, какой разговор пошёл? Проклятый “совок”, инженерная должность за 120 рублей, если бы был кто? Как вы сказали? То продал бы что? Душу. Я тот самый, который готов купить...»

Рассказываю всё это, чтобы дать объёмное представление о чрезвычайно опасном и лукавом мире, который нас окружает. Но если заикаться только на этой теме, то действительно можно умом повредиться. Как говорится, когда человек пристально вглядывается в бездну, бездна начинает вглядываться в него. Необходимо, понимание того, что такие структуры, как общество Девятого круга¹, масонские, парамасонские, каббалистические организации, сильные мира сего, открывающие тоннель в Швейцарии, господа, собирающиеся в Астане, всем своим видом пытаются показать, что всё в мире ими схвачено и решено. Но это не так! Если бы зло действительно имело абсолютную власть, если бы существовало «кольцо власти», как у Толкиена², то не было бы ни России, ни этого зала, ни этой лекции – ничего. На самом деле они нервничают, у них многое не получается.

Вернемся к теме духовной войны. Существует элитный «духовный спецназ» – старцы, которые никуда не делись и живут не только на Афоне, но и рядом с нами, и в отдалённых скитах, и в мегаполисах. Считаю нужным именно сейчас больше говорить об этой несокрушимой силе. Если Богу будет угодно, есть такое благословение: поехать в уральские горы, в тайгу, и собрать материал о девичьих скитах, где одни только девицы творят Иисусову молитву. В тот самый форпост в районе Уральских гор, о котором говорили некоторые старцы: «Если будет китайское нашествие, то дальше Уральских гор не смогут пройти, что-то их не пустит».

Может быть, в продолжение темы «Царь-змееборец» назову новую книгу «Бой на калиновом мосту» или «Бой на реке Смородине». Духовные сражения, которые описаны в русских былинах, происходили не в воображении сказителей. Через сердце каждого человека протекает

¹ Сатанинский культ, куда входят члены самых влиятельных королевских дворов Европы, иерархи Ватикана, высшие чины правительств и глобальной элиты.

² Джон Рональд Руэл Толкиен, автор трилогии «Властелин колец».

река Смородина и проложен калинов мост. И мост называется калиновым не потому, что сделан из дерева – калины, а потому что он раскалён, ведь река Смородина течёт огнём-пламенем и отделяет наш мир от мира зла, откуда на нас, на землю русскую, на Святую Церковь из века в век ползут страшные чудища. Эти чудища и драконы описаны в преданиях, легендах и мифах всех народов мира, и в большинстве этих источников встречаем змеборца, который побеждает зло.

Некоторые удивляются: «Как можно всерьёз основывать свои выводы о том, что происходит в мире, на каких-то преданиях, мифах, легендах?» Но и в Ветхом Завете речь идёт о странных, казалось бы, вещах. Например, в Библии мы читаем, что существует чудовищный змей Левиафан¹, который живёт в море и его дыхание раскаляет угли – ничего себе хладнокровная рептилия! Так кто же это? Что за змей такой? А иногда образованные люди недоумевают: «Ну как вы, православные, можете всерьёз верить, что кит проглотил Иону? Кит питается крилем, он не может проглотить человека!» Но сейчас Евгений Андреевич Овдеенко сделал уточняющий перевод² и трактует этот момент так. Надо читать: «и Иона воззвал из недр шеола»³. «Шеол» по-еврейски – ад. Иона воззвал к Богу из недр ада, то есть он был не проглочен животным, китом, а его проглотил диавол, которому было попущено испытать человека.

Почему же именно кит, вроде бы, такое безобидное существо, сейчас является символом групп смерти в Интернете? Может быть, некоторые люди со знанием дела используют образ того, кто китом вовсе не является? Кто-то может оценить мои слова как некий литературный образ, но характерно, что именно в сетях Интернета водятся «тролли», как называют провокаторов, и плавают «синие киты».

Кстати, в результате исследований, которые проводились в Принстонском университете в США, выяснилось, что в сетях Интернета ложь распространяется в шесть раз быстрее правды. Интересно, правда?

Конечно, мы используем гаджеты и Интернет для работы. Но надо понимать существующую опасность, особенно для наших детей, которые зависают там сутками, у них возникает настоящая наркотическая зависимость. Когда демон Эфон называет себя «князем тьмы», это верно не только в духовном, но и в физическом плане: целое поколение перешло на ночной образ жизни и просто живёт в Интернете. Помните, как у Конан Дойля сказано: «...остерегайтесь выходить на болота в ночное

¹ Иов. 40 – 41.

² Овдеенко Е. А. Книга Иова в греко-славянской и еврейской Библии.

³ Ср.: Иона 2, 2.

время, когда силы зла властвуют безраздельно». Слава Богу, на самом деле не безраздельно, потому что именно ночью становятся на молитву афонские старцы, и не только афонские. Духовная битва продолжается, и в этой битве помимо нашего элитного «духовного спецназа», наших старцев-молитвенников, должны участвовать и мы. Все мы ощущаем, что мир идёт как по лезвию ножа и колеблется на какой-то грани. Если он качнётся вправо – обретёт точку опоры, а качнётся влево – полетим в пропасть. Ощущение, что стоим на пороге войны. И если система такая неустойчивая, то может быть, необходимо на нужную чашу весов добавить какой-то вес, равный всего-то весу крыла бабочки, – в духовном плане это может быть молитва человека, который никогда не молился. Как трудно в первый раз перекреститься, особенно в присутствии других! Суставы заржавели от грехов твоего рода, от собственных грехов, скрипят и не слушаются, – попробуй поднеси руку ко лбу, а ещё смотрят все на тебя... Но вот крестное знамение совершенно, и может быть, только одного этого крестного знамения, только одной этой молитвы кого-то из нас так не хватает. Зло по ту сторону баррикады не является неодолимой силой, и поэтому мы должны сражаться в духовной брани хотя бы в качестве рядовых, – обозных войск, которые подвозят на передовую патроны. Желаю всем нам этого. Прощаюсь с вами до следующей встречи, дорогие жители моей любимой Самары! И хочу ещё раз сказать, что всё равно этого тигра можно победить. С Богом всё возможно! Не унывайте. Если Бог с нами, то кто против нас?

Самара, апрель 2018 года

Воробьевский Юрий Юрьевич – писатель, журналист, режиссер. Родился в 1956 г. в Куйбышеве (Самара). Окончил Ленинградский госуниверситет. В журналистике с 1978 г. Более десяти лет работал в ТАСС. С 1991 г. на Первом канале телевидения возглавлял творческое объединение журналистских расследований «Чёрный ящик». Член редколлекции журнала «Русский Дом». Член Попечительского совета Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря.

Автор книг «Черный снег на белом поле: Массовый идиотизм как наукоемкий продукт», «Третий акт: Третий рейх и Третий Рим», «Наступить на аспида: Неожиданный Афон», «Русский голем: Демонология мировой культуры», «Пятый Ангел вострубил: Массонство в современной России» и многих других.

ПУСТОТА: КРИЗИС ПРЯМОГО ПРОДОЛЖЕНИЯ

КОНЕЦ БЫСТРЫХ РЕШЕНИЙ¹

Ольга Александровна Седакова

Тема пустоты, опустошенности, отсутствия смысла, отсутствия будущего – лейтмотив того момента цивилизации, в котором мы оказались. Этому моменту уже почти век. Не задуматься об этом невозможно. Не попытаться ответить этому было бы просто нечестно.

Но отвечать пустоте – задача особая. Можно отвечать даже откровенному злу или заведомой лжи – но тому, кто принял и утверждает всеобщую пустоту, пустоту всего, ответить, по всей видимости, нечего. Это как разговор с магическим зеркалом, в котором все, что отражается, пропадает без следа. Любое наше

утверждение рухнет в эту среду, аннигилирующую всякий смысл, оно там заведомо «ничего не значит». Но самым нелепым ответом было бы заявить, что никакой такой пустоты и вообще нет, что все это чья-то злостная выдумка.

Я коснусь сегодня – и, конечно, весьма поверхностно – двух аспектов этой темы: опыта пустоты в контексте одной жизни, одной души – и пустоты как феномена исторического, как болезни нашего времени.

Итак, исторический феномен пустоты. Этот диагноз нашему времени поставлен очень давно: вероятно, в «конце прекрасной эпохи». Опустошенность, обезсмысленность, безцельность, сползающее дви-

Печатается по: *Седакова О. А.* Четыре тома. Том IV. *Moralia*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.

¹ Выступление на Международной научно-богословской конференции: «Духовное противостояние пустоте в Церкви и обществе». Москва, 29 сентября – 1 октября 2008 года.

жение к концу, который тоже ничего не значит. Богатые времена, времена больших событий кончились.

Великие слова других времен,
других событий, явных – не для нас.
Что за победа? Выстоять – и всё.

Р.М. Рильке, «Реквием графу фон Калкройту» (1908)

Об этой опустошенности, о какой-то новой неприглядной нищете говорили все большие художники XX века. Даже конец, к которому идет дело, потерял свой катастрофический или эсхатологический ореол: он представляется ничтожным и бессмысленным, как в знаменитом финале поэмы Т.С. Элиота:

Вот как кончается свет.
Вот как кончается свет.
Только не взрывом, а хрипом.

Или – лет через 50 – у И. Бродского:

Это хуже, чем детям
Сделанное бобо,
Потому что за этим
не следует ничего.

Т.С. Элиот, один из самых суровых диагностов «новых времен», «модерна», свою первую поэму назвал «The Waste Land» (1922) – пустая земля, пустырь, и следующую за ней – «The Hollow Men» (1925), полые люди. Так что уже почти век, как цивилизация – во всяком случае, авангард Цивилизации – смотрит на себя как на «полых людей», а на свой мир как на «пустырь», the waste land. В послевоенные годы немецкий богослов П. Тиллих определил наше время как эпоху «третьей тревоги», тревоги пустоты и бессмысленности¹. Вначале это переживание пустоты на месте основополагающих смыслов было крайне драматическим и тревожным, как у Элиота и вообще в модернизме.

Отличие нашего момента, который называется уже постмодернизмом, – удивительное спокойствие по поводу как бы «узаконенной» пустоты бытия. Да, несомненно, все пусто, смысла ни в чем нет, кругом одни видимости, тиражируемые артефакты и симулякры. Люди мы маленькие и пустые (но других, «великих», больше нет, так что и сравнивать не с кем), никакого светлого будущего нет (и хорошо, а то ради этого будущего опять построят лагеря), великого Начала тоже нет («В начале были руины», как полагает один из самых влиятельных мыслителей постмодерна, Ж. Деррида: да, руины и ранние травмы), истины нет (и тоже

¹См. наст. изд.: Мужество и после него.

неплохо: а то за истину придется умирать и убивать), есть только разнообразные дискурсы, и у каждого такого дискурса есть своя если не правда, то объяснимость, *raison d'être*. Ничего значительного мы уже создать не можем, да и воспринять, кажется, не можем – да не очень-то и хотим. Так и будем жить, реагируя на поток обстоятельств, на «шум времени», заботясь главным образом о сохранении молодости и здоровья. Вот разница времен, высокого модерна и сменившего его постмодерна: тревога ввиду пустоты – и приспособление к пустоте или, как я когда-то это назвала, «усвоение отчуждения». А сама тема пустоты поставлена, повторю, уже очень давно.

Но начну я с пустоты в границах личной жизни. Я думаю, этот опыт – встреча с пустотой, шок пустоты – вообще говоря, неизбежен, это постоянное и, нужно думать, необходимое испытание человека. Вероятно, это соседство с пустотой – о котором чаще всего просто не помнят, но которое иногда обнаруживается со всей своей силой – это соседство и даже родство человека с пустотой входит в то, что называется *conditio humana*, т. е. в само положение человека в этом мире. В обыденности встреча с пустотой называется скукой, у мистиков – ночью души. Наверное, форм этой встречи еще много, и происходит она с разной интенсивностью, но, мне кажется, речь всегда идет об одной субстанции.

Я не поверю, если мне кто-нибудь скажет, что он никогда – в той или иной форме – не знал этого переживания. Я не поверю и тому, кто обещает навсегда избавить меня от него: предложит какую-нибудь программу действий, лекарство, психотерапию и т. п., чтобы никогда впредь не встречать пустоты. Я уверена, что ничем другим как иллюзией – или глушилкой, о которой я буду говорить дальше, – такой путь гарантированного избегания пустоты быть не может. Это было бы, вообще говоря, предложение избежать собственной смертности.

И действительно, пустота – самая прозрачная форма греха и смерти (грех, как мы помним, – «жало смерти»); она – передаю стих Бродского в смягченной форме – похуже ада. В любых других дурных проявлениях: в злобе, в насилии, в безобразии какая-то жизнь, но есть. А в пустоте ее нет совсем. Поэтому это самое невыносимое для человека переживание. Из него хочется бежать куда угодно. Как известно, природа не терпит пустот. И человек не терпит пустот. И общество не терпит пустот. И поэтому оно торопится пустоты заполнять.

И вот здесь-то, мне кажется, и заключена самая большая опасность. Не в пустоте самой по себе, которую, уж если она настигла, нужно перетерпеть, и терпение, можно надеяться, принесет плоды; откроются, быть может, новые, неожиданные для тебя смыслы и го-

ризонты. Даже от тривиальной скуки, владеющей современным миром¹, не следует бежать опрометью в одно развлечение за другим, как говорил своим американским студентам И. Бродский. Встреча с пустотой – своего рода суд над тем, что с тобой происходит на земле, когда ты вдруг видишь: все, что тебя держало, не имеет никакого смысла. Такое испытание, я думаю, направлено в будущее. Какая-то, может быть, последняя правда навещает нас в этот момент, и мы видим совсем пустым то, что и в самом деле не было совсем полно. Не то чтобы оно было пусто. Но на его неполноту, на его относительную осмысленность можно было закрывать глаза. И вдруг тебе это открывается во всей силе. Здесь и может начаться молитва – как в «Стихах о смертном часе» С.С. Аверинцева, где рассказано о том, как «минет все, что мнилось», как человека покидает вся его мнимость, всё, что «сновидцу наяву случилось»,

И срам небытия обнажится.
Здесь и звучит последняя просьба:
Пустоту мою наполни Тобою.

Зная себя пустым, можно просить о наполнении; если же с тобой и так все в порядке...

Так вот, я думаю, что главная опасность не в самой пустоте – а в том, что ее заглушают. Ее пытаются как можно скорее чем-нибудь закрыть, засыпать, завалить: любой активностью, любым общением, чем угодно; «отвлечься» на что-нибудь, «предпринять» что-нибудь. И такая, «превращенная» пустота, в отличие от первой, уже безысходна. Обращаясь к теме нашей конференции, я бы сказала: противостоять требуется прежде всего глушилкам пустоты. Напомню, что итальянский фашизм и немецкий нацизм возникали как огромная глушилка осознанной и опостылевшей пустоты: как попытка противостоять декадансу позднебуржуазной жизни в новом энтузиазме, в возрожденном героическом «величии родной древности», римской или тевтонской. Этим его вожди и риторы соблазняли самых просвещенных критиков пустой цивилизации, таких как Мартин Хайдеггер и даже Райнер Мария Рильке, который в «Миланских письмах» восторженно писал о Муссолини: «вот истинный кузнец народного духа»!

¹ Теперь она тривиальна, но когда-то, в романтические времена, она посещала только необычайных людей и была едва ли не знаком необычайности: байроновский *spree*, бодлеровская *Генни*, онегинская хандра среди незатейливых соседей-помещиков. Из этой-то хандры и скуки («Мне скучно, бес!»), а не из жажды познания, как бывало, Пушкин разворачивает сюжет Фауста. И в этом он сходится с аскетической мыслью о результате уныния как победе в ложную «заместительную» деятельность и активность (см. *Габриэль (Бунге), иером.* Акедия. Духовное учение Евагрия Понтийского об унынии. Рига: ФиАМ, 2005).

Наш момент цивилизации действует по-другому. Он отличается тем, что, пожалуй, как никогда, озабочен изготовлением других, «безопасных» глушилок пустоты. Человека теперь зовут не маршировать с факелами, угрожая какому-то «общему врагу» и обещая отдать жизнь за родного дуче, – а всего лишь «балдеть» и «зажигать» на массовых концертах и дискотеках и читать сплетни о поп-идолах, которые отдать за себя жизнь вовсе не требуют. Глушилки издают при этом невыносимый шум и гром, заполняют пространство и время, зрение, слух и все восприятие. Человеку в нормальном состоянии от динамики этих глушилок становится физически плохо. Это ведь не иначе как попытка, вся эта сверхгромкая музыка, весь этот сверхмеханический ритм, весь этот штурм нашего физического восприятия и насилие над ним. Какой же силы должна быть тревога, которую таким образом глушат? Современная индустрия развлечений – неслышанная по размаху – говорит о бесконечных и все более интенсивных попытках заглушить пустоту.

Но развлечения («когда бы грек увидел наши игры!»), я боюсь, еще не самое страшное. Развлечениям отведен какой-то момент жизни, и человек пока еще не заявил, что хочет только развлекаться. Он позволяет себе таким образом, «развлечениями», глушить пустоту в моменты отдыха, в свободные (то есть, пустые) часы, а в остальное время он все-таки занят чем-то другим. Самое страшное, мне кажется, происходит, когда не развлечения, а сама занятость, сама активность, сама деятельная жизнь принимает компенсирующий, «глушащий» характер. Что-то (очень много что!) делается, но делается только для того, чтобы заглушить пустоту. Чтобы сделать вид, что что-то происходит и куда-то движется. Эта активность и называлась в аске-те унынием. Мельница крутится, но ничего не мелет. Мы окружены этими пустыми формами: книжки издаются, потому что их почему-то надо издавать; конференции устраиваются, потому что почему-то надо их устраивать и т. д. Бездна пустых форм, которые уже никому не нужны, и которые загромаждают жизненное пространство именно в силу своей пустоты. Настоящая, значительная, значащая вещь не заполняет пространство: наоборот, она открывает его, умножает, она выводит на простор. Вот откуда у нас это ощущение загромажденности мира вещами и информацией, как во время пробок на улицах: эти вещи и эта информация пусты. Они лишние. Как пустые и лишние, они занимают место, съедают пространство и время. Непустые вещи не отбирают, а дарят место для жизни: они сами и есть это место. Пустота, о которой мы говорим, – это не какое-то пустое пространство, которое ничем не заполнено: это полное отсутствие всякого простран-

ства для жизни. *Се, оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13, 35). В таком доме нечем жить, не в чем жить: нечему отдать себя¹.

Нашу цивилизацию часто сравнивают с позднеантичным временем, с Римом периода упадка. Непредвзятый человеческий взгляд там так же поражает масштабность пустоты – и характерная попытка заменить смысл величиной и количеством. Остатки римских колоссов, чей уцелевший мизинец больше человека в рост, огромные пустые цирки, которые созданы как будто для ничего, для оскорбительной пустоты зрелищ. Количество и величина на месте смысла – как в нынешних сверхогромных плакатах. Такой бывает цивилизация в конце: такой материально могучей, такой во всех отношениях богатой и оснащенной – и такой размагниченной. Магнит будущего ее уже не влечет. О сходстве нашего времени с позднеантичным писал греческий богослов Иоанн (Зизиулас), отмечая при этом существенное и печальное различие. У идущего ко дну позднеантичного времени был ресурс, еще не использованный, еще не введенный в этот круг, – юное христианство. Оно пришло как ответ и исцеление от всей этой пустоты. А та цивилизация, которая уже век как объявляет себя пустырем, концом истории и т. д., она исторически вобрала в себя христианство, она мыслит себя как постхристианская. Эта культура полагает, что про христианство она уже все знает, христианству ей нечего сказать. Она считает, что это ее прошлое, которое прошло, как все остальное. Мы знаем, что эта мысль ошибочна, – но кто докажет это обществу? Христианство было вовлечено в нашу двухтысячелетнюю историю. И если о том, что в ходе этих веков оно дало обществу и человеку, вспоминается редко (вообще говоря, никогда), то все недолжное в истории Церкви и церковей поминается без конца.

Да, как поздняя античность, мы пришли к такому моменту, где прямое продолжение выглядит безперспективным. Какая-то надежда, одушевлявшая все это движение, покинула мир. За обличениями современного общества как общества потребления, как либерализма без границ

¹ Вот замечательное описание воздействия значащей вещи (в данном случае, лекций Флоренского о Платоне): впечатлительный слушатель отмечает главные моменты этого воздействия – прибавление жизни, изменение восприятия зла, явление того, чему можно отдать себя: «Да, этим можно, и должно было, и стоило жить! Я выходил прямо-таки опьяненный, чувствуя и себя причастным в какой-то мере этой поистине божественной жизни. Хотелось жить, созерцать, мыслить, творить. Раскрывались глаза на малейшие детали окружающего мира природы и людей, прекрасное начинало сиять и ласкать своей просветленной ясностью, зло постигалось как тень, как отсутствие прекрасного. Зло переставало угрожать; оставаясь в мире, оно не делало человека безнадежным и беспомощным, наоборот, оно звало к борьбе с ним, к подвигу, к отречению от зла в самом себе для победы над злом в мире. Сколько радости было во всем этом! Как хотелось целиком отдать себя этому дивному миру!» Волков С. А. Воспоминания о П.А. Флоренском // Символ. № 29. Сентябрь 1993. С. 156.

и т. д., забыто, концом – или венцом – какого проекта оно является. Почему и каким образом дело дошло до этого? Ведь то, что мы видим, есть осуществление очень долгого и, по существу своему, благородного проекта изменения мира к лучшему, которым человеческая история никогда не занималась так последовательно, как со времен европейского Просвещения. Предполагалось устроить мир, в котором человеку будет лучше жить. И лучше совсем не в низком смысле, не в том только, что он будет досыта накормлен, одет и избавлен от тяжелого труда. Он будет свободен, его достоинство не будет унижено, его чувство справедливости будет удовлетворено. Вот тогда, когда все будет для этого приготовлено, тогда человек и раскроет вполне свою человеческую природу.

Этот проект отнюдь не сорвался: можно сказать, он исполнился. И не сам собой, а огромными общими трудами, с употреблением большой одаренности. Сорвались попытки реализовать его (или нечто подобное) в идеологическом государстве, как в случае советского коммунизма.

Но в том мире, который принято называть свободным и цивилизованным (а с недавних пор также «золотым миллиардом»), он исполнился. Человек – статистический человек – никогда так хорошо не жил, никогда не обладал столькими возможностями, никогда не был так защищен от несправедливости, от болезней, от нищеты, от грубого труда. Венец этого развития, я думаю, – «Всеобщая декларация прав человека», шестидесятилетие которой мы встречаем. Когда читаешь любой из ее параграфов, он звучит, как песнь торжествующей любви – например, «каждый человек, независимо от пола, религии, нации и т. д. имеет право заключать брак по собственному выбору» и т. п. Никогда такого не было. У человека никогда не было большинства из тех прав, которые декларирует современная цивилизация. И не только декларирует: она предписывает их к исполнению. Здесь, я думаю, вершина этого проекта – утверждение достоинства человека. В каком-то смысле это отклик пророчеству Исаии: *Люди будут дороже чистого золота, и мужи – дороже золота Офирского* (Ис. 13, 12)¹.

И что же? обнаружилось, что, приобретя все эти условия существования (не только материальные, повторю), человек отнюдь не стал гениальнее и жизнь его не стала более творческой. С какими же условиями связано раскрытие человеческой природы, иначе говоря, счастье человека, осуществление человека? Вот это вопрос – и вопрос не для быстрого решения. Но внутренняя исчерпанность огромного исторического проекта «прогресса», неплодотворность и уже явная

¹ С той разницей, что эту драгоценность у пророка Исаии приобретают «оставшиеся» после гнева и очищения люди, праведники.

опасность его прямого продолжения («тупик прямого продолжения», как назвали наше положение ученые на грани тысячелетий) – и при этом невозможность свернуть с этого пути (продолжение технических завоеваний и т. п.) и составляют то переживание исторической пустоты, с которого мы начинали наши рассуждения.

Здесь, напоследок я хочу еще раз остановиться на сравнении нашей цивилизации с позднеантичной. Да, позднеантичная цивилизация, «римский мир периода упадка» многими чертами, увы, напоминает нас. Многими печальными свойствами, которые повсеместно обсуждаются – и часто с несколько истерическим нажимом: рушится семья, рушится нравственность, гибнет молодежь... Все это говорили и в позднем Риме, и так оно, в сущности, и было. И, тем не менее, в поздней античности были и другие вещи: те, которые тянулись к другому, тянулись к будущему. И они вошли в это будущее. В лице апологетов в богословие вошла греческая философия. В первых христианских памятниках, фресках и мозаиках мы видим продолжение тех же помпейских росписей языческих мозаик. Что-то в позднем мире было, что из общего погибания тянулось к будущему, к другому будущему. К тому, где произошла встреча Афин и Иерусалима, о которой так любил говорить С.С. Аверинцев.

И вот можно задать вопрос: а есть ли что-то такое и в наших днях, что пригодится для другого, что смотрит в будущее – какое-то новое приобретение, новое знание, новое чувство? И я могу с полной искренностью сказать, что, на мой взгляд, есть. Есть нечто новое, чего не знали даже в те «великие времена», о которых писал Рильке. Чего-то они еще не знали, и мы чувствуем это, когда глядим на них: во всяком случае, я чувствую. И не только я. «О нашей современности принято думать более всего в связи с утратами и деградацией, – писал мне в письме швейцарский художник Маркус Штеффен, – но у нас есть и приобретения. Никогда еще человек не различал так ясно всеобщей хрупкости мира и его всеобщей связности. И, тем самым, никогда не хотел в такой мере избежать насилия – в виде действия, мысли, формы». Вот что мы знаем теперь. Очень небольшую вещь. У нас гораздо больше, чем когда-нибудь, внутреннего неприятия агрессии и отвращения к пресловутой воле к власти. Больше, чем у Бетховена, больше, чем у Рафаэля. Всего другого меньше, но этого явно больше.

Вполне удовлетворит современную душу (о том, что такое современная душа, я сужу, естественно, по собственной) такое произведение, которое никаким образом не агрессивно, которое не проявляет никакого желания властвовать над тобой, а появляется, как нечто открывающее тебе пространство, позволяющее быть, как крайне внимательное

и бережное. И ту бережность, которую мы сейчас могли бы полюбить, мы совсем не часто встретим во всем, что сделано до сих пор, в великие времена человеческого гения. Это совсем новая задача. И как все совсем новое, она стара как мир. Ее выразил Клодель: «Человек познает мир не через то, что он из него взял силой, а через то, что он ему добавил: себя самого» («Познание времени»). И эта новая позиция, я думаю, и может противостоять пустоте.

Пустота забрала себе все громкое, все большое, все яркое, все властное, все «великое» в старом смысле – но некоторых вещей она не может взять. Каких? Вещей маленьких, неприметных, кротких. Таких, как бережность, нежность, внимание, как чуткость, большая чуткость, может быть, чем прежде: она известна современному человеку. Среди другого: современный человек по-новому чуток к страданию. Он не может переносить те страдания других, которые в прежние времена принимались как вполне терпимые, входящие в порядок вещей (я имею в виду не только корриды и публичные казни). Пацифизм и вегетарианство, «экологическое» отношение к вещам, которые стихийно, как огонь, распространяются среди европейцев, – внешние проявления этого отталкивания от насилия. И для меня эти, почти негативные новые свойства «избалованного» человека благополучной цивилизации – это зерна будущего, из которого может развиваться творчество совсем другого типа, величие другого типа. Может, подчеркну. Это не гарантия, а потенция.

Я не хотела бы, чтобы меня поняли так, что эту новую нежность и внимательность я представляю себе на манер позднеантичной. Нет, это другое. То – позднее, изящное, изысканное знание хрупкости бытия, как в помпейских фресках. На нем лежит вечернее, закатное освещение. Прощальная ласка. Очарование обреченного, того, чего завтра не будет. А не будет завтра ничего. И поэтому все становится равно дорогим: малое и большое, полное смыслом и как будто пустяковое. Михаил Кузмин это прекрасно выразил в «Александрийских песнях». Умиление, уравнивающее большое и малое, существенное и несущественное, как в памяти об ушедшем дорогом человеке. Но я-то говорю скорее об утреннем, о сильном – очень сильном начале. Как росток в каком-то отношении сильнее взрослого растения. Сильнее своим ресурсом будущего. Сила бережности и дарения – никак не меньше, чем привычная сила захвата и преодоления. Это великая сила.

Ольга Александровна Седакова родилась в Москве 26.12.1949 г. В 1973 году окончила филологический факультет МГУ. В 1986 году вышла ее первая книга в издательстве УМСА-PRESS, в России первая книга О. Седаковой вышла в 1990 году. Кандидат филологических наук, доктор богословия *honoris causa* (Минский Европейский Гуманитарный Университет, факультет богословия, 2003).

«Духовный Собеседник» в 2019 году

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Беседы главного редактора «ДС»:

с российским ученым, доктором физико-математических наук Геннадием Анатольевичем Калябиным;

с Любовью Васильевной Шумилкиной, заведующей художественным отделением школы искусств № 6 г. Донецка, руководителем группы воспитанников, посетивших Самару с выставкой «Война глазами детей Донбасса».

Статьи доктора юридических наук, автора работ по византологии и церковному праву А. М. Величко «Человеческие скорби и божественное утешение», «Свобода и грех», «О любви».

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

Статья православного журналиста Юрия Воробьевского «Новый Карфаген».

Редакция журнала «Духовный Собеседник» выражает благодарность Вороновой Ирине (с. Приволжье), оказавшей помощь в издании журнала.

1-я стр. обложки: Храм прп. Сергия Радонежского на Красном холме Куликова поля.

2-я стр. обложки: Великий князь Димитрий Донской. Фреска. XVII век. Архангельский собор Московского Кремля.

3-я стр. обложки: Прп. Сергей Радонежский и великий князь Димитрий Донской. 2015 год. Бронза. Скульптор Карэн Саркисов.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№5(103). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 1.08.2019 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2019 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
 - 39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
 - П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
 - 3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
 - 39582 – в каталоге РУП «Белпочта» (Беларусь).

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2-ое полугодие 2019 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложённым платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**